

✧ ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ
ЮНИР САФ
С

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Мир, человек и путь
в тюркской традиции

Юнир Саф

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

«Автор»

2026

Саф Ю.

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ / Ю. Саф — «Автор», 2026

Как обрести внутреннюю опору в эпоху хаоса, обратившись к вековой мудрости предков? Эта книга — глубокое философское и духовное осмысление тенгрианства, древней тюркской традиции веры в Вечное Небо (Тенгри). Тысячелетиями кочевники Великой степи жили по законам священной меры, сохраняя безупречную гармонию с окружающим миром и собственной совестью. Автор раскрывает основы миропонимания номадов и их уникальный этический кодекс. Это не просто исторический экскурс, а практическое руководство для современного человека. Вы узнаете, как принципы тенгрианства помогают обрести внутреннее равновесие, переосмыслить свои жизненные ориентиры и восстановить утраченную связь с природой. Откройте для себя философию, которая учит силе, стойкости и осознанности под бескрайним Вечным Небом.

© Саф Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О книге: Слово к читателю и духовный ориентир	6
Краткий словарь ключевых понятий традиции	7
Книга I. Источники и начало традиции	8
Глава 01. Древнейшие свидетельства: эпоха хунну и тайна истоков	8
Глава 02. Слово на вечном камне: орхонские и енисейские памятники	14
Глава 03. Взгляд извне: как соседние народы открывали веру степи	20
Глава 04. Слово степи среди мировых учений: средневековые тюркские тексты	25
Глава 05. Живая память: сказания, предания и эпический голос степи	29
Глава 06. Память крови и земли: обычаи, обрядовый уклад и степное право	33
Глава 07. Межа истины: подлинная традиция и очищение от вымысла	37
Книга II. Небо и мир: теология и космология	41
Глава 08. Тенгри: священное небо, образ творца и исток бытия	41
Глава 09. Небо видимое и небо сокровенное: купол мира и высший порядок	49
Глава 10. Священная земля-вода: одухотворенный мир и благоговение перед жизнью	55
Глава 11. Умай: материнское начало, защита колыбели и очага	61
Глава 12. Предки и память рода: зов аруахов, тризна и завет отцов	67
Глава 13. Святыни степи: священные горы, целебные воды и дух огня	73
Глава 14. Строение мира: три царства вселенной и мировое древо	80
Глава 15. Вселенский закон тёрё: небо, государь и народ	86
Книга III. Человек в мироздании: антропология	93
Глава 16. Человек меж небом и землей: призвание и место во вселенной	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Юнир Саф ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Юнир Саф
ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Мир, человек и путь в традициях тюркоязычных народов

Возрастное ограничение: 12+

Издатель: Studio AI43, г. Уфа, 2026 г.

* * *

АННОТАЦИЯ

Фундаментальный труд, посвящённый религиозно-философской традиции и духовному наследию тюркоязычных народов Евразии. Книга раскрывает ключевые категории традиционного миропонимания — Тенгри, Тёрё, Кут, культ матери Умай, священную Землю-Воду, культ предков и этику пути человека под открытым Небом.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей, философией, этнографией и духовной культурой тюркоязычных народов.

* * *

ЮНИР САФ
ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Мир, человек и путь в традициях тюркоязычных народов

Уфа

Studio AI43

2026

Книга представляет собой целостное философско-культурологическое осмысление древней традиции почитания Вечного Неба — Тенгри. В доступной и ясной форме раскрывается миропонимание кочевников Великой Степи, священный закон космического порядка Тёрё, бережный лад с природой и нерушимый нравственный кодекс совести. Издание снабжено практическими жизненными ориентирами и обращено к широкому кругу читателей, ищущих духовную опору и внутреннее равновесие.

О книге: Слово к читателю и духовный ориентир

Эта книга родилась для того, чтобы стать верным и надёжным проводником для каждого человека, независимо от его опыта, возраста и жизненного пути. По своей ясности, простоте и бережному строю она создана так, чтобы быть доступной начинающему, не перегружая ум сухими схоластическими терминами. Однако её глубина и мудрость открыты абсолютно любому читателю — и тому, кто только впервые поднимает взор к бездонному лазурному куполу Неба, и тому, кто уже давно ищет незыблемые духовные ориентиры. Каждый найдёт здесь ответы на вечные вопросы человеческого сердца: кто я в этом бескрайнем мироздании? На что опереться в дни сомнений, невзгод и бурь? Как пройти свой земной путь достойно, в мире с чистой совестью, в неразрывном согласии с природой и самим собой?

На протяжении тысячелетий народы Великой Степи не строили каменных храмов, которые запирали бы дух человека в четырёх глухих стенах. Их храмом был весь видимый мир: открытый небосвод, согретый солнцем и озарённый звёздами, живая земля, поросшая ковылём и целебными травами, чистые горные ручьи и вечный огонь домашнего очага. В этом великом открытом пространстве выростала не догматическая секта и не собрание сухих религиозных запретов, а целостное, мужественное и поразительно современное мировоззрение — вера в Тенгри, в священное Небо-Творца, объёмлющее всё живое.

Из древнетюркских рунических стел Орхона и Енисея, наскальных рисунков Алтая, старинных поэтических сводов, богатырских сказаний и живого векового обычая проступает совершенно ясный образ праведной жизни. Традиция учит: человек не случаен и не одинок во Вселенной. Он не червь, ползающий во прахе, но и не слепой деспот, имеющий право хищнически разорять природу. Человек поставлен Небом ровно посередине — «между Небом и Землёй» — как сознательный хранитель равновесия, правды и священной меры.

Подлинная духовная свобода, согласно традиции Тенгри, открывается не во вседозволенности или эгоистическом произволе, а в добровольном и благородном принятии своего долга:

1. Долг перед Небом (Тенгри) — жить по правде, держать совесть чистой, не осквернять уста ложью и помнить, что над каждым твоим поступком бодрствует всевидящий небесный взор;

2. Долг перед Землёй и Водой (Йер-Суб) — благоговейно беречь живую природу, не брать от неё лишнего, очищать родники, сажать деревья и не нарушать священного природного лада алчностью;

3. Долг перед своим родом и предками (Аруах) — свято хранить память отцов, почитать седины старших, оберегать покой матери и чистоту семейного очага;

4. Долг перед грядущим — воспитать детей в чести и достоинстве, передав им незапятнанное Доброе Имя (Эдгу ат) и цветущую землю.

Девять Книг этого труда проведут тебя последовательным и светлым путём: от древнейших свидетельств на вечном граните сквозь строение вселенной, тайну души и законы степной чести — к сокровенному пониманию своего личного пути под открытым Небом.

* * *

Краткий словарь ключевых понятий традиции

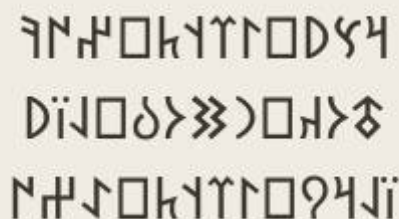
Чтобы чтение книги было лёгким, ясным и глубоким для каждого, напомним главные священные слова традиции:

- Тенгри (Kök Teңri / Тәңір / Тәңре) — Вечное Небо, верховный Творец, высший Разум, животворящий Свет и нерушимый нравственный Закон бытия.
- Кут (Qut / Құт / Кот) — священная небесная благодать, животворящая сила и духовная крепость, ниспосылаемая Небом человеку для праведных дел.
- Төрө (Törü / Төрө / Төре) — вселенский космический Порядок и нерушимый нравственный Закон, которому подчинены и природа, и правители, и простые люди.
- Йер-Суб (İduq Yêr-Sub / Жер-Су / Ер-Һыу) — Священная Земля-Вода, живая, одухотворённая ткань природы, требующая заботы и благоговения.
- Умай (Umay-Ana / Ымай ана) — светоносное материнское начало бытия, добрая покровительница младенцев, колыбели, матерей и плодородия.
- Аруах (Aruaq / Арвақ) — духи праведных предков, незримая духовная опора рода и живая связь поколений.
- Ант (Ant / Серт) — священная присяга на верность правде, нерушимое слово чести, скрепляемое перед лицом Неба.
- Алас (Alas) — обряд духовного очищения огнём и целебным дымом горного можжевельника (арчи).
- Эрдем (Erdäm / Ерлік) — подлинная человеческая доблесть, соединяющая мужество воина с добротой сердца и верностью долгу.
- Босаға (Bosağa) — священный порог родного дома, отделяющий внутренний мир семьи от внешнего хаоса.
- Эдгу ат (Edgü at) — незапятнанное Доброе Имя человека, переживающее века и остающееся в благодарной памяти потомков.

* * *

Книга I. Источники и начало традиции

Глава 01. Древнейшие свидетельства: эпоха хунну и тайна истоков

ᠶᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
ᠳᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
ᠶᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ

«Каждое утро шаньюй выходит из шатра и совершает благоговейное поклонение восходящему солнцу; вечером же он обращает взор на закат и совершает поклонение луне...»

(Сыма Цянь, «Ши цзи», гл. 110, «Повествование о сюнну», ок. 100 г. до н. э.)

Горизонт древности: Тайна ледяных курганов и первое пробуждение

На глубине девяти метров под каменистой почвой урочища Ноин-Ула в Северной Монголии царит вечная мерзлота. Когда археологи вскрыли двойной листовидный сруб царской гробницы, перед ними предстало зрелище, перевернувшее представления о древнем мире: в ледяном саркофаге покоился кочевой владыка, окруженный вышитыми шелками с изображениями крылатых грифонов, золотыми солярными бляхами и тяжелым железным клинком, обогранным жертвенной кровью.

Европейские историки XIX века долгое время внушали миру снисходительный миф: якобы до появления каменных стел в VIII веке степь была погружена в слепую, бессловесную «доисторическую тьму», где дикие орды кочевников не знали понятий о Боге, законе и смысле человеческого пути.

Этот миф рухнул.

Археологические раскопки гигантских царских курганов Аржан-1 (IX–VIII вв. до н. э.) и Аржан-2 (VII в. до н. э.) в Уюкской котловине Тувы зафиксировали грандиозный солярный ритуал за полторы тысячи лет до появления первых письменных стел. Радиальная архитектура Аржана-1, представляющая собой исполинское бревенчатое колесо с десятками отсеков для ритуальных коней, воспроизводит солярную модель мироздания. Конь здесь — не просто жертва, а небесный скакун солнца, чей бег синхронизирован с вращением созвездий.

А по бескрайним равнинам Монголии и Южной Сибири уже поднимались ввысь оленные камни — многометровые гранитные столпы с выбитыми на них фигурами оленей с ветвистыми рогами, летящих к солнечным дискам. Это были первые вертикальные оси мира, каменные молитвы, пронзающие пустоту.

Именно на этой гранитной и солярной почве около 209 года до нашей эры выросла первая супердержава Евразии — *Империя Хунну (Сюнну)* во главе с шаньюем Модэ. Здесь был впервые сформулирован священный договор между человеком и Небом, ставший духовной матрицей степной цивилизации.

Шаньюй встречает солнце: Космическая синхронизация власти

Древнейшее нарративное свидетельство о религиозной практике хунну принадлежит китайскому историографу Сыма Цяню (ок. 145–86 гг. до н. э.). В 110-й главе «Исторических записок» (Ши цзи) он зафиксировал распорядок ритуальных действий верховного правителя кочевников:

> «Каждое утро верховный владыка шаньюй выходит на рассвете из своего шатра и совершает благоговейное поклонение восходящему солнцу; вечером же он обращает взор на закат и совершает поклонение луне. При собраниях и пиршествах в ставке почитают восток и сидят, обратившись лицом к югу...»

Этот фрагмент фиксирует не бытовое суеверие, а фундаментальный принцип космической синхронизации верховной власти. Власть правителя в степи признавалась легитимной постольку, поскольку ритм его личных действий строго соответствовал кардинальным циклам макрокосма.

Утреннее поклонение солнцу представляло собой ритуальный акт приятия дневного света, тепла и витальной энергии, пробуждающей степь. Вечерний поклон луне знаменовал признание закона смены фаз, покоя и циклического угасания.

Пространственная ориентация ставки шаньюя подчинялась строгой геометрии: вход шатра был обращён на восток — навстречу солнечному источнику жизни, тогда как сам шаньюй восседал лицом к югу, держа за спиной север — неподвижную ось ночного неба, именуемую в тюркской традиции *Темір Қазық (Temir Qazıq)* — «Железный Кол» (Полярная звезда).

Таким образом, тело правителя в пространстве кочевья функционировало как живой компас мироздания, точка пересечения солярной оси восток-запад с полярной меридиональной осью север-юг.

Трактат «Янь те лунь»: Спор о природе степного порядка

Глубинный этический смысл хуннского жизнеустройства зафиксирован в уникальном источнике эпохи Хань — трактате «Янь те лунь» («Спор о соли и железе»), составленном Хуань Хуанем в 81 году до нашей эры на основе стенограммы государственных дебатов при императорском дворе.

В 38-й главе трактата придворные конфуцианцы упрекают хунну в отсутствии внешних норм сыновней почтительности и пышных церемоний. В ответ защитник кочевников (выражающий позицию реальных дипломатов, знавших степь) формулирует коренное отличие кочевой этики от оседло-бюрократической:

> «Обычаи сюнну просты и не отягощены сложными предписаниями. Отношения между государем и подданными у них не запутаны паутиной церемониальных кодексов. В управлении государством они держатся за суть дела, а не за внешнюю форму. Слово, данное пред лицом Неба, у них тверже любых письменных печатей...»

Этот диалог вскрывает коренную философскую черту: степная традиция строилась на примате прямого нравственного обязательства над бюрократической казуистикой. Человек степи отвечал за своё слово непосредственно перед всевидящим оком Неба.

Титул как онтологический манифест: Категория Кут

Сыма Цянь и Бань Гу («Хань шу», гл. 94) сохранили полный официальный титул владыки степи: Чэнли гуту шаньюй (#####).

Ханьские историографы дают точный билингвальный перевод этого титула:

«Чэнли на языке сюнну означает Небо; Гуту означает сын, семя, потомство; Шаньюй означает обширный, великий».

В современной алтаистике и тюркологии данная транскрипция реконструируется как *Тенгри-Кут (Tenṛi-Qut) — «Наделённый небесной благодатью» или «Сын Неба через дарование Кута». Здесь впервые в письменной истории человечества фиксируется термин Кут (Qut)*, ставший стержневой категорией тюркской антропологии и философии власти.

Кут в традиции кочевников не являлся наследственной собственностью или безусловной привилегией крови. Это сакральный небесный мандат, харизма правды и жизненная сила, ниспосылаемая Небом правителю исключительно как ответственность за народ.

Правитель удерживал Кут лишь до тех пор, пока соблюдал закон предков, вершил правосудие, оберегал пастбища и защищал соплеменников. Если шаньюй или каган проявлял несправедливость, жестокость и корыстолюбие, Небо отзывало Кут. Внешним проявлением утраты благодати становились природные бедствия (джут, засуха, падеж скота) и военные поражения. Лишённый Кута правитель терял легитимность и устранился родовой знатью.

Таинство Лунчэна: Триада сакрального года

Обрядовая жизнь хунну носила строгий общегосударственный характер. Бань Гу в «Хань шу» оставил подробное описание трех главных календарных собраний:

> «В первый месяц года вожди и старейшины собираются на малое собрание при ставке шаньюя и приносят жертву. В пятый месяц все они съезжаются в великом множестве в Лунчэн и там приносят жертвы своим Предкам, Небу, Земле и Духам. Осенью, когда лошади разжиреют, все съезжаются на великое собрание в Дайлин, где производят подсчёт людей и скота...»

Ритуальный цикл хунну воспроизводил три стадии космического года:

Весеннее моление первого месяца совершалось узким кругом старейшин в момент смены сезонов. Это было испрашивание благодати на отел скота и сохранение стад после зимней бескормицы.

Великое летнее моление в Лунчэне (пятый месяц) представляло собой сакральный центр года. Урочище Лунчэн («Святилище Дракона», локализуемое археологами в долине реки Орхон) выступало общим алтарём империи.

Формула жертвоприношения, зафиксированная летописцем, строго выверена: «Предкам, Небу, Земле и Духам».

Перед нами древнейшая триада традиционного мировоззрения:

1. *Небо (Тенгри)* — высшая направляющая воля, мужское, светоносное и порождающее начало бытия;

2. *Земля (Йер-Суб)* — воспринимающее, кормящее и плодоносящее материнское лоно природы;

3. *Предки (Аруах)* — непрерывная цепь родовой памяти, связующая поколения ушедших и ныне живущих.

Осеннее собрание в Дайлине объединяло сакральный акт благодарения Неба за сытое лето с военно-административным пересчётом ресурсов державы перед лицом зимы. Здесь проверялась боеготовность воинов, распределялись зимовки и обновлялись клятвенные союзы между родами.

«Золотой человек» и соляная символика степи

В 121 году до нашей эры полководец династии Хань Хо Цюйбин в ходе кампании в Ганьсуском коридоре захватил святилище хуннского князя Хючжу. В «Хань шу» зафиксировано:

> «Хо Цюйбин разбил князя Хючжу и захватил золотого человека (цзинь жэнь), перед которым князь приносил жертвы Небу...»

Комментатор Жу Чунь (III в. н. э.) поясняет: «Хунну не имели идолов в храмах; золотая статуя служила им для молитвенного предстояния Небу на возвышенном месте».

В кочевнической культуре золото осмыслялось не как товарный эквивалент богатства, а как нетленный материальный символ солнечного света. В природном мире, где растения увядают, ткани истлевают, а плоть обращается в прах, самородное золото сохраняет неизменный блеск.

Этот пласт соляной метафизики подтверждается материалами сакского кургана Иссык в Семиречье (исследован К. А. Акишевым), где погребённый в IV–III веках до нашей эры воин («Золотой человек») облачён более чем в четыре тысячи золотых пластин с соляными бар-

сами, тулпарами и птицами. Высокий конический головной убор воина воспроизводит вертикальную ось мироздания: золотые стрелы указывают на четыре стороны света, а венчающая фигура крылатого коня знаменует восхождение к высшим небесным сферам.

Аналогичную семантику несут золотые пластины хуннских элитных курганов Ноин-Улы (Северная Монголия, раскопки С. И. Руденко). Вышитые на ноинулинских тканях сцены борьбы хищника и копытного (грифон, терзающий лося) манифестируют не хаос дикой природы, а космический закон смены циклов: солнечный огонь и небесная сила (грифон) обновляют земную материю через жертвенный переход.

Клинок клятвы: Институт Анта и культ священного железа

В степном социуме, лишённом стационарных судебных палат и тюремных институтов, правопорядок держался на безусловной святости произнесённого слова, скреплённого ритуалом *Анта (Ant)*.

В 52 году до нашей эры при заключении мирного договора между шаньюем Хуханье и послами империи Хань Хань Сюанем и Ван Шаном был исполнен древнейший дипломатический обряд степи («Хань шу», гл. 94):

> «Шаньюй вместе с китайскими посланниками взойшёл на гору к востоку от реки Ношуй. Был заклан белый конь. Шаньюй взял драгоценный серповидный ритуальный клинок — Цзинлу — и смешал кровь коня с вином в чаше из черепа вождя юэчжей. Обмакнув в чашу концы стрел и мечей, участники договора испили клятвенную влагу...

> Формула клятвы гласила: "Отныне и впредь тот, кто первым нарушит договор, да будет покаран Небом: пусть меч поразит его самого, и род его пресечётся на вечные времена!"»

Семантика обряда содержит фундаментальные элементы степного кодекса:

1. Священная вершина выступает как природный алтарь, где клятва приносится в прямом присутствии Неба;

2. Белый конь олицетворяет солярную непорочность намерений;

3. Клинок Цзинлу (китайская транскрипция древнетюркского Qïñïraq — обоюдоострый жертвенный нож) почитался как сакральное железо, наделённое карающей силой. Железо осмыслялось как космический металл, рождённый соединением руды (земли), пламени (огня), воды (закалки) и дыхания ветров (кузнечных мехов).

Присяга на оружии — *Ант ічмек (Ant içmek), буквально «испить клятву», — прошла сквозь тысячелетия без изменений. В XI веке Махмуд аль-Кашгари зафиксировал заклание: «Kök temür qanıqsun!»* («Пусть синее железо напьётся крови нарушителя клятвы!»), а в XIX веке казахские судьи свода «Жеті Жарғы» будут требовать от подозреваемого прикосновения к обнажённой сабле перед лицом Неба.

Нарушение анта именовалось термином *Язук (Yazuq)* — промах, уклонение от прямой стези Тёрё. Клятвопреступник подлежал не просто человеческому суду: считалось, что небесное железо отворачивается от него, его оружие ломается в бою, а род поражается бесплодием.

Пазырык и Укок: Конь-психопомп и топография бессмертия

Отношение кочевников к физическому концу бытия раскрывается в материалах мерзлотных погребений Горного Алтая V–III веков до нашей эры — курганах урочища Пазырык (раскопки С. И. Руденко) и плато Укок (раскопки Н. В. Полосьмак).

В Пазырыкских курганах № 1–5 рядом с погребальным срубом вождя были обнаружены захоронения верховых коней (от 7 до 16 животных в кургане). На головы коней были надеты маски из войлока, кожи и золотой фольги, увенчанные массивными рогами оленя или скульптурными фигурами крылатых грифонов. Кони были уложены строго головами на восток — навстречу восходу солнца.

В этой ритуальной пластике выражена древнейшая эсхатология: смерть для кочевника не была провалом в небытие. Она понималась как *Великое Перекочёвье (Kөшу) и временная Разлука (Adrılmaq)*.

Однако преодоление границы между мирами требовало медиатора — сакрального проводника душ (психопомпа). Конь, наделённый рогами оленя (солярного символа неба) и крыльями грифона, трансформировался в трансцендентное существо, способное нести душу хозяина по небесным просторам.

Этот архетип лёг в основу общетюркского представления о крылатом богатырском скакуне: *Тулпаре (Tulpar) казахских батыров и Акбузате (Aqbuǵat)* башкирского кубаира «Урал-батыр».

На плато Укок в кургане Ак-Алаха-3 погребение знатной женщины («Принцессы Укока») сохранило на коже мумии сложнейшую зооморфную татуировку: рогатый олень с клювом грифона, крылатые барсы и козероги. Данные рисунки представляли собой сакральную топографию посмертного восхождения: тело усопшего маркировалось знаками духов-покровителей Верхнего Мира. Шесть осёдланных рыжих коней, захороненных вместе с женщиной, предназначались для этапов пути к небесным пастбищам предков.

Ориентация погребальных камер на Полярную звезду (Темір Қазық) и захоронение коней головой на восток формировали целостный вектор: путь души лежал от точки восхода жизни к неподвижному полярному центру вечности.

Живой обрядовый канон: Огонь, молоко и священный порог

Хуннская обрядовая практика заложила основы бытовой литургии кочевников, сохранившейся в этнографии тюркских народов вплоть до новейшего времени.

Очищение огнём (Алас):

Сыма Цянь отмечает обычай хунну проводить прибывающих послов между двумя кострами перед допуском в ставку правителя. Огонь (От) воспринимался как земная манифестация солярного света, уничтожающая скверну, болезни и злой умысел. Спустя шесть веков византийский посол Земарх пройдёт этот же обряд у тюркского кагана Истеми, а казахские и башкирские женщины будут совершать обряд Алас с можжевельником (арча / адыраспан) над колыбелью новорождённого.

Кропление белым молоком (Сүт шашу):

Обычай хунну приносить жертву свежим кумысом и молоком перед принятием решений зафиксирован в китайских хрониках как знак умиловивления духов Земли-Воды. Молоко — цвет чистоты (ак), первоначальный дар материнского лона. Кропление молоком на восток символизировало возвращение жизненного сока Земле и Небу до того, как человек вкусит пищу сам.

Табу священного порога (Босаға):

Хуннские установления запрещали наступать ногой на порог шатра правителя или касаться дверных войлочных пологов оружием. Порог (Босаға) разделял два онтологических пространства: внешнее (пространство хаоса, стихий, чужих) и внутреннее (пространство священного очага, рода и духов предков). Наступить на порог означало нанести оскорбление хозяину очага и разорвать границу родового мира.

Итоги: Концептуальное наследие эпохи Хунну и надвигающаяся буря

Исторический анализ свидетельств эпохи Хунну, подкреплённый материалами скифосакской археологии Алтая и Тувы, открывает перед исследователем первоначальный исток великой степной матрицы. В ее центре стояли не антропоморфные боги, а космоцентрический Закон гармонии Неба (Тенгри) и Земли (Йер-Суб), равенство перед клятвой на стали (Ант) и небесный мандат ответственности (Кут), не дававший властителю стать тираном.

Но удержать этот небесный мандат оказалось тяжелейшим испытанием. Когда спустя века хуннская империя распалась, великое кочевое пространство погрузилось в хаос междоусобиц, а племена попали под железную пяту восточных династий. Казалось, священный код степи стерт навсегда, а свободный народ обращен в безгласных рабов.

Но в глухую полночь 682 года на берегах Орхона сорок отчаянных всадников во главе с Кутлугом поклянутся вернуть себе Небо или истлеть без могил. Они бросят вызов непобедимой империи Тан и добудут свободу ценой собственной крови.

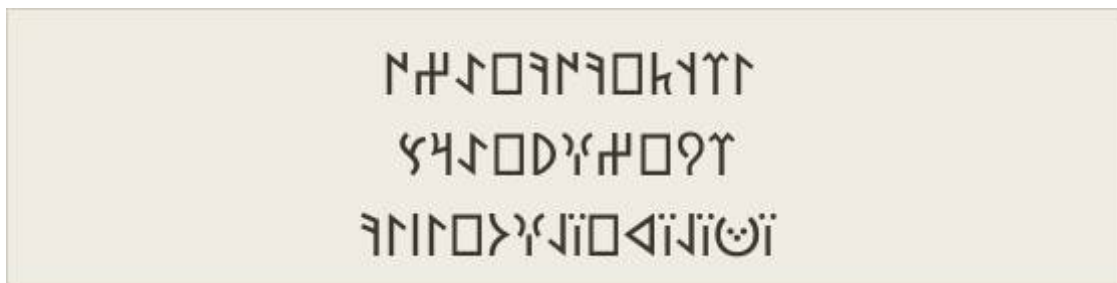
И первым словом, которое восставшие высекут резцом на гигантских гранитных скрижалях в сердце Монголии, станет слово, расколовшее вековое безмолвие Азии...

* * *

Остановись на мгновение и вслушайся в завет древнейших предков. В нём нет ничего сложного, но в нём заключена великая сила:

- Начинай свой день с благодарности свету: выйди на рассвете, подними взор к чистому утреннему небу и вспомни, что день дарован тебе для созидания и добра.
- Относись к своему слову как к священному клинку: лучше промолчать, чем дать пустое обещание. Честность перед Небом и людьми делает твою душу неуязвимой.
- Помни, что благодать (Кут) не даётся за жадность. Чем больше ты отдаёшь тепла, заботы и помощи окружающим, тем обильнее Небо наполняет твою жизнь светом и покоем.

Глава 02. Слово на вечном камне: орхонские и енисейские памятники

«Когдаверху возникло Синее Небо, а внизу возникла Бурая Земля — меж ними обоими сотворены были сыны человеческие...»

(Большая надпись в честь Кюль-тегина, памятник Кошо-Цайдама, 732 г.)

Слово, высеченное в ярости: Тайна каменных скрижалей Орхона

В августе 731 года степь сотрясало рыдание тысяч воинов. Погиб Кюль-тегин — легендарный полководец, спаситель и опора Второго Тюркского каганата. К его погребальному шатру в урочище Кошо-Цайдам на берегу Орхона съехались послы всех великих империй того времени: Рима, Китая, Тибета, Согда. Они рассекали лица ножами, смешивая кровь со слезами над телом богатыря.

Но его царственный брат, Бильге-каган, знал: человеческая память коротка, а предательство сладко. Пройдет несколько десятилетий, и новые поколения забудут, какой ценой была куплена свобода. И тогда каган приказал сделать то, чего до него не делал ни один правитель кочевников: высечь на четырехметровых мраморных обелисках вечный манифест правды и верности Небу.

Одиннадцать веков эти гигантские стелы стояли среди бурь и снегов Монголии, безмолвно храня тайну. Тысячи угловатых знаков, выбитых в камне, напоминали скандинавские руны, но не поддавались ни одному востоковеду мира. Казалось, мертвые унесли свой секрет навсегда.

Прорыв произошел промозглой осенью 1893 года в Копенгагене. Датский лингвист Вильгельм Томсен неделями вглядывался в эстампажи, сопоставляя повторяющиеся знаки. И 25 ноября 1893 года он наконец расшифровал первое слово, пробившее стену тысячелетнего безмолвия.

Это было слово *Тенгри (Tengri)* — «Небо / Бог».

Вторым словом стало имя народа: *Тюрк (Türk)*.

Камень заговорил. И голос, прозвучавший со скрижалей Кошо-Цайдама, оказался не мольбой и не сухой хроникой дат — это был громовой набат предостережения потомкам.

Происхождение рунического алфавита: спор школ

Открытие орхонского письма породило фундаментальную научную дискуссию о его генезисе, не завершённую по сей день:

1. Согдийско-арамейская гипотеза (В. Томсен, С. Е. Малов, И. В. Кормушин):

Согласно этой теории, тюркское руническое письмо представляет собой графическую модификацию некурсивного согдийского письма (восходящего к арамейской графике), адаптированного к фонологической системе тюркского сингармонизма (разделение согласных на твёрдые и мягкие ряды).

2. Автохтонно-тамговая гипотеза (Н. А. Аристов, А. С. Аманжолов):

Казахстанский эпиграфист А. С. Аманжолов и этнограф Н. А. Аристов доказали прямую генетическую связь большинства рунических знаков с древнейшими племенными родовыми знаками собственности — *тамгами (тамҕа) кочевников, а также с наскальной пиктографией Саяно-Алтая и Семиречья (петроглифы Тамгалы и Саймалы-Таш). Форма буквы eb (дом) повторяет пиктограмму юрты, буква oq (стрела) — острие стрелы, буква ay* (луна) — серп луны.

Современный синтез показывает, что тюркская руника явилась гениальным актом сознательного государственного языкового строительства: реформаторы каганата использовали арамейско-согдийский алфавитный принцип, но отлили знаки в формы привычных степных родовых тамг.

Стела Чойрэн и хронологический горизонт руники

Древнейшим датированным памятником тюркской рунической письменности является не Кошо-Цайдам, а Чойрэнская надпись, обнаруженная в 1928 году в Восточно-Гобийском аймаке Монголии (исследована С. Е. Маловым и С. Г. Кляшторным).

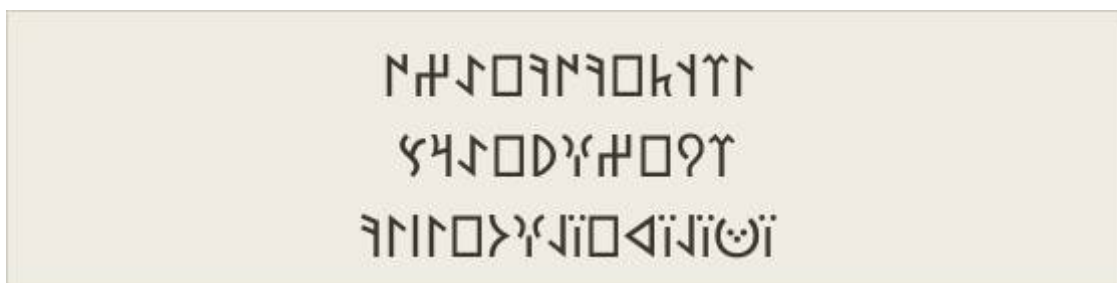
Памятник выбит на статуе мужчины и датируется 682–688 годами нашей эры — моментом антикитайского восстания Эльтериш-кагана и восстановления Второго Тюркского каганата. Краткий текст Чойрэна содержит знаменательную формулу:

> «Когда каган воссел на царство... ради Неба и Земли мы трудились...»

Это свидетельствует о том, что развитый канонический язык орхонской теологии и государственного права существовал за полвека до возведения мемориалов Кюль-тегина и Бильге-кагана.

Космогония Первоначала: Срединный статус человека

Большая надпись в честь полководца Кюль-тегина (732 г., строка 1) открывается чеканной космогонической формулой:

«Üze kök teŋri, asra yaŋız yer qılıntuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış...»

(«Когда вверху возникло Синее Небо, а внизу возникла Буряя Земля — меж ними обоими сотворены были сыны человеческие...»)

> Üze kök teŋri, asra yaŋız yer qılıntuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış...

> «Когда вверху возникло Синее Небо, а внизу возникла Буряя Земля — меж ними обоими сотворены были сыны человеческие...»

В этой начальной фразе заложены базовые категории степной метафизики:

1. *Онтологический статус творения (qılıntuqda):*

Древнетюркский корень qıl- означает «делать, созидать, приводить в порядок». Мироздание не мыслится продуктом слепой стихии или трагической ошибки: Небо (Kök Teŋri) и Земля (Yaŋız Yer) возникли как согласованный гармоничный космос. Небо олицетворяет мужской, светоносный, определяющий принцип; Земля — женский, воспринимающий, питающий субстрат.

2. *Положение человека (ekin ara kişi oylı):*

Человек (kişi oğlu — буквально «сын человеческий») помещён не на периферии бытия, а строго *«меж обоими» (ekin ara)*. Он призван быть связующим звеном космической вертикали. Человек не является рабом природы или владыкой материи: он её хранитель и проводник небесной воли.

3. Универсализм антропологии:

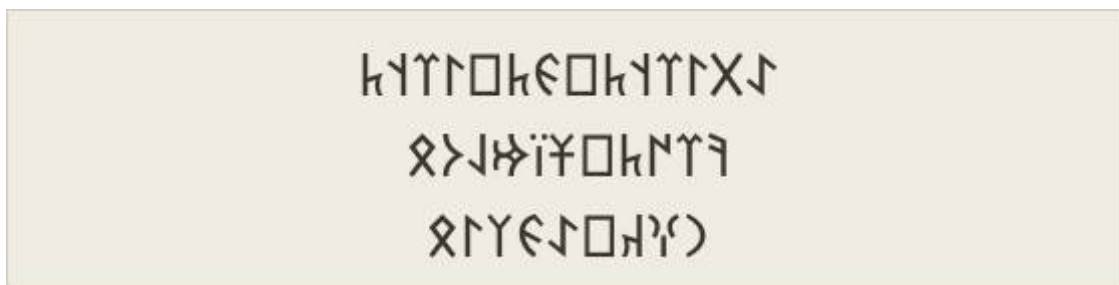
Памятник говорит не о «тюрьках», а обо всех «сынах человеческих». Лишь во второй строке летопись переходит к земной миссии каганов:

«Kişi oylınta üze eçüm aram Bumın qağan, İstāmi qağan olırmış...» — «Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган...»

Власть кагана легитимна только как устройство Закона (Tögö) над человеческим родом, а не ради эгоистического племенного господства.

Категория Кут: Харизма Неба и падение Тюркского Эля

На стеле Бильге-кагана (735 г., КТб 29, БК 24) формула верховной инвеституры сформулирована со строгой богословской определённости:

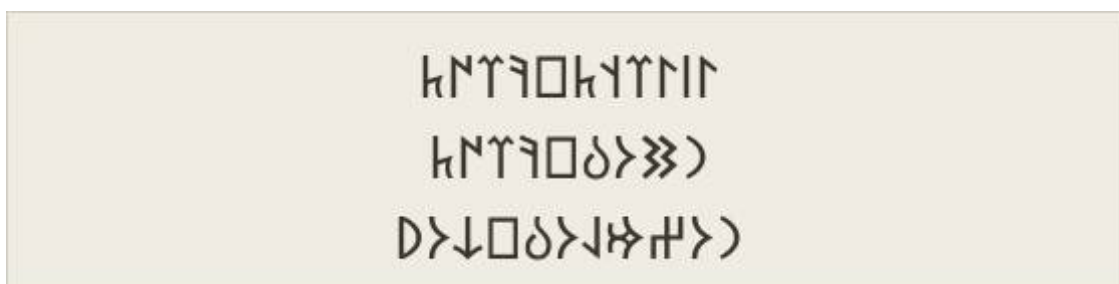
«Teŋri teg teŋridä bolmış Türk Bilge qağan... Teŋri yarlıqaduqın üçün, özüm qutım bar üçün qağan olurtum...» «Небоподобный, рождённый Небом тюркский Бильге-каган... Поскольку Небо соизволило, и поскольку во мне пребывал мой Кут, я воссел на каганский престол...»

> Teŋri teg teŋridä bolmış Türk Bilge qağan... Teŋri yarlıqaduqın üçün, özüm qutım bar üçün qağan olurtum...

> «Небоподобный, рождённый Небом тюркский Бильге-каган... Поскольку Небо соизволило, и поскольку во мне пребывал мой Кут, я воссел на каганский престол...»

Категория *Кут (Qut)* выступает как трансцендентная благодать, даруемая Небом. Но эта благодать обусловлена нравственным поведением правителя.

В надписи великого государственного советника Тоньюкука (памятник Баин-Цокто, ок. 726 г., строки 1–8) подробно раскрывается катастрофа утраты Кута. Тоньюкук описывает крушение Первого каганата в 630 году и полувековое подчинение Китаю не как военное поражение, а как духовную измену народа собственному Закону (Tөрө):

«*Türk bodun qılınmış elin içyünü idmiş, qağanlıq bodunuq qağansiratmış... Teŋri ança timiş erinç: "El bērtim, eliñin içyünü idtiñ. Qağan bērtim, qağanıñın içyünü idtiñ. Türk bodun öl!" timiş erinç...*»

(«Тюркский народ погубил созданную для него державу, народ, имевший кагана, остался без кагана... И Небо так сказало: "Я дало тебе державу — ты утратил свою державу! Я дало тебе кагана — ты бросил своего кагана! Тюркский народ, погибай!" — так сказало Небо...»)

> «*Türk bodun qılınmış elin içyünü idmiş, qağanlıq bodunuq qağansiratmış... Teŋri ança timiş erinç: "El bērtim, eliñin içyünü idtiñ. Qağan bērtim, qağanıñın içyünü idtiñ. Türk bodun öl!" timiş erinç...*»

> «Тюркский народ погубил созданную для него державу, народ, имевший кагана, остался без кагана... И Небо так сказало: "Я дало тебе державу — ты утратил свою державу! Я дало тебе кагана — ты бросил своего кагана! Тюркский народ, погибай!" — так сказало Небо...»

Тоньюкук фиксирует закон воздаяния: Небо отзываясь Кут у народа, потерявшего достоинство (ar) и предавшего заветы предков. Рабство воспринимается как прямое следствие морального падения. Но раскаяние и возвращение к Тёрё восстанавливают благоволение Неба:

«*Teŋri ança timiş erinç: Türk bodun yoq bolmazun, bodun bolsun тиди...*» — «И тогда Небо сказало: Да не исчезнет тюркский народ, да будет он народом снова!»

Священная Триада: Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб

На стеле Тоньюкука (строка 38) в описании победоносного ночного перехода через обледенелые хребты Алтая зафиксирована священная защитная триада:

«*Teŋri, Umay, İduq Yêr-Sub basa bērti erinç...*»

(«Небо (Тенгри), Богиня Умай и Священная Земля-Вода (Ыдук Йер-Суб) — вот они даровали нам победу!»)

> *Teŋri, Umay, İduq Yêr-Sub basa bērti erinç...*

> «Небо (Тенгри), Богиня Умай и Священная Земля-Вода (Ыдук Йер-Суб) — вот они даровали нам победу!»

Эта триада представляет собой завершённую онтологическую модель:

1. *Тенгри (Teŋri)* — высшая трансцендентная инстанция, всеобъемлющий Закон и Судия;

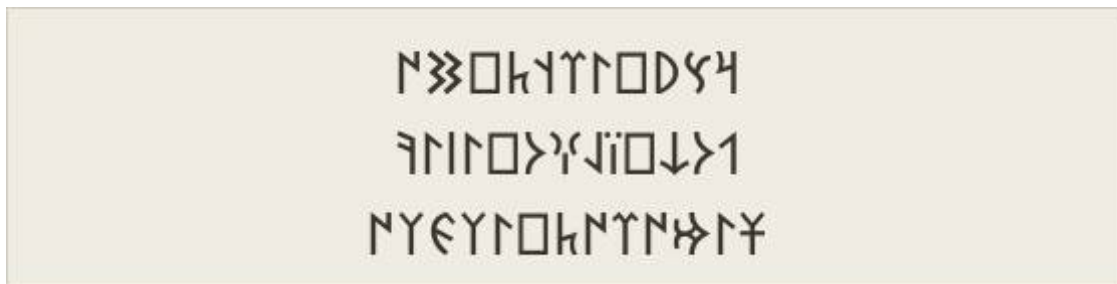
2. *Умай (Umay)* — персонифицированное женское сакральное начало, покровительница рождения, колыбели и чадородия каганского рода (слово восходит к анатомическому термину плаценты и материнского лона);

3. *Ыдук Йер-Суб (İduq Yêr-Sub)* — Священная Земля-Вода, одухотворённая ткань родного ландшафта, питающая воинов силой до тех пор, пока они не оскверняют её предательством.

Прилагательное *Ыдук (İduq)* происходит от древнетюркского глагола *id-** («посылать, отпускать на волю») и означает нечто посвященное высшим силам, табуированное для утилитарного осквернения.

Хронософия стелы: «Временем верховодит Небо»

На лицевой грани стелы Бильге-кагана выбита максима, формулирующая отношение степной цивилизации ко времени и смерти:

«Öd Teŋri yasar, kişi oyli qor ölgeli törümiş... «Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть...»

> *Öd Teŋri yasar, kişi oyli qor ölgeli törümiş...*

> *«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть...»*

Глагол *yasar* (от корня *yas-* — «разрезать, отмерять, определять долю») утверждает, что срок земного бытия отмерен Небесным Владыкой. Человек не способен купить бессмертие плоти.

Но осознание смертности рождает не малодушие, а категорический императив воинской и гражданской чести — *Эрлик Эрдем (*Erlık Erdem*). Единственное, что переживает биологическую смерть — это Мэнгю Ат (*Meŋgü At*), «Вечное Имя», вырубленное на Вечном Камне (*Beŋgü Taş**).

Бильге-каган, оплакивая младшего брата Кюль-тегина, восклицает:

«Kül Tegin yoq erser, qor öltäçi ertigiz...» — «Если бы не подвиг Кюль-тегина, все вы погибли бы...» Личная доблесть одного воина спасает народ от исторического небытия.

Енисейские эпитафии: Феномен слова «Тоймадым»

Если орхонские монументы принадлежат верховным правителям каганата, то рунические надписи верховьев Енисея (Тува, Хакасия, Минусинская котловина, исследованные С. Е. Маловым, Д. А. Клеменцем и И. В. Кормушиным) открывают личный, интимный голос степного воина.

В этих эпитафиях, высеченных на надмогильных стелах, ушедший воин говорит от первого лица. Доминантой енисейских текстов является скорбная формула *Тоймадым (*Toymadım*)* — «я не насытился, не успел насладиться»:

> *Künke, ayqa, yerime adrıldım... Elime, bodunıma toymadım!*

> «С солнцем, с луной, с моей землей я разлучился... Моим народом, моим государством я не успел насытиться!» (Памятник Уюк-Тарлык, Е-1).

> *Altı oylıma toymadım! Qadaşlarıma toymadım!*

> «Шестью сыновьями моими я не успел насытиться! Родичами моими я не успел насытиться!» (Памятник Элегест, Е-10).

Смерть здесь именуется термином *Адрылмак (*Adrılmaq*) — «Разлука», а уход души описывается глаголом Уча барды (*Uça bardı*)* — «Улетел птицей».

В слове Тоймадым выражено фундаментальное приятие земного бытия. Мир признаётся благим, прекрасным и желанным. Кочевник любит свет солнца, запах полыни, ржание коней и тепло юрты. Смерть прискорбна не потому, что за ней следует ад, а потому, что она обрывает священный пир земной жизни под солнцем (*Kün altınta*).

Памятники Таласской долины: Бытовой ритуал

Особую группу рунических памятников составляют надписи Таласской долины (Кыргызстан, ущелья Бакаир, Аччикташ, исследованные В. А. Каллауром и М. Е. Массоном).

Знаменитая Таласская деревянная палочка (четырёхгранный стержень из можжевельника с 29 руническими знаками, обнаруженный в 1932 г. на руднике Аччикташ) фиксирует применение руники в повседневном учёте, клятвенных сделках и ритуальных долговых обязательствах. Письмо не было элитарной привилегией каганского двора: рунической грамотой владели горняки, сотники и родовые пастухи от Орхона до Таласа.

Историко-философское значение рунического канона и вызов цивилизаций

Орхон-енисейская эпиграфика навсегда разрушила высокомерный стереотип о кочевниках как о диких разрушителях. В гранитных строках каганата запечатлена зрелая философско-правовая система: примат вселенского Закона (Төрө) над волей монарха, благодать (Кут) как бремя священного служения народу, абсолютная святость клятвы на стали и стоическое мужество перед неизбежным исходом.

Но каганы Орхона смотрели на мир изнутри своего кочевого горизонта. Они говорили на языке чистой степной веры, где алтарем служило само открытое Небо.

А что в этот же самый миг видели за стенами своих каменных столиц византийские императоры, сасанидские шахиншахи, китайские хроникеры и арабские халифы? Что думали послы могущественных империй, когда их, дрожащих от страха, заставляли на коленях проходить между очистительными огнями степного стана, прежде чем допустить к трону кочевого владыки?

Завеса над этой дипломатической и духовной дуэлью поднимается прямо сейчас...

* * *

Памятники на вечном камне учат нас основам духовной зрелости:

- Помни своё место во Вселенной: ты стоишь ровно между Небом и Землёй. Не превозносись над землёй и не забывай поднимать глаза к Небу. Твоя миссия — не разрушать, а созидать лад.
- Цени отпущенное время: помни завет «Öd Teңri yasaг». Не трать драгоценные дни на мелкие обиды, пустую зависть и суету. Каждый рассвет неповторим.
- Оставь доброе имя: живи так, чтобы дела твои были чисты, как родниковая вода, и тверды, как орхонский гранит. Истинно бессмертен лишь тот, чьё имя поминают добрым словом.

Глава 03. Взгляд извне: как соседние народы открывали веру степи

КҮҮТІОКЕОКҮҮТІХЈ
ХЈЈҒІҒОКҮҮТІ
ХІҮЕЈОКҮҮТІ

«Они почитают Небо, сотворившее всё сущее, чтут огонь и воду, воспевают землю, но поклоняются единственно Тому, Кто сотворил небо и землю...»

(Феофилакт Симокатта, «История», кн. VII, нач. VII в.)

В огне костров: Столкновение двух миров

Август 568 года. Предгорья Алтая тонут в клубах едкого смолистого дыма.

Высокопоставленный византийский посол Земарх Киликиец, направленный императором Юстином II для заключения военного союза, в ужасе застыл на границе кочевого стана. Вокруг него кружили тюркские жрецы в войлочных одеждах, оглашая воздух резким звоном бронзовых колокольчиков и хлеща горящими ветвями горного можжевельника по тюкам с византийским золотом и шелком. Посла и его свиту грубо подталкивали к узкому коридору между двумя ревущими кострами.

Для утонченного константинопольского патриция это выглядело как преддверие варварской казни. Но степняки не собирались убивать гостей: они проводили древнейший обряд Алас. Огонь должен был выжечь скрытую скверну, коварство и яд чужеземцев до того, как они ступят на священную кошму шатра великого кагана Истеми.

Записки иностранных послов, купцов, пленных чиновников и миссионеров — от римлянина Приска Панийского при дворе Аттилы до францисканца Гильома де Рубрука в ставке Мункэ — обладают уникальной ценностью. Эти люди не испытывали симпатии к кочевникам. Они боялись их стрел, презирали их быт и мечтали обратить их в свою веру.

Но тем поразительнее открывающаяся картина: сквозь вековой страх и культурное высокомерие все иностранные наблюдатели независимо друг от друга признавали: кочевники Евразии поклоняются Единому Невидимому Богу, не знают храмовых идолов и хранят клятву пред лицом Небес так твердо, как не умел ни один монарх просвещенного Рима или Китая.

Степной двор Аттилы: Посольство Приска Панийского (448 г.)

Древнейшим детальным описанием европейской ветви кочевников — гуннов — являются записки византийского дипломата и ретора Приска Панийского, входившего в состав посольства Максимиана в ставку Аттилы в Паннонии (448 г. н. э.).

Приск зафиксировал два факта исключительного значения для истории степной религии:

1. Культ священного меча (Меч Марса):

Приск описывает обретение Аттилой сакрального клинка:

«Пастух заметил, что одна из телиц его стада хромает. Пойдя по кровавому следу, он нашел лезвие древнего меча, едва выступавшее из земли. Пастух откопал его и принес Аттиле. Аттила принял этот дар с великим благоговением, объявив, что Небо ниспослало ему священный меч царей, дарующий непобедимость и власть над Вселенной...»

Этот сюжет текстуально совпадает с хуннским культом серповидного меча Цзинлу (Qīnjīlú) и клятвой на стали, демонстрируя прямую преемственность европейских гуннов V века от азиатских хунну эпохи Модэ.

2. Аскетическая простота правителя как знак верности Закону:

Приск описывает торжественный пир в деревянном дворце Аттилы: в то время как византийские послы и гуннская знать ели изысканные блюда с серебряных и золотых блюд и пили из золотых кубков,

«перед самим Аттилой стояла простая деревянная тарелка с вареным мясом, и пил он из деревянной чаши. Одежда его была опрятна, но ничем не отличалась от одежды простого воина, и меч его, и уздечка коня, в отличие от других вождей, не были украшены ни золотом, ни драгоценными камнями...»

Поведение Аттилы демонстрирует строгую приверженность степному этосу: правитель не возвышает себя материальной роскошью; его статус определяется духовным авторитетом и военной доблестью перед лицом Неба, а не присвоением чужих богатств.

Огонь и ставка на колесах: Посольство Земарха (568 г.)

Спустя столетие, в августе 568 года, высокопоставленный дипломат императора Юстина II Земарх Киликиец прибыл в ставку правителя западного крыла Тюркского каганата Истеми-кагана в долине реки Согд и предгорьях Алтая. Историк Менандр Протектор сохранил детальный отчет об этом контакте.

Обряд Алас перед лицом посла

Менандр оставил первое в мировой историографии описание древнетюркского обряда очищения огнем (Алас):

> «Когда Земарх приблизился к стану, вышли тюрки, называемые людьми очищения. Они взяли поклажу послов, разложили ее на траве, зажгли ветви священного дерева (можжевельника-арчи) и стали обносить горящие ветви вокруг послов и их даров, ударяя в колокольчики и призывая очистительную силу...

> Они верили, что дым изгоняет всякую порчу и делает бессильным любой яд. Затем они провели самих послов между двумя зажженными кострами, и лишь после того, как огонь поглотил возможную нечистоту, Земарх был допущен пред лицо кагана...»

Огонь у тюрков выступал не объектом политеистического поклонения, а земной ипостасью солнечного света, космическим фильтром. Вступая в шатер правителя, посол пересекал границу сакрального пространства. Огонь снимал с иностранца враждебный умысел.

Символика трона на колесах

Войдя в ставку, византийцы застали кагана Истеми восседающим на золотом ложе, снабженном двумя колесами.

Золотой трон на колесах — материальное выражение кочевой концепции власти. В оседлой монархии трон привязан к неподвижному каменному дворцу. В степи трон подвижен, он следует за народом, подобно тому как солнце совершает свой непрерывный путь по небесному своду.

В последующие дни каган переводил послов в другие шатры, где убранство менялось от шелковых тканей к серебряным кувшинам и золотым павлинам. Это демонстрировало дипломатическую силу каганата: богатство степной державы мобильно, оно не нуждается в крепостных стенах, защищаясь боевой мощью конных лучников.

Кавказские гунны: Дерево и Тенгри-хан (681–682 гг.)

В 681–682 годах епископ Израел по поручению албанского князя Вараз-Трдата возглавил посольство к прикаспийским гуннам — раннетюркскому вассалу Хазарского каганата, управлявшемуся князем Алп-Илитвером.

Армянский историк Мовсес Каганкатваци («История страны Алуанк», кн. II, гл. 39–41) оставил уникальное свидетельство о доисламской религии тюркских племен Кавказа:

> «Превыше всех божеств они чтут единого владыку всего сущего, которого на своем языке называют Тангри-хан... В засуху или при падеже скота они приносят ему жертвы у подножия священных деревьев — могучих вековых дубов на вершинах холмов.

> Они закалывают отборных коней, кропят кровью землю вокруг ствола, а шкуру и голову коня растягивают на ветвях дерева, обращая взор на восток...»

В этом фрагменте зафиксированы две важнейшие параллели:

1. *Теоним Тангри-хан (Teŋgi-Xan): Полная идентичность имени Бога у прикаспийских кочевников VII века с рунической традицией Монголии (Teŋgi) и хуннским термином (Чэнли*).

2. Архетип Мирового Древа: Священный дуб осмыслялся как живая ось мира (Axis Mundi), соединяющая преисподнюю (корни), земной мир (ствол) и небесные чертоги (крона). Подвешивание шкуры коня на ветвях означало возвращение жизни животного Небу, преобразование жертвенного коня в проводника молитвы.

Каганкатваци фиксирует и поминальный плач:

«При кончине знатных мужей они обнажают мечи, скачут на конях вокруг умершего и ножами надрезают себе щеки, смешивая слезы с кровью...»

Обряд оплакивания с ритуальным ранением лица (шашу / сақтау) дословно повторяет китайские описания тюркских похорон в «Чжоу шу».

Китайские династийные анналы: «Чжоу шу» и «Суй шу»

Официальные хроники Северной Чжоу («Чжоу шу», сост. в 636 г.) и династии Суй («Суй шу», 636 г.) систематизировали данные китайских дипломатов о религии Тюркского каганата середины VI века:

1. Ежегодные государственные моления:

«Каждый год каган ведет знатных людей в пещеру предков для совершения жертвоприношения. В середине пятого месяца они собираются у реки и приносят жертвы Небесному Богу...»

Совпадение даты (середина пятого месяца) и локации (берег священной реки) с хуннским молением в Лунчэне демонстрирует нерушимую преемственность традиции на протяжении восьми столетий.

2. Синхронизация погребения с вегетативным циклом природы:

«Погибших весной и летом хоронят осенью, когда опадают листья; погибших осенью и зимой хоронят весной, когда распускаются растения...»

Человек мыслился частью природного круговорота: погребение должно было совпадать с естественными поворотными точками сезонного ритма Земли.

Теологическая точность Феофилакты Симокатты (нач. VII в.)

Византийский историограф Феофилакт Симокатта в своей «Истории» (кн. VII, гл. 7), описывая посольства кагана Тюрка к императору Маврикию (598 г.), дал точнейшее богословское определение религии номадов:

> «Тюрки в высшей степени почитают огонь, чтут также воздух и воду, воспевают землю, но поклоняются и признают за Бога единственно только Того, Кто сотворил небо и землю. Ему они приносят в жертву лошадей, быков и мелкий скот...»

Формулировка Симокатты устанавливает четкую догматическую иерархию: стихии (огонь, вода, земля, воздух) почитаются как священные творения (Ыдук Йер-Суб), но поклонение адресуется исключительно Единому Творцу неба и земли. Это свидетельство исключает вульгарные трактовки тюркской веры как «примитивного политеизма».

Арабские географы: Ибн Фадлан, аль-Истахри и Гардизи

Ахмад ибн Фадлан: «Бир Тенгри!» (922 г.)

Секретарь багдадского посольства Ахмад ибн Фадлан, проезжая через земли тюрков-огузов в Заволжье, зафиксировал молитвенный возглас в момент кризиса:

> «Если кого-либо из них постигнет несправедливость или тяжкая беда, он задирает голову к небу и кричит: "Бир Тенгри!" (что на тюркском языке означает: Бог Един!)...»

Возглас «Бир Тенгри» удостоверяет монотеистический вектор традиции в экстремальной ситуации: когда рушатся земные опоры, кочевник вызывает напрямую к Небесному Единству без посредников.

Ибн Фадлан отмечает и экологический закон: огузы жестоко карали чужеземцев, пытавшихся стирать одежду или совершать нечистоту в проточной реке, рассматривая это как святотатство против живой воды, влекущее порчу скота.

Абу Исхак аль-Истахри и Абу Саид Гардизи (X–XI вв.)

- Аль-Истахри («Китаб масалик ал-мамалик», 930-е гг.) указывает на веротерпимость хазар и гузов: царский суд состоял из представителей разных вер, а высшим арбитром выступал закон степи.

- Гардизи («Зайн ал-ахбар», 1050 г.) описывает обычаи енисейских кыргызов и кимаков: сжигание умерших с целью очищения души огнем и сохранение священных деревьев и рек от порубки и загрязнения.

Гильом де Рубрук и хан Мункэ (1253 г.): Метафора пальцев руки

Кульминацией средневекового диалога цивилизаций стала личная беседа фламандского монаха Гильома де Рубрука с великим ханом Монгольской империи Мункэ в Каракоруме (май 1254 г.).

Хан Мункэ сформулировал доктрину веротерпимости Степи:

> «Мы веруем, что есть только единый Бог, Которым мы живем и Которым умираем, и к Нему мы обращаем наши сердца...

> Но как Бог дал руке разные пальцы, так Он дал народам различные пути к постижению истины. Вам Он дал Писания — но вы их не соблюдаете; нам же Он дал знание закона отцов и мир со всеми, кто чтит Небо...»

Слова Мункэ утверждают плюралистический универсализм: признавая абсолютное единство Творца, традиция отвергала религиозный фанатизм и насильственную унификацию веры.

Итог сопоставления внешних свидетельств и надвигающийся шторм

Внешние хроники пяти мировых цивилизаций — от византийцев и арабов до францисканцев — сходятся в едином признании: вера степи была чистым, суровым и бескомпромиссным монотеизмом природы. В ней не было места идолам, пышному лицемерию и ханжеству. Бог был един, а Его закон Тёре требовал чести от владыки и милосердия к страннику.

Но в XI веке над кочевой цивилизацией сгустился новый, неизмеримо более грозный вызов.

На смену конным армиям и дипломатическим посольствам пришли священные книги мировых религий: арабский ислам, согдийское манихейство, тибетский буддизм и сирийское христианство. Тюркский язык и самобытная мысль оказались перед смертельной опасностью: раствориться без остатка в чужой книжной догматике, забыть родную речь и навсегда похоронить память о Тенгри под наплывом заемных терминов.

Сможет ли степное слово выдержать этот колоссальный интеллектуальный натиск, или тюркский космос будет стерт с карты мировой мысли?

Ответ готовился в самом сердце арабского халифата — на кончике тростникового пера дерзкого изгнанника...

* * *

- Будь прост и скромен: истинное достоинство человека — не в показной роскоши, а в чистоте сердца и верности долгу, как у древних владык Степи.

- Береги чистоту стихий: помни древний закон о запрете осквернять текущую воду. Твоё отношение к реке, роднику и дереву показывает твоё истинное отношение к Творцу.

- Когда сгущается тьма — вспомни зов предков «Бир Тенгри»: подними глаза к Небу, успокой дыхание и доверься высшей правде. Равновесие мира непременно восстановится.

Глава 04. Слово степи среди мировых учений: средневековые тюркские тексты

𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰠𐰤𐰏𐰤
𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰠𐰤𐰏𐰤
𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰠𐰤𐰏𐰤

«Тенгрикен — так тюрки называют мудреца, причастного Небу...»

(Махмуд аль-Кашгари, «Диван Лугат ат-Тюрк», 1072 г.)

Битва за родное слово: Кашгари бросает вызов Багдаду

Зимой 1072 года в кипящем от богословских споров Багдаде — столице всемогущего Аббасидского халифата — появился странный чужеземец. Уроженец далекого Иссык-Куля, аристократ караханидского рода Махмуд аль-Кашгари пришел в величайший мегаполис исламского мира не просить милости и не учиться чужой мудрости.

Он пришел совершить интеллектуальный переворот.

Арабские книжники той эпохи были убеждены: единственный язык, достойный философии, теологии и поэзии — это арабский язык Корана. Тюркские наречия они высокомерно считали грубым языком пастухов и наемников, не способным выразить тончайшие движения человеческого духа.

В ответ на это имперское высокомерие Кашгари положил на стол халифа аль-Муктади свой бессмертный труд — «Диван Лугат ат-Тюрк» («Свод тюркских наречий»), предпослав ему дерзкое пророчество:

> «Я видел, что Всевышний воздвиг солнце власти в созвездии тюрков и вверил им бразды правления народами... Изучайте же тюркский язык, ибо власть принадлежит им, и господство их долговечно!»

Это была великая битва за суверенитет мысли. На пространстве от Кашгара до берегов Волги и Крыма решался вопрос жизни и смерти: сможет ли древний язык Степи отстоять свои священные понятия перед лицом мощнейших книжных империй Востока и Запада?

Махмуд аль-Кашгари: Лексикографическая фиксация теологического ядра

В 1072–1074 годах уроженец города Барсхана на Иссык-Куле Махмуд ибн аль-Хусейн аль-Кашгари создал в Багдаде монументальный свод — «Диван Лугат ат-Тюрк» («Свод тюркских наречий»). Труд Кашгари представляет собой не просто словарь, а систематическую этнографическую и религиозно-философскую энциклопедию тюркского мира XI века.

Трехуровневая семантика теонима Тенгри

Кашгари приводит развернутую словарную статью к понятию *Тенгри (Teŋri)*, фиксируя три взаимосвязанных смысловых уровня:

1. Абсолютный Творец:

«Тенгри — это Всевышний Бог. У неверных тюрков словом Тенгри также именуется Небо...»

Кашгари отмечает, что тюрки употребляют термин Teŋri в значении Единого Создателя, не имеющего множественного числа в этом статусе.

2. Видимый космический купол:

Слово означает физический небосвод, рассматриваемый как грандиозное проявление божественного порядка.

3. Сакральный трепет перед иерофаниями природы:

«Равным образом тюрки называют Тенгри всё, что поражает их воображение своей величественностью, как, например, высочайшая гора или исполинское дерево, и они совершают перед ними поклонение...»

Поклонение обращено не к материи камня или дерева, а к проявлению высшей силы через природный феномен.

Кашгари фиксирует почетный титул *Тенгрикен (Teŋgrikän)* — «богоподобный, мудрый, причастный воле Неба», применявшийся к праведным правителям и мудрецам.

Архаический кодекс клятвы на стали

В «Диване» задокументирована древнейшая присяга на мече:

> Kök temür qanïqsun!

> «Да напьется синее железо твоей крови, если ты нарушишь клятву!»

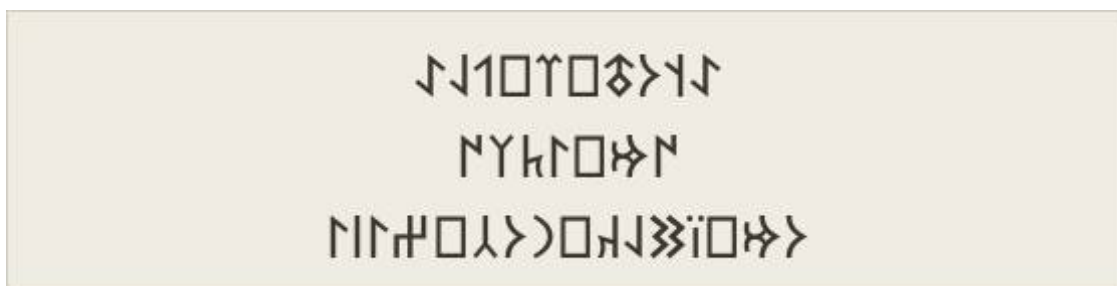
Кашгари комментирует: тюрки почитают железо (temür), считая его металлом небесного происхождения. Приносящий клятву обнажает клинок из синей стали, прикладывает его к губам и произносит приведенную формулу. Считалось, что нарушение слова влечет физическую кару от самого металла, отомщающего клятвопреступнику в бою.

Святость обязательства подтверждается народной пословицей, зафиксированной Кашгари:

«Er damı — antın, tewä damı — yetindin» («Мужа связывает его клятва, как верблюда — его повод»).

Хронософия плача по Алп Эр Тонге

В поэтическом разделе словаря сохранились фрагменты элегии на гибель мифического первопредка Алп Эр Тонги:

«Alp Er Tonğa öldi mü? / Esiz ajun qaldı mu? / Ödleg öçin aldı mu? / Emdi yüräk yörtülür!»

(«Погиб ли богатырь Алп Эр Тонга? / Опустел ли этот бранный мир? / Взяло ли беспощадное Время свой реванш? / Теперь разрываются наши сердца!»)

> Alp Er Tonğa öldi mü? / Esiz ajun qaldı mu? / Ödleg öçin aldı mu? / Emdi yüräk yörtülür!

> «Погиб ли богатырь Алп Эр Тонга? / Опустел ли этот бранный мир? / Взяло ли беспощадное Время свой реванш? / Теперь разрываются наши сердца!»

Понятие Ödleg (Время-Судьба) выступает как объективный закон смены бытия, восходящий к орхонской формуле Öd Teŋri yasar («Временем верховодит Небо; все сыны человеческие рождены, чтобы умереть»).

Юсуф Баласагуни: Поэма «Кутадгу Билиг» как философия права

В 1069–1070 годах придворный сановник Юсуф Хасс Хаджиб из Баласагуна завершил дидактическую поэму «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание»), адресованную правителю Кашгара Тавгач-Улуг-Богра-хану.

Поэма представляет собой философский трактат в стихах, структурированный в виде диалога четырех аллегорических фигур, олицетворяющих фундаментальные категории степной традиции:

1. *Кюнтогды (Kün Toğdı — «Восходящее Солнце») — государь, воплощение Справедливости и Прямого Закона (Кёни Тёрё / Köni Törü)*;
2. *Айтолды (Ay Toldı — «Полная Луна») — визирь, воплощение Небесной Благодати и земного Счастья (Кут / Qut)*;
3. *Огдюльмыш (Ögdülmiş — «Прославленный») — советник, воплощение Разума (Укуш / Uquş)*;
4. *Одгурмыш (Odğurmuş — «Пробудившийся») — отшельник, воплощение Неотвратимости исхода бытия и Бренности (Акыбет / Aqıbet)*.

Концепция трехногого трона Закона

Каган Кюнтогды разъясняет визирю природу своей власти:

> «Смотри, мой трон стоит на трех ножках. Если вещь имеет четыре опоры, она может качаться при неровности земли. Но три ножки никогда не колеблются: они держат равновесие при любом уклоне. Таков Закон Тёрё: он не склоняется ни к богатому, ни к бедному, взвешивая поступки людей на весах чистой справедливости...»

Баласагуни формулирует примат закона над произволом правителя: государство держится не силой войска, а справедливостью судебных решений. Если государь попирает Тёрё, луна его Кута идет на ущерб, благодать покидает народ, и держава распадается.

Уйгурская манихейская покаянная молитва «Хуастуанифт»

Памятником исключительной важности является обнаруженная в Турфанском оазисе рукопись «Хуастуанифт» (X в.) — богослужебный чин покаяния уйгуров-манихеев на древнетюркском языке.

Уникальность текста заключается в том, что в разделы покаяния в грехах переводчики включили автохтонный степной кодекс бережного отношения к природе:

1. Грехи против стихий и живого ландшафта (строки 15–35):

Кающийся исповедует:

«Если мы словом или действием согрешили против Неба и Земли, если мы пролили кровь на камни, если мы без нужды срубили живое дерево, если мы осквернили чистую проточную воду ручья, если мы сломали сухую ветвь там, где пели птицы — мы раскаиваемся: manastar xirz-a (прости наши грехи)!»

Табу на загрязнение воды и уничтожение растительности без промысловой нужды отражает доисламский экологический закон почитания Священной Земли-Воды (İduq Yêr-Sub).

Ахмед Югнаки: «Атабетул-Хакаик» и этика сдержанности

В конце XII века поэт и мыслитель Ахмед Югнаки составил этический трактат «Атабетул-Хакаик» («Порог истин»).

Ключевыми добродетелями признаются:

- *Ценность истинного знания (билик): «Знающий муж строит державу, невежда разрушает собственный очаг»*;
- Сдержанность языка и верность слову: «Язык — лев у порога юрты; если не обуздаешь его, он отсечет тебе голову».

Эта формула развивает степную концепцию абсолютной цены произнесенного слова (Ант).

Половецкий «Codex Cumanicus» (1303 г.): Кыпчакский язык в диалоге с Западом

Составленный в Крыму трехязычный словарь (латинский, персидский, кыпчакский) «Codex Cumanicus» фиксирует состояние языка западных тюрков — половцев (кыпчаков) Дешт-и-Кыпчака.

Когда латинские миссионеры переводили фундаментальные богословские понятия, они использовали исконные тюркские лексемы:

- Бог, Творец — *Тенгри (Tengri)*;
- Небо — *Кёк (Kök)*;
- Благодать, божественная милость — *Кут (Qut)*;
- Грех — *Язук (Yazuq)*;
- Праведность, чистота — *Арыг (Arıy)*.

Факт того, что западноевропейские авторы признали термин Tengri единственно точным эквивалентом латинского Deus, доказывает, что к XIV веку тюркский теологический вокабуляр обладал абсолютной семантической зрелостью.

Эпиграфика несторианских кладбищ Семиречья (XII–XIV вв.)

На средневековых городищах Чуйской долины (Невакет, Суяб, Тарсакент близ Токмака) археологами обнаружены сотни каменных надгробий — кайраков — с сирийско-тюркскими билингвальными надписями.

На гальках высечен несторианский крест, вырастающий из цветка лотоса, и текст тюркскими рунами или сирийским курсивом:

«В год Зайца... Паломник Иосиф улетел в небесный чертог (uça bardī)... Да упокоит его Тенгри в вечной благодати (qut)...»

Глагол uça bardī («улетел птицей»), известный по орхонским стелам VIII века, применяется христианами-тюрьками XIV века, свидетельствуя о несокрушимости автохтонного эсхатологического языка.

Итоги средневекового этапа и великое тайное прибежище

Письменные памятники XI–XIV веков неопровержимо доказали: степной духовный канон не растворился в чужих догмах. Язык сохранил свои священные ключи: Tengri остался Единственным Творцом, Qut — высшей благодатью совести, Tögö — вечным космическим законом справедливости.

Но рукописи были редки. Они хранились во дворцах каганов, кельях ученых или сундуках знати. Простой кочевник не держал в руках фолиантов Кашгари и поэм Баласагуни. Города горели при осадах, библиотеки испепелялись в пламени пожаров, рукописи истлевали от сырости.

Где же тогда на самом деле прятался дух Степи? Что сберегло этот священный код сквозь бесконечные века войн, эпидемий и джутов, когда рухнули даже каменные города?

Существовал другой ковчег — живой, нерушимый, звучащий сквозь морозную мглу под удары конских струн кобыза...

* * *

• Стремись к состоянию «Тенгрикен»: держи свой внутренний взор чистым, а помыслы — прозрачными. Тот, кто соединяет свой ум с правдой Неба, никогда не заблудится в земных потёмках.

• Помни образ Кюн-Тогды: будь справедлив ко всем без исключения. Справедливость — это способность дарить тепло и защиту каждому, кто слабее тебя.

• Ищи «Благодатное знание» (Кутадгу Билиг): истинное знание делает человека скромным, добрым и терпеливым. Если знания рожают в тебе высокомерие — это не мудрость, а духовный яд.

Глава 05. Живая память: сказания, предания и эпический голос степи

ᠰᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
ᠰᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
ᠰᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ

«Если я один буду жить вечно — какая польза будет миру? Не стану пить воду бессмертия: разбрызгаю её по лику земли! Пусть горы вечно зеленеют, пусть воды вечно будут чистыми, пусть человечество живёт вечно, пусть ничто живое не сгинет!»

(Урал-батыр, башкирский народный эпос, запись М. Бурангулова, 1910 г.)

Голос сквозь пламя: Живой архив народной памяти

Полночь в бескрайней степи. За войлочными стенами юрты воет ледяной буран, но внутри горит сухой саксаул, бросая багровые отблески на лица замерших людей.

В центре круга сидит старец. В его руках — кобыз, выдолбленный из цельного куска священного карагача. Струны из нечесаного конского волоса издают низкий, гортанный, потусторонний стон. С этого звука начинается не концерт и не развлечение. Начинается священная мистерия: сказитель — жырау, сэсэн, манасчи — призывает духов предков (Аруахов).

В кочевом мире, не знавшем тиражей и цензуры, эпос был главной конституцией, священным писанием и исторической памятью народа. То, что бумага не могла сохранить в огне пожаров, кочевники запечатали в живом человеческом слове. Сказители помнили наизусть сотни тысяч поэтических строк, передавая их из уст в уста на протяжении десятков поколений без единой ошибки.

Но о чем кричал этот голос сквозь века? Почему в тюркских сказаниях нет места мелочной жажде наживы и трусливому фатализму?

Ответ открывается в предельной точке нравственного выбора батыра, где человек оказывается перед лицом величайшего искушения Вселенной...

«Урал-батыр»: отказ от личного бессмертия в пользу космического гомеостаза

Башкирский кубаир «Урал-батыр», записанный в 1910 году фольклористом Мухаметшой Бурангуловым от сэсэнов Габита Аргынбаева и Хамита Альмухаметова в Бурзянском районе, представляет собой уникальный архаический памятник, свободный от конфессиональных наслоений.

Действие кубаира разворачивается в мифическую эпоху первотворения. Верховный правитель Верхнего Мира Самрау (Царь птиц) имеет двух жен: Кояш (Солнце) и Ай (Луну). Рожденная от Солнца дева Хумай летает белым лебедем, а при спуске на воду принимает образ женщины.

Теоним Хумай этимологически и функционально идентичен богине Умай орхонских памятников VIII века (хранительница жизни и плодородия).

Дары Самрау: крылатый конь Акбузат и меч Алмасуар

Самрау наделяет Урала двумя сакральными атрибутами:

1. *Акбузат (Aqbuḡat)* — крылатый светло-сивый конь, выходящий из глубин озера;

2. *Алмасуар (Almasıwar)* — булатный меч, рассекающий гранит и железо.

Конь и меч подчиняются батыру только при условии бескорыстного служения народу. В руках эгоистичного брата Урала — Шулгана — конь сбрасывает всадника, а меч теряет силу.

Сравнительный анализ: Урал-батыр и эпос о Гильгамеше

Кульминация кубаира содержит принципиальное расхождение с ближневосточной эпической традицией:

! Параметр мотива ! Аккадский «Эпос о Гильгамеше» (Таблицы IX–XI) ! Башкирский кубаир «Урал-батыр» !

! :--- ! :--- ! :--- !

! Цель поиска ! Личное бессмертие из страха перед смертью ! Уничтожение Смерти и чудовищ ради людей !

! Обретение артефакта ! Цветок вечной молодости на дне океана ! Источник Живой воды (Йәншишмә) !

! Судьба артефакта ! Похищен змеей; герой плачет у стен Урука ! Герой добровольно отказывается пить воду !

! Философский выбор ! Трагическое смирение с неизбежностью конца ! Жертвенное окропление земли ради вечности природы !

! Исход героя ! Смерть смертного царя ! Тело батыра становится Уральским хребтом !

Урал-батыр формулирует нравственный императив:

> «Мин үзәм генә мәңге йәшәһәм, / Донъяға ни файза булыр? / Үлемһезлек һыуын эсмәйәм, / Ер йөзәнә бөркөйөм!»

> «Если я один буду жить вечно — какая польза будет миру? Не стану пить воду бессмертия: разбрызгаю её по лику земли!»

Окропив природу, батыр дарует вечное обновление растениям и водам, а сам умирает. Его тело превращается в Уральский горный хребет. В этом мифологеме зафиксирован высший биоцентрический альтруизм: человек мыслит себя не эксплуататором природы, а ее защитником, готовым растворить собственную телесность в ландшафте.

Казахский героический эпос: Конь-тулпар и кодекс чести

Казахские эпические поэмы («Алпамыс», «Кобыланды», «Ер Таргын») отражают золотоордынский и послезолотоордынский горизонт кочевой государственности Дешт-и-Кыпчака.

Ритуал солярной подготовки коня (Баптау)

Конь батыра — Байшубар (у Алпамыса) или Тайбурыл (у Кобыланды) — проходит сорокадневную солярную инициацию (баптау):

- Жеребца содержат в затемненном шатре;
- Копыта животного изолируются от сырой земли;
- Рацион состоит из отборного зерна и кобыльего молока.

Смысл ритуала заключался в избавлении коня от теллурической тяжести, обретении им качеств крылатого солярного существа (Тулпара), способного преодолевать горные преграды. Образ восходит к пазырыкским коням с масками грифонов и оленей.

Аксиологическая триада: Мал — Жан — Ар

Нормативное поведение батыра регулируется строгой иерархией ценностей:

> «Малым — жанымның садағасы, / Жаным — арымның садағасы!»

> «Имущество моё — жертва за жизнь мою; но жизнь моя — жертва за честь мою!»

Нарушение верности роду, трусость или нарушение клятвы (серт / ант) влекли моральную смерть, считавшуюся необратимой.

Социально-правовой контекст лиро-эпических поэм: «Қыз Жібек» и «Қозы-Көрпеш»

Лиро-эпические поэмы «Қыз Жібек» и «Қозы-Көрпеш — Баян-Сұлу» фиксируют нормы обычного права степи и институты брачного права:

1. Институт родового сговора (Құдалық):

В «Козы-Корпеш» отцы героев Сарыбай и Карабай связывают детей клятвой до их рождения. Нарушение договора корыстолюбивым Карабаем разрушает космический порядок и приводит к гибели обоих родов.

2. Экзогамный барьер и примат согласия девы:

В «Кыз Жибек» образ главной героини демонстрирует высокий статус женщины-кочевницы: Жибек самостоятельно отвергает домогательства Бекежана, утверждая право личного выбора равного по чести батыра (Тулегена).

3. Мировое Древо над могилой влюбленных:

В обоих памятниках на кургане погибших влюбленных вырастают сплетающиеся деревья или расцветают алые цветы курая, что воспроизводит архетип преодоления смерти через соединение душ в кроне космического древа.

«Книга деда Коркута»: Görklü Tanrı и смирение гордыни

Огузский эпический свод «Книга моего деда Коркута» (зафиксирован в Дрезденской и Ватиканской рукописях XV–XVI вв.) описывает события IX–XII веков в бассейне Сырдарьи и на Кавказе.

В «Песни о Дели Думруле» запечатлен теологический кризис батыра, бросившего вызов смерти (Азраилу). Потерпев поражение, Думрул ищет выкуп за свою жизнь. Его престарелые отец и мать отказываются отдать души («Мир сладок, душа дорога»). Лишь законная супруга добровольно соглашается умереть за мужа:

«Моя душа да будет выкупом за твою душу!»

Потрясенный Думрул обращается с молитвой к Небесному Создателю:

> «Yücelerden yücesin, / Kimse bilmez nicesin, / Görklü Tanrı! / Çok câhillер seni gökde arar, yerde ister, / Sen hod müminlerin gönлindesin!»

> «Превыше высоких Ты, никто не знает, каков Ты — Прекрасный Бог (Görklü Tanrı)! Невежды ищут Тебя на небе и на земле, а Ты пребываешь в сердцах верующих!»

Теоним Görklü Tanrı («Прекрасный / Величественный Творец») выражает эстетическую интуицию тюркской теологии: Бог есть совершенная Красота и Гармония. Увидев жертвенность любви женщины и смирение батыра, Творец отменяет смерть и дарует супругам 140 лет жизни.

«Манас»: Клятва на оружии и поминальная тризна

Кыргызский эпос «Манас» законсервировал архаические ритуалы Тянь-Шаня:

1. Клятва на синей стали:

«Төбөсү ачык Көк Теңир, / Төшү түктүү Жер-Эне! / Теңир урсун каргандан, / Кара жер сорсун карматкан!»

Формула дословно воспроизводит орхонскую бинарную оппозицию Неба и Земли. Нарушение клятвы на обнаженном кинжале (ак тинте) влечет кару Небес.

2. Обряд жыт чыгаруу на тризне Кокетея:

На поминках (Аш) вытапливают жир кобылиц в котлах. Духи предков (Аруахи) насыщаются восходящим паром и запахом (жыт), что совпадает с древнетюркскими поминальными жертвоприношениями.

Якутское Олонхо: Метафизика трехчастной души (Кут-Сюр)

В эпосе саха (якутов) «Ньургун Боотур Стремительный» (запись П. А. Ойунского) представлена космологическая модель:

- Аал Луук Мас — восьмиствольное Мировое Древо, пронзающее Верхний, Срединный и Нижний миры;

- Юрюнг Айыы Тойон — Белый Творец Верхнего мира.

Антропология Олонхо разделяет структуру человека на компоненты:

1. Ийэ-кут («Мать-душа») — высшая духовная субстанция, искра Творца, носитель совести и родовой памяти;

2. Буор-кут («Земля-душа») — материальное бrenное тело;
3. Салгын-кут («Воздух-душа») — дыхание, интеллектуальная и сенсорная энергия;
4. Сүр (Сюр) — волевой каркас и достоинство личности.

Выводы главы: Миф, переплавленный в закон выживания

Шесть великих эпических традиций — от башкирского Урала и огузского Коркута до кыргызского Манаса и якутского Олонхо — говорят об одном: человек велик не бессмертием плоти, а верностью долгу перед землей, родом и Небом. Батыр побеждает смерть, лишь отдавая свою жизнь за спасение живого мира.

Но эпос — это идеал. Это песнь о богатырях далекого золотого века.

А как жил простой человек степи, когда затихали струны кобызы? Как разрешались кровавые земельные распри между родами, когда на кону стояло выживание отар и детей? Как спасали новорожденных от невидимой тьмы, и перед кем склоняли головы свирепые воины, не боявшиеся стрел и мечей?

Священный эпос спускается с небес на землю — в гущу реальной кочевой жизни, где верховным судьей становится не хан, а седой старец с переломленной белой ветвью в руках...

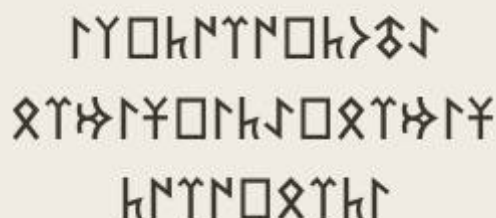
* * *

- Будь батыром в собственной жизни: истинное богатырство — не в накачанных мышцах, а в твёрдости духа. Не бойся встать на сторону правды, даже если ты стоишь один против многих.

- Помни подвиг Урала: не ищи корыстного бессмертия для одного себя. Отдай свои силы тому, что останется после тебя — посаженному дереву, очищенному ручью, воспитанным в доброте детям.

- Слушай мудрость сказителей: учись слышать музыку природы — шум трав, журчание воды, свист ветра. В них звучит древний напев традиции, напоминающий, что ты — часть живого, дышащего и священного мира.

Глава 06. Память крови и земли: обычаи, обрядовый уклад и степное право

«Если у хана — ум сорока мужей, то у бия — совесть сорока мужей. Голову можно отсечь, но язык правды отсечь нельзя...»

(Казахская народная мудрость о суде биев)

Переломленная стрела: Драматизм степного правосудия

Жаркий полдень посреди степи. Две сотни конных воинов из враждующих родов застыли друг против друга, сжимая в руках натянутые луки и обнаженные сабли. Капля крови — и вспыхнет междоусобная резня, которая сотрет с лица земли целые аулы.

Между замершими рядами спешивается единственный безоружный старец — степной судья, бий.

У него нет телохранителей, нет каменной тюрьмы за спиной, нет ханского жалованья. Его единственное оружие — неподкупная совесть и точное знание закона Тёрё. Старец медленно опускается на кошму, выслушивает спорящих, берет в руки сухую белую ветвь — ақтаяқ — и с сухим хрустом перелаживает ее надвое перед собранием.

«Тяжба сломана! Спор окончен! Тот, кто вновь обнажит железо, да будет сломан Самим Небом!»

И свирепые батыры, не знавшие страха перед китайскими или джунгарскими стрелами, молча опускают оружие и заключают мир.

Этнографические экспедиции XVIII — начала XX века застали этот традиционный уклад живым. Обычаи кочевников — от башкирских молений на вершинах шиханов и казахского суда биев до алтайских жертвоприношений в священных рощах — были не музейной экзотикой. Это были жесткие, гениальные социальные и биоэтические механизмы выживания, позволившие сохранить чистоту крови, мир в родах и гармонию с суровой природой.

Башкирский историко-этнографический комплекс

В культуре башкир Южного Урала статус башкир-вотчинников (аҫабалар), закрепленный законодательно в составе Российского государства, способствовал консервации архаических родовых институтов.

Моления на шиханах (Обряд «Телэк»)

В периоды засухи или весеннего пробуждения роды табын, бурзян и юрматы совершали общественные моления Телэк (от др.-тюрк. *tilä-* — «просить, молить») на вершинах сакральных гор и шиханов (Торатау, Юрактау, Иремель).

Обряд включал:

- Разведение чистого огня на вершине горы;
- Бескровное заклинание жертвенного белого барана или светлой кобылицы (кровь не должна была осквернять скалу);

- Возношение костей животного на помостах без дробления костяка.

Молитвенная формула фиксировала обращение к Небу:

«И, Оло Тәңре! Күктәге Тәңре! Ергә кот бир, илгә именлек бир, йылкыға үрсем бир, ак ямғырзарынды бир!» («О, Великий Тенгри! Дай земле Кут, народу дай покой, ниспошли светлые дожди!»).

Грачиная каша («Карғатуй»)

Женский весенний праздник прилета грачей (Карғатуй) маркировал пробуждение Земли-Воды (Ер-Һыу). Ритуальная каша из злаков и молока раскладывалась на ветвях священных берез с формулой:

«Карғаларға — аш, ергә — яш, илгә — тыныслык!» («Грачам — пища, земле — зелень и влага, народу — мир!»). Птицы почитались небесными медиаторами, возвращающими тепло.

Шежере и экзогамия семи колен («Ете быуын»)

Полноправное участие свободного общинника в народном сходе (Йыйыне) требовало безупречного знания родословной (Шежере) до седьмого предка:

1. Бала (дитя) → 2. Ата (отец) → 3. Олата (дед) → 4. Карт ата (прадед) → 5. Төп ата (прапрадед) → 6. Якын баба (родоначальник ветви) → 7. Тәү баба (первопредок рода).

Браки внутри семи поколений квалифицировались как грех кровосмешения (кан бозоу), влекущий утрату жизненной благодати Кот.

Ритуал возвращения жизненной силы («Кот койоу»)

При психическом шоке или затяжной болезни знахарки проводили обряд Кот койоу («отливание Кута»). В чашу с родниковой водой над головой больного выливали расплавленный свинец, призывая ушедшую душу:

«Котом, кайт! Үз урыныңа кил, тәнеңә ин!» («Мой Кут, вернись! Займи свое место, войди в тело!»).

Казахское обычное право и судебная система биев

В условиях круглогодичного кочевания скотоводов Дешт-и-Кыпчака правопорядок обеспечивался институтом Суда биев и нормами свода Тауке-хана «Жеті Жарғы» (рубеж XVII–XVIII вв.).

Процедура суда биев: равенство перед Правдой

Бий не назначался ханом и не передавал статус по наследству. Авторитет судьи определялся знанием прецедентов (жән-жосық), ораторским даром (шешендік) и репутацией неподкупности.

Степная формула гласила:

«Ханда қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары бар» («Если у хана — ум сорока мужей, то у бия — совесть сорока мужей»). Решение бия было окончательным; хан выступал лишь исполнителем судебного постановления.

Символический жест примирения («Ақтаяқ сындыру»)

Окончание тяжбы и примирение враждующих родов скреплялось ритуальным актом: бий брал белую палочку (актаяқ) и публично переламявал ее перед собранием старейшин. Этот жест знаменовал:

«Тяжба сломана, спор окончен; тот, кто возобновит вражду, да будет сломан Небом, как эта ветвь!»

Очистительная клятва на обнаженной стали (Ант)

При отсутствии прямых улик сторона процесса очищалась от подозрения клятвой на клинке перед лицом Неба:

«Көк сүңгінің жүзімен ант етемін! Егер сөзім жалған болса, Тәңір атсын, көк темірдің қарғысы атсын!» («Острием синей стали клянусь! Если слово мое ложно — пусть покарает меня Небо, пусть поразит проклятие синего железа!»).

Охранительный комплекс родильного цикла: Умай Ана и Шілдеhana

При рождении ребенка и в первые сорок дней его жизни совершались охранительные ритуалы:

1. Шілдехана — круглосуточное охранение колыбели новорожденного от проникновения злых духов в первые трое суток;

2. Бесікке салу — укладывание младенца в колыбель, сопровождаемое формулой пови-
тухи:

«Бұл менің қолым емес, Ұмай Ананың қолы!» («Это не моя рука — это рука Матери Умай!»);

3. Қыркынан шығару — сорокодневное очищение младенца омовением в воде, на дно которой опускались серебряные монеты (соляренный металл чистоты).

Двенадцатилетний возрастной цикл (Мүшел жас)

Счет лет велся по 12-летнему юпитерианскому животному календарю. Годы смены цик-
лов (13, 25, 37, 49, 61 год) рассматривались как критические пороги бытия (Мүшел), требо-
вавшие особой осторожности, раздачи милостыни (садақа) и отказа от военных походов.

Саяно-Алтайская полевая этнография: Радлов, Анохин, Катанов

В изолированных долинах Алтая, Хакасии и Тувы традиция сберегла архаические формы
культовой практики:

Алтайский обряд конного жертвоприношения Небу (Тайылга)

Академик В. В. Радлов («Из Сибири», 1889) и А. В. Анохин (1924) задокументировали
ход тайного обряда Тайылга в березовых рощах Горного Алтая:

- Избирался непорочный светло-серый конь (ыйык), не знавший седла;
- Животное умерщвлялось бескровным способом — сдавливанием дыхания и перела-
мыванием спинного хребта через бревно (кровь не должна была коснуться земли);
- Шкура коня с черепом и копытами водружалась на длинную наклонную березовую
жердь (баялы), ориентированную на восток;
- Кам (шаман) совершал восхождение по зарубкам березового шеста (тапты), симболи-
зирующим ярусы Верхнего Мира.

Хакасский культ духов гор и перевалов (Таг-ээзи и Оваа)

Н. Ф. Катанов («Образцы народной литературы тюркских племен», т. IX, 1907) зафик-
сировал практику поклонения духам-хозяевам урочищ (Таг-ээзи):

- На горных перевалах возводились каменные насыпи — Оваа;
- Проезжающий путник обязан был положить камень на насыпь, повязать белую ленту
из ткани (чалама) на ветвь лиственницы и сбрызнуть кумысом землю;
- Осквернение перевала или рубка деревьев возле оваа карались, по поверьям, внезап-
ным падежом скота или потерей рассудка.

Выводы: Живая нормативность против позднейших наслоений

Этнографические данные трех ключевых регионов — Урала, Казахстана и Саяно-Алтая
— доказали несокрушимость степного кода: культ невидимого Тенгри, сакральная клятва на
обнаженной стали (Ант), материнский покров Умай и суровый закон семи предков (Шежере)
пережили века.

Но когда в конце XX века интерес к древней вере Степи вспыхнул с новой силой, тради-
ция оказалась перед лицом новой смертельной угрозы.

На смену подлинным полевым записям ученых пришли новоявленные пророки, поли-
тические мифотворцы и авторы псевдоисторических подделок. Появились фальшивые «запо-
веди Тенгри», сфабрикованные «древние летописи» и попытки объявить кочевников праро-
дителями всего человечества. Подлинный суровый дух предков рисковал утонуть в мутном
болоте дешевого фэнтези.

Где же проходит железная граница между священной правдой и бесстыдным вымыслом?
Настало время провести генеральный аудит истины...

* * *

- Узнай свои корни: найди время и расспроси старших о своих предках. Запиши их имена, кем они были, какие испытания прошли. Человек, знающий свой род, обретает за спиной несокрушимую стену духовной поддержки.

- Береги свой домашний очаг: сделай свой дом местом тишины, уважения и любви. Не приноси через порог злобу и раздражение внешнего мира. Пусть тепло твоего очага согревает каждого, кто входит в твой дом.

- Суди по совести: если между тобой и близкими возник спор, не стремись победить любой ценой. Стремись к правде и миру. Прощение и примирение требуют неизмеримо большего мужества, чем слепая вражда.

Глава 07. Межа истины: подлинная традиция и очищение от вымысла

«Слово правды подобно солнечному лучу: оно не боится пыли веков и не нуждается в чужих прикрасах. Тот, кто приписывает предкам вымышленные заповеди, крадёт у них их подлинное величие...»

(Из размышлений о Законе Тёрё)

Межа на лезвии бритвы: Суд над исторической ложью

«Тот, кто приписывает предкам вымышленные победы и поддельные заповеди, не прославляет свой народ — он обкрадывает его».

В 1990-е годы, на волне крушения советской идеологии, по евразийскому пространству прокатилась мутная волна псевдоисторических мистификаций. Появились коммерческие «пророки», бойкие публицисты и новоявленные гуру, объявившие тенгрианство «перворелигией всего человечества, от которой произошли шумеры, египтяне и этруски». На книжные прилавки хлынули фальсифицированные «летописи» вроде «Джагфар Тарихы» и наспех состряпанные «десять заповедей Тенгри», скопированные из школьных учебников по Закону Божьему.

Для серьезного исследователя и для искреннего читателя наступил момент истины.

Степная традиция слишком сурова, трагична и величественна, чтобы рядить ее в карнавальные одежды дешевого новодела. Она не нуждается в краже чужой истории. Ее подлинные памятники — замороженные в алтайский лед воины, чеканные рунические строки каганов, ослепительные поэмы Баласагуни и святая клятва на стали — превосходят любые современные фантазии.

Здесь, на меже Первой Книги, мы проводим бескомпромиссный судебный процесс над вымыслом. Мы отделяем пять нерушимых гранитных ярусов правды от четырех ядовитых мифов современности.

Иерархия источниковедческих страт: Пять ярусов достоверности

В проекте принята строгая пятиуровневая стратификация источников:

```text

[ЯРУС 1]: Синхронная эпиграфика и непо потревоженная археология

(Орхонские и енисейские стелы VI-VIII вв., мерзлота Пазырыка и Укока, Ноин-Ула, Аржан)

- > Абсолютная степень достоверности (Доказано).

[ЯРУС 2]: Синхронные внешние нарративные свидетельства

(Китайские династийные анналы «Ши цзи», «Хань шу», «Чжоу шу»; Приск, Менандр, Симокатта; Ибн Фадлан)

- > Высокая степень достоверности (Подтверждено).

[ЯРУС 3]: Ранние тюркоязычные рукописные тексты и правовые своды  
(«Диван» Кашгари, «Кутадгу Билиг» Баласагуни, «Хуастуанифт», «Codex Cumanicus», «Жеті Жарғы»)

- > Высокая степень филологической надежности.

[ЯРУС 4]: Монументальный героический эпос и устная память  
(«Урал-батыр», «Коркут», «Манас», «Олонхо», «Алпамыс», «Кыз Жибек»)

- > Требуется снятия позднейших наслоений.

[ЯРУС 5]: Полевая этнография XVIII - начала XX века  
(Записи Радлова, Валиханова, Катанова, Анохина, Руденко, Кузеева)

- > Фиксация реликтовых форм в контексте исторического синкретизма.

...

Золотой фонд традиции: научно верифицированное ядро

На основе перекрестного совпадения свидетельств Ярусов 1–3 статус абсолютно доказанных положений имеют следующие институты и концепты:

1. \*Тенгри (Teŋgri) как бестелесное Высшее Начало:\*

Единый Творец и Закон, зафиксированный от хунну (II в. до н. э.) до болгар Дуная (надпись «ΘΕΟΣ ΤΑΓΓΡΑ», IX в.), руники Орхона и словаря Кашгари;

2. \*Институт каганского Кута (Qut):\*

Небесная благодать как нравственный залог служения народу, отзывающийся при нарушении справедливости;

3. Сакральная Триада бытия:

Тенгри (Небесный Закон), Умай (Материнское Плодородие), Ыдук Йер-Суб (Священная Земля-Вода);

4. \*Вселенский Закон (Törö / Törö):\*

Нерушимый космический и общественный порядок, стоящий выше произвола хана;

5. \*Институт священной клятвы на оружии (Ant):\*

Культе синей стали (көк темір) как карающего гаранта правды (от договора хунну 52 г. до н. э. до суда биев);

6. \*Обряд очищения огнем (Алас):\*

Непрерывно документирован от хунну через посольство Земарха (568 г.) до современной казахской и башкирской этнографии;

7. Конь-психопомп и солярная эсхатология:

Преодоление смерти через перекочевку души (Көшу / Adrılmaq), где конь выступает небесным проводником душ (уца bardı).

Поле открытых академических дискуссий

В тюркологии сохраняется ряд фундаментальных вопросов, остающихся предметом научных споров:

1. Монотеизм vs Генотеизм:

Жан-Поль Ру отстаивал концепцию строгого автохтонного монотеизма тюрков, тогда как С. Г. Кляшторный настаивал на политеистическом характере пантеона, где Умай и Йер-Суб обладают статусом самостоятельных божеств.

2. Субстанция Кута:

Дискуссия о том, являлся ли Кут исключительно социально-политической харизмой властителя (каганский Кут в рунике) или универсальной антропологической субстанцией жизненной силы каждого человека (как в якутском Кут-Сюр и башкирском Кот койоу).

3. Этноязыковый базис хунну:

Дискуссия между алтайской (пратюркской) атрибуцией хуннского языка и гипотезой енисейского субстрата (А. Вовин, Э. Пуллиблэнк).

Антимифология: Деконструкция псевдонаучных фальсификаций

Для защиты научной чистоты труда деконструируются четыре главных мифа постсоветского неоязычества:

Фальсификация «Десяти заповедей Тенгри»

В популярной околону научной литературе тиражируются «10 заповедей Тенгри», стилизованные под ветхозаветный Декалог («Не кради», «Не лги», «Почитай Небо»).

Опровержение: Ни один первичный текст (рунический, китайский, уйгурский или арабский) не содержит кодекса нумерованных «заповедей». Этика кочевников регулировалась прецедентным обычаем Тёрё, совестью рода (Ар-намыс) и клятвой Ант. Приписывание традиции формы библейского декалога представляет собой плод модернизаторских подделок 1990-х годов.

Пан-тенгрианство как «прарелигия Адама и всего человечества»

Попытки объявить тенгрианство праматерью всех религий, от которой якобы произошли шумеры, египтяне и древние греки (концепции Мурада Аджи и его эпигонов).

Опровержение: Данные утверждения относятся к жанру псевдоисторического фэнтези. Традиция кочевников Евразии — это автохтонная, территориально и исторически локализованная культура Великой Степи, сформировавшаяся во II–I тыс. до н. э. в диалоге с ландшафтом и не нуждающаяся в мифическом присвоении чужого наследия.

Фальсифицированные летописи: случай «Джагфар Тарихы»

Использование в качестве «источника» так называемого свода «Джагфар Тарихы» (якобы болгарских летописей Бахши Имана 1680 г., опубликованных в Оренбурге в 1993 г. Ф. Нурутдиновым).

Опровержение: Текстологическая и палеографическая экспертиза Института истории РАН и Института языка, литературы и искусства АН Республики Татарстан доказала, что «Джагфар Тарихы» — современная компилятивная подделка конца XX века. Рукописи оригинала не существует; в тексте присутствуют анахронизмы, порожденные советской терминологией 1970-х годов. Использование этого источника в академическом исследовании недопустимо.

Отождествление каганского государственного культа с поздним сибирским шаманизмом

Попытки свести всю религию Тюркских каганатов к камланию с бубном, трансу и пляскам вокруг костра.

Опровержение: В рунических памятниках Орхона шаманы (кам) не упоминаются вовсе. Государственный культ каганата был строгим солярно-небесным литургическим ритуалом, совершавшимся каганом и старейшинами лицом к солнцу на вершинах гор. Шаманство существовало как низовая целительская магия, но никогда не было государственной теологией степных империй.

Финал Первой Книги: Врата в бездну Небес

Первая Книга завершила свое расследование. Корпус источников очищен от грязи и вымысла, а подлинный фундамент традиции отлит в несокрушимый гранит. Мы знаем, где правда, а где подделка.

Но расчистка фундамента — это лишь пролог. Впереди открывается то, ради чего предки шли на смерть и вбивали свои слова в вечный камень.

Что на самом деле представляет собой Творец, не знающий храмов и кумиров? Почему степной кочевник замирал в священном трепете, поднимая взор к лазурному куполу? Как устроены три яруса Вселенной, и какую страшную цену платит народ, осмелившийся нарушить Вселенский Закон Тёрё?

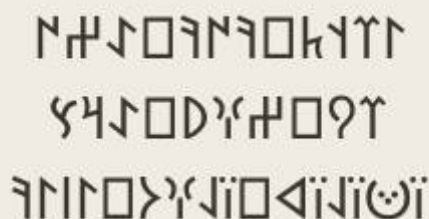
Врата Первой Книги закрываются. Впереди — разверзшаяся бездна Книги Второй: «Небо и мир: Теология и космология Степи»...

\* \* \*

- Ищи правду, а не красивые сказки: не верь тем, кто обещает лёгкие чудеса или придумывает древние откровения ради моды. Подлинная мудрость всегда скромна, проста и требует внутренней работы над собой.
- Проверяй любое учение его плодами: если учение сеет в твоём сердце злобу, гордыню или презрение к другим — отвернись от него. Истинный свет Неба рождает в душе мир, доброту, ответственность и благодарность.
- Будь честен перед собой: признать «я не знаю» — первый шаг к подлинному знанию. На этом твёрдом камне честности мы продолжим наш путь под лазурным куполом Тенгри.

## Книга II. Небо и мир: теология и космология

### Глава 08. Тенгри: священное небо, образ творца и исток бытия



*«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Буряя Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие...»*

*(Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 1, 732 г.)*

Предстояние в зените: Тайна невидимого Творца

Встаньте посреди открытой степи глухой осенней ночью. Вокруг на тысячи верст — ни одного огня, ни одной каменной стены, ни одного рукотворного укрытия. Лишь ледяной ветер, свистящий в ковыле, и колоссальный, пронзенный миллиардами звезд купол, нависший прямо над вашей головой.

В этот миг исчезают все иллюзии цивилизации. Человек чувствует себя песчинкой, заброшенной меж бездной черной земли и бездной пылающих небес. Но у древнегономада этот вид не вызывал животного паралича или бессильного ужаса.

Он поднимал руки к зениту и произносил имя, равного которому не знала история религий: \*Тенгри (Tengri)\*.

Европейские исследователи веками спорили, пытаясь загнать это слово в привычные рамки: одни объявляли его «примитивным обожествлением воздуха и облаков», другие пытались перекроить под книжные догматы ближневосточного монотеизма.

Они не понимали главного: Тенгри — это не громовержец с человеческим лицом и не бездушная стихия. Это само живое, пульсирующее Первоначало Вселенной — высшая Правда, высшая Мера и высший Закон, объемлющий космос и требующий от смертного человека абсолютной чистоты сердца.

Как возникла эта великая космическая интуиция, и почему именно в рунических строках каганата Небо впервые заговорило языком священного договора?

Корпус эпиграфических свидетельств: Небо в рунических манифестах

Фундаментом для реконструкции теологии Тенгри служат аутентичные синхронные тексты Второго Тюркского каганата (682–744 гг.), высеченные на гранитных и мраморных стелах в долине реки Орхон и бассейне Селенги.

Космогонический зачин Кюль-тегина (732 г.)

Первая строка Большой надписи в честь Кюль-тегина открывается формулой, задающей онтологическую иерархию всего мироздания:

𐰽𐰺𐰍𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚  
𐰽𐰺𐰍𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚  
𐰽𐰺𐰍𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚

*«Üze kök teŋri, asra yaŋız yer qılıntuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış. Kişi oylınta üze eçüm aram Bumın qaŋan İstemi qaŋan olurmış...»*

*(«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истemi-каган...»)*

> «Üze kök teŋri, asra yaŋız yer qılıntuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış. Kişi oylınta üze eçüm aram Bumın qaŋan İstemi qaŋan olurmış...»

> («Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истemi-каган...»)

Грамматический строй этой фразы чрезвычайно показателен. Глагольная форма qılıntuqda / qılınmış представляет собой страдательно-возвратный залог от древнетюркского глагола qıl- (делать, творить, созидать). Небо (Kök Teŋri) и Земля (Yaŋız Yer) предстают как две первичные полярности сотворенного бытия — верхняя лазурная твердь и нижняя бурая опора. Между ними помещен «сын человеческий» (kişi oylı), чье предназначение — удерживать космическое равновесие под властью каганов, учреждающих закон предков (törö).

Небо как источник жизненной силы и победы

В строке 29 той же надписи прямо указывается источник воинской доблести и государственной дееспособности:

𐰽𐰺𐰍𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚  
𐰽𐰺𐰍𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚  
𐰽𐰺𐰍𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚𐰚

*«Teŋri küç bertük üçün qaŋım qaŋan süsi böri teg ermiş, yaŋısı qoy teg ermiş...»*

*(«Так как Небо даровало силу, войско моего отца-кагана было подобно волкам, а враги его были подобны овцам...»)*

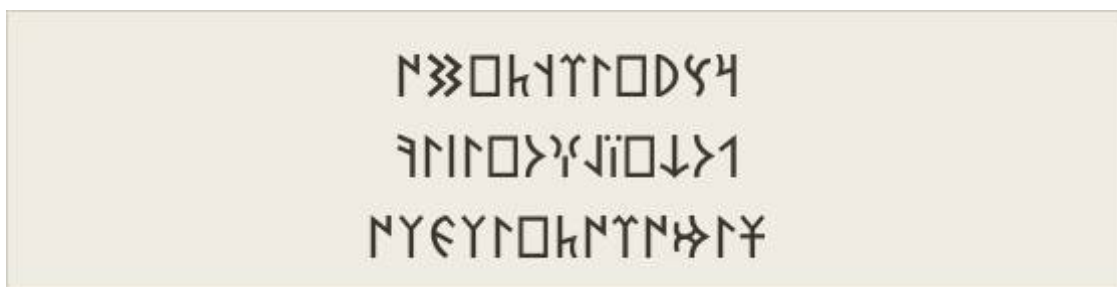
> «Teŋri küç bertük üçün qaŋım qaŋan süsi böri teg ermiş, yaŋısı qoy teg ermiş...»

> («Так как Небо даровало силу, войско моего отца-кагана было подобно волкам, а враги его были подобны овцам...»)

Понятие küç (мощь, жизненная сила, энергия действия) не является имманентным свойством человека. Оно не принадлежит кагану по праву плотского рождения. Эта сила ниспосылается свыше исключительно как доверие Неба правителю, выполняющему свой космический долг.

Властелин времени: стела Бильге-кагана (735 г.)

В эпитафии Бильге-кагана (строка 10) зафиксировано одно из самых глубоких философских суждений древнетюркской мысли:



«Öd Teŋri yasar, kişi oyli qor ölgeli törümiş.»

(«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть».)

> «Öd Teŋri yasar, kişi oyli qor ölgeli törümiş.»

> («Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть».)

Лексема *Öd* в древнетюркском языке означает не абстрактную математическую длительность, а качественное, бытийное время — срок жизни, смену космических циклов и времен года. Глагол *yasa-* несет значение «устраивать, распределять, приводить в порядок, устанавливать закон».

Небо здесь предстает не просто пространственным куполом, а владыкой времени. Оно отмеряет меру бытия каждому существу. Смертность человека признается естественным онтологическим уделом (*törümiş* — возникший по закону), перед которым равны и бедный пастух, и могущественный каган.

Внешняя фиксация: от Дуная до Багдада

Универсальный характер почитания Тенгри подтверждается тем, что синхронные свидетельства о нем обнаруживаются на огромном пространстве от Балкан до Ближнего Востока.

Дунайская эпиграфика: колонна хана Омуртага (IX в.)

В первой столице Дунайской Болгарии — Плиске — была найдена каменная триумфальная колонна огурских булгар с грекоязычной надписью хана Омуртага (814–831 гг.):

> «...KANASŪBIGI OMOŪRTAG... ΘΕΟΣ ΤΑΓΓΡΑ...»

> («...Канасюбиги Омуртаг... Бог Тангра...»)

Буквосочетание гамма-гамма (ГГ) в среднегреческой эпиграфике передавало велярный носовой согласный звук [ŋ], что дает точную транслитерацию тюркского *Tangra* / *Teŋri*. Титул *Kanasubigi* («Хан, поставленный от Бога / от Неба») демонстрирует полное соответствие орхонской формуле *Teŋridä bolmış* («рожденный/утвержденный в Небе»). На западной оконечности тюркского мира, на границе с Византийской империей, теоним Тенгри сохранял тот же высший теологический ранг.

Свидетельство Ахмада ибн Фадлана (922 г.)

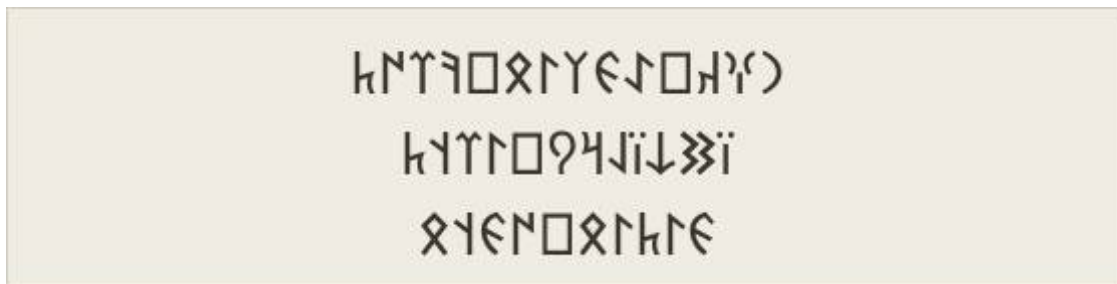
Арабский дипломат и секретарь посольства багдадского халифа Ахмад ибн Фадлан, пересекший прикаспийские степи и плато Устюрт весной 922 года, оставил бесценное описание религиозного возгласа кочевых гузов (огузов):

> «Если кого-либо из них постигает несправедливость или тяжкая беда, он поднимает голову к небу и восклицает: "Бир Тенгри!" [*Biŋ Teŋri*], что значит: "Единый Бог!", ибо бир — это один, а Тенгри на языке тюрок — Всевышний Бог».

Ибн Фадлан зафиксировал естественную теологическую реакцию степняка: при крушении земной справедливости, когда бессилён суд людей, взор человека устремляется в зенит к Единому Небу.

Филологические свидетельства Махмуда аль-Кашгари (1074 г.)

В словаре «Диван лугат ат-турк» великий караханидский ученый XI века дает развернутое определение слова:



*«Тенгри [Teŋri] — Всевышний. На языке язычников-тюрок Teŋri означает само небо; точно так же они называют словом Teŋri все грандиозное и возвышенное, поражающее разум, как величественную гору или исполинское дерево, и почитают их за священные знаки... А мудрого, богобоязненного, справедливого и праведного мужа они именуют tengrikän [богоподобный]».*

> «Тенгри [Teŋri] — Всевышний. На языке язычников-тюрок Teŋri означает само небо; точно так же они называют словом Teŋri все грандиозное и возвышенное, поражающее разум, как величественную гору или исполинское дерево, и почитают их за священные знаки... А мудрого, богобоязненного, справедливого и праведного мужа они именуют tengrikän [богоподобный]».

Кашгари фиксирует двуединство семантики: Тенгри — это и Первопричина бытия, и видимое небо, и проявление величия Творца в земных ландшафтах (теофания в исполинских деревьях и скалах).

Этимологический и лингвистический анализ корня \*Teŋri\*

Этимология теонима Teŋri / Täŋri исследовалась виднейшими компаративистами — В. Томсеном, В. В. Радловым, Дж. Клаусоном, Г. Дёрфером и А. В. Дыбо.

Пратюркская основа корня реконструируется как \*teŋ- (быть равным, соразмерным, справедливым, уравнивать; ср. древнетюркское teŋ\* — равный, одинаковый, мера).

От этой же основы происходят:

- teŋ-le- — взвешивать, судить по правде, соизмерять;
- teŋ-deŋ — ровня, соратник, равный по чести;
- teŋ-lik — равенство, равновесие, баланс.

Аффикс -gi / -гу в архаическом тюркском языке маркировал направленность в пространстве и статус пребывания в высшей сфере (ср. il-geri — вперед/на восток, yügä-gi — ввысь).

Таким образом, на глубинном лингвистическом уровне теоним Тенгри означает не просто физическую высь, а Космическое Равновесие, Воплощенную Мету и Верховную Справедливость. Небо потому правит миром, что оно абсолютно соразмерно и беспристрастно.

Сакральный ландшафт: отсутствие храмов и безмолвие камня

Одной из самых поразительных черт культа Тенгри, зафиксированной всеми независимыми источниками, является полное отсутствие рукотворных храмовых зданий и антропоморфных кумиров.

1. Принципиальная неизобразимость:

Ни в одном синхронном тексте — от ханьских хроник Сыма Цяня до записок византийца Менаандра и отчетов Рубрика — не зафиксировано скульптурного изображения Тенгри. Попытка вырезать, вылепить или отлить Небо в образе человека либо зверя считалась святотатством. Всеохватывающее Небо не имеет границ, а потому не может быть заключено в форму. Каменные изваяния (балбалы и көк-тасы), во множестве рассеянные по степям Евразии,

зии, изображали исключительно павших витязей, героических предков или побежденных врагов, но никогда — верховного Творца.

## 2. Открытый горизонт как алтарь:

Единственным храмом, достойным Тенгри, признавался сам открытый купол мироздания. Точками наивысшей близости к Небу выступали горные вершины — священная гора хунну Бодэншан, отюкенские скалы тюркских каганов, шиханы Южного Урала (Торатау, Юрактау), вершины Улытау и Хан-Тенгри на Тянь-Шане.

## 3. Обряд моления:

Моление Тенгри совершалось на возвышенностях лицом к востоку, навстречу восходящему солнцу. Молящийся обнажал голову, расстегивал пояс (знак отказа от оружия и готовности предстать нагим духом перед Небом), воздевал ладони к зениту и произносил прошение вслух, без помощи жреческой касты.

Региональная непрерывность: казахское и башкирское свидетельство

Живая традиция почитания Неба не исчезла со сходом с исторической сцены Тюркского каганата, а органично вошла в структуру народного самосознания казахов и башкир.

Казахский концепт «Тәңір» в народном праве и этике

В казахском обычном праве (заң, әдет) и языке теоним Тәңір на протяжении столетий сохранял статус верховного этического судии.

В ситуациях, когда свидетельское право заходило в тупик и человек не мог доказать свою невиновность земным судом, он произносил формулу:

> «Тәңір бар!» — «Тенгри есть! Небо видит правду!»

Эта формула означала готовность принять прямой небесный суд. Ложная клятва перед лицом Тәңір считалась неотвратимым родовым проклятием, поражающим потомство до седьмого колена.

Народная поговорка, зафиксированная Чоканом Валихановым и Серали Лапиным, гласит:

> «Құдайдан қорықпағаннан қорық, Тәңірден ұялмағаннан ұял»

> («Бойся того, кто не боится внешней кары; стыдись того, у кого нет стыда перед Небом»).

Здесь понятие ұят (внутренний стыд, совесть) напрямую связывается с предстоянием перед всевидящим оком Неба.

Башкирская традиция: «Оло Тәңре» и моления на шиханах

В этнографическом фонде башкирского народа, подробно исследованном Р. Г. Кузеевым и Ф. Г. Хисамитдиновой, зафиксирован архаический термин Оло Тәңре (Великий Тенгри).

Во время весенне-летних обрядовых молений Теләк, проводившихся на вершинах сакральных гор-шиханов, старейшины родов обращались к Небу с мольбой о даровании дождя, мира родам и умножения жизненной субстанции — кот:

> «И, Оло Тәңре, ергә йәм бир, илгә бәрәкәт бир, балаларға кот бир!»

> («О, Великий Тенгри, даруй земле красоту, народу — изобилие, детям — благодатную жизненную силу кут!»).

В башкирском эпосе «Урал-батыр» верховным владыкой небесного яруса выступает царь птиц Самрау, чьи черты сохраняют древнейший образ благого небесного первопредка, чуждого насилию и требующего от батыра очищения земного мира от скверны и зла.

Историографический спор: монотеизм или генотеизм?

Вопрос об онтологическом статусе Тенгри породил вековую дискуссию в мировом востоковедении:

- Концепция прамонотеизма (В. Шмидт, М. Элиаде):

Выдающийся религиовед Мирча Элиаде рассматривал веру степных народов как ярчайший пример «Urmonotheismus» — древнейшей интуиции Небесного Отца-Творца, пребываю-

щего вне материального мира, всеведущего и справедливого, который со временем уступает место более динамичным культам стихий, но вновь выходит на авансцену в эпохи великих исторических потрясений.

- Концепция имперского генотеизма (С. Г. Кляшторный, Ж.-П. Ру):

Сергей Григорьевич Кляшторный убедительно продемонстрировал, что государственная религия Тюркского каганата не была замкнутым строгим монотеизмом семитского типа. В надписях в честь Тоньюкука и Кюль-тегина рядом с Тенгри упоминаются богиня плодородия и материнства \*Умай (Umay) и священный комплекс Земля-Вода (İduq Yêr-Sub)\*:

«Teŋri, Umay, İduq Yêr-Sub basa berti erinç...» («Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали победу...»).

Перед нами стройная иерархическая триада, в которой Тенгри занимает безусловное верховное положение первоначала, определяющего судьбы каганата, тогда как Умай и Йер-Суб ведают витальными силами земного и родового бытия.

- Разграничение с шаманизмом (Ч. Валиханов, Д. Банзаров):

Еще в середине XIX века первые бурятские и казахские просветители Доржи Банзаров («Черная вера, или шаманство у монголов», 1846) и Чокан Валиханов («Следы шаманства у киргизов», 1861) категорически развели культ Неба и камлания шаманов (баксы, камов). Шаман обращается к духам предков, нижнего мира или стихийным силам для исцеления конкретной болезни или предсказания; обращение же к Тенгри являлось всенародным, открытым литургическим актом без экстатического транса и посредников.

Метафизическое ядро традиции

На основе сопоставления эпиграфики, лингвистики и этнографии раскрывается трехчастное философское ядро теологии Неба:

Трансцендентный панэнтеизм: присутствие и недостижимость

Тенгри не противопоставлен миру как слепой демиург гностиков, но и не растворен в природе без остатка, как в материалистическом пантеизме.

Небо объемлет все сущее: человек дышит его воздухом, ориентируется по его светилам, пьет воду, ниспосланную в виде дождя. Небо близко каждому вздоху, но в то же время оно недостижимо высоко, вечно и непреложно. Это присутствие Творца во всем сотворенном при сохранении Его абсолютного суверенитета.

Онтология справедливости: Бог как мера истины

Тенгри чужд эмоционального каприза. Он не требует лстивого славословия, не подкупается пышными приношениями и не меняет законов бытия ради капризов смертных.

Единственное, что связывает человека с Небом — это \*верность Закону Тёрё (Törö) и чистота помыслов (arġu bolmaq). Всякое нарушение данного слова, клятвопреступление, угнетение слабого и разрушение мира оборачиваются немедленным отнятием благодати (кут\*). Небо карает не из гнева, а по закону восстановления нарушенного равновесия.

Всеобщность и внутреннее достоинство кочевника

Поскольку Небо едино над всей землей и шатер Вселенной открыт во все стороны горизонта, культ Тенгри порождал в номаде глубокое чувство личной свободы и онтологического достоинства.

Степняк не знал рабского пресмыкательства перед закрытым храмом или жреческой корпорацией. Предстоя перед открытым Небом на вершине кургана, каждый свободный скотовод ощущал себя прямым сыном мироздания, обязанным отвечать за свой род, свою землю и свою честь.

Экзистенциальный горизонт: смысл для человека будущего

Древнетюркская интуиция Тенгри сохраняет поразительную, спасительную актуальность для современного человека, переживающего тяжелейший кризис техногенного отчуждения и духовной растерянности.

В тесном пространстве искусственных мегаполисов и светящихся экранов человек легко утрачивает сопричастность космической беспредельности, сводя смысл жизни к сиюминутному потреблению. Однако чистый взор, обращенный к Небу, мгновенно восстанавливает истинную шкалу бытия: человек вспоминает, что он — не случайная пылинка, а живая мыслящая сердцевина огромного, одухотворенного космоса.

Вместе с тем принцип безусловного предстояния пред Небом освобождает человеческую этику от внешнего надзора и страха перед земными карами. Человек поступает по правде не из боязни перед стражей, а потому, что каждый его поступок совершается под всеобъемлющим оком Тенгри, от которого невозможно скрыть лукавство. Наконец, осознание себя помещенным меж Голубым Небом и Бурой Землей утверждает предельный экологический императив: Земля — не поле для алчной эксплуатации, а священное подножие Неба (İduq Yêg-Sub), нарушение равновесия которого оборачивается неминуемой катастрофой для сынов человеческих.

Источниковедческая база и академическая литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов // Собрание сочинений. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 48–100.
3. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. — М.: Наука, 1968. — С. 19–192.
4. Бешевлиев В. Прабългарски епиграфски паметници. — София: Изд-во на Отечественния фронт, 1981. — 228 с.
5. Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. — С. 480–497.
6. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
7. Зиманов С. З. Древний мир права казахов. В 10 томах. — Алматы: Жеті Жарғы, 2001–2009.
8. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 214 с.
9. Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
10. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. — Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. — 347 с.
11. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. — М.: Наука, 1997. — 303 с.
12. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. — М.: Наука, 1974. — 572 с.
13. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
14. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., вступ. статья и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.
15. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991. — 320 с.
16. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.
17. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 томах. Т. 3: От Магомета до Реформации. — М.: Критерион, 2002. — 464 с.
18. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Пер. С. Н. Иванова. — М.: Наука, 1983. — 560 с.

19. Clauson, Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 1039 p.

20. Doerfer, Gerhard. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. — Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. — 671 S.

21. Roux, Jean-Paul. La religion des Turcs et des Mongols. — Paris: Payot, 1984. — 324 p.

Заключение: Разлом между куполом и Творцом

Тенгри открывается не через догматы, а через абсолютное предстояние человека перед лицом мироздания. Небо дарует силу (küç), взвешивает поступки правителя и наделяет жизнью самую одухотворенную Землю-Воду.

Но здесь разум исследователя наталкивается на головокружительный парадокс:

Если Тенгри — это Единый невидимый Бог, почему кочевники с таким же благоговением молились видимому солнцу, всматривались в фазы луны и приносили жертвы Полярной звезде — «Железному Колу» небес?

Где проходит граница между физическим куполом, проливающим дождь, и трансцендентным Небом, вершащим суд над душами каганов?

Чтобы раскрыть эту тайну, нам предстоит заглянуть в звездную карту древнетюркских астрономов и переступить порог видимого мира...

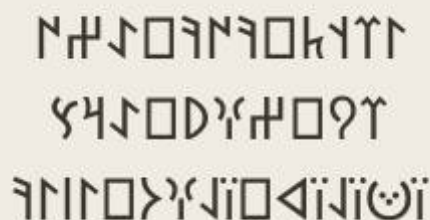
\* \* \*

- Осознавай присутствие Высшего: Тенгри не заперт в каменных стенах. Где бы ты ни находился — в поле, на горной тропе или в комнате, — Небо видит каждый твой вздох и знает тайну твоего сердца.

- Держи помыслы в чистоте (arıy bolmaq): Небо нельзя подкупить дарами или пустыми обещаниями. Единственное, что приятно Тенгри, — это праведная жизнь, верность правде и сострадание к слабому.

- Обрети внутреннюю свободу: стоя перед бескрайним Небом, не бойся земных владык и суеты. Ты — сын Вселенной, наделённый честью и достоинством.

## Глава 09. Небо видимое и небо сокровенное: купол мира и высший порядок



«*Latin: Caelum — Persicum: Asman — Cumanicum: Kōk. Latin: Deus — Persicum: Choda — Cumanicum: Tengri...*» «*Codex Cumanicus*», Венецианская рукопись, л. 66r, 1303 г.»

Врата зенита: Ночь в степи и тайна двух Небес

Попробуйте лечь на спину посреди глухой степи и взглядеться прямо в зенит.

Через несколько минут привычная твердь под ногами словно растворяется. Вас охватывает головокружительное ощущение падения в бездонную черную чашу, усыпанную мириадами холодных огней. Но для древнегономада эта бездна не была пустотой или слепой материей. Она дышала.

Столетиями ученые-позитивисты повторяли затертый штамп: кочевники якобы были примитивными идолопоклонниками видимой природы, молившимися синему газу атмосферы и грозovým тучам просто потому, что не доросли до абстрактной мысли. Но в архивах собора Святого Марка в Венеции хранится пергамент 1303 года, который одним ударом разбивает этот кабинетный миф.

В пыльной тишине скриптория монах-переводчик вывел латинские и тюркские строки, зафиксировав строжайшее табу степного богословия: физический купол и верховный Создатель — это не одно и то же. Ошибка в этом различении дляномада была равносильна духовной гибели.

Как возникло это поразительное разделение видимой лазури и сокровенного Творца, и почему степной закон запрещал смешивать творение с Создателем?

Загадка степного неба: материальный свод или духовная сущность?

Одной из самых тонких и спорных проблем тюркологии на протяжении двух столетий оставалось соотношение между видимым физическим небом и верховным Божествомномадов. В трудах позитивистов XIX века бытовало поверхностное суждение, будто кочевники древности находились на стадии «наивного натурфилософского фетишизма»: не будучи способны к абстрактному мышлению, они якобы буквально обожествляли синий цвет атмосферы, грозové тучи и физический воздух.

Однако тщательный лингвистический анализ первоисточников — от орхонских стел VIII века и словаря Махмуда аль-Кашгари XI века до кыпчакско-половецкого кодекса XIV века — открывает поразительную строгость понятийного аппарата традиции.

В сознании степняка никогда не происходило слепого смешения природной материи и духовного Первоначала. Традиция четко различала \*видимое небо (Kōk) — сотворенный, физический купол вселенной, вместилище светил и источник атмосферных осадков, и Тенгри (Tengri) — невидимого, трансцендентного Творца, наделяющего космос порядком, дарующего каганам благодать (кут\*) и управляющего человеческой судьбой.

Терминологическая демаркация: урок «Codex Cumanicus» (1303 г.)

Неопровержимое доказательство этого понятийного разделения сохранил уникальный памятник западнотюркской письменности — «Codex Cumanicus» (рукопись библиотеки собора Святого Марка в Венеции, датированная 1303 годом). Созданный в низовьях Волги и в Крыму для нужд купцов и миссионеров, контактировавших с кыпчаками Дешт-и-Кыпчака, кодекс фиксирует трехязычные терминологические соответствия на латинском, персидском и половецком языках.

На листе 66r рукописи читаем строгие словарные параллели:

- Для понятия физического неба, небосвода:

Latin: Caelum — Persicum: Asman — Cumanicum: Kök.

- Для понятия Всевышнего Бога, Творца:

Latin: Deus — Persicum: Choda — Cumanicum: Tengri.

Разведение этих двух сфер в живой речи половцев было абсолютным. Тюрк-кыпчак никогда не называл Бога словом Kök, точно так же как физический атмосферный купол никогда не обозначался словом Tengri. Слово Kök указывало на пространственную твердь, цвет и космическую сферу; слово Tengri указывало на суверенную Волю, Разум и Первопричину.

Когда в том же кодексе (лист 69v) переводчики передавали молитву на половецкий язык, первая строка звучала так:

> «Atamiz kim köktesin, alyışli bolsun senin atın, kelsin senin xanlıyın...»

> («Отче наш, пребывающий на небесах [köktesin], да святится имя Твое, да приидет царствие Твое...»).

Здесь пребывание Бога в высшей сфере выражается формой местного падежа от основы kök (көкте — на небе), тогда как Сам Он выступает трансцендентным Владыкой, не тождественным материалу небесного купола.

Свидетельства Махмуда аль-Кашгари: купол и сияние

В фундаментальном словаре тюркских наречий «Диван лугат ат-турк» (1074 г.) Махмуд аль-Кашгари с присущей ему филологической точностью фиксирует семантическую структуру слова kök:

1. Kök — это видимый лазурный свод:

«Kök qabağı — небесный купол, небесная твердь, вознесенная над землей».

2. Kök — это первородный цвет: лазурь, синева, цвет чистой воды и ясного дня.

3. Kök — это корень, глубинное родовое происхождение (ср. современное көк / төркін — исток, ствол, родовая глубина).

Комментируя случаи, когда кочевые тюрки применяли эпитет *teŋri* к исполинским горам или грандиозным вековым деревьям, Кашгари делает глубокое богословское замечание: тюрки называют их так не потому, что считают само дерево или скалу Богом-Творцом, но потому, что созерцают в их мощи и непоколебимости явленный след божественного величия (*teŋrikän*). Это форма благоговения перед творением, отражающим величие своего Создателя.

Древнетюркская космология: стратификация неба и ось мира

В рунических текстах орхонских каганов и енисейских памятников видимое небо предстает не как хаотическая пустота, а как строго организованная, кристаллическая система координат.

Полярная звезда: Altan Qasıq — Железный Кол мироздания

Осевым центром видимого неба для всех кочевых народов Евразии являлась неподвижная Полярная звезда, именовавшаяся в древнетюркских текстах Altan Qasıq («Золотой Кол»), а в более поздней казахской и башкирской традициях — Temir Qazyq / Тимерказык («Железный Кол»).

В мифопоэтической и практической астрономии Степи Полярная звезда мыслилась как космическая коновязь, вбитая верховным Небом в самую макушку мирового купола:

- К этой неподвижной коновязи невидимой небесной уздой привязаны созвездия;
- Две яркие околополярные звезды созвездия Малой Медведицы осмыслялись как два священных небесных коня — белый и сивый (Aqbozat и K kbozat / башк. Акбузат мен н К кбузат);

- Созвездие Большой Медведицы — J ti Qaraq i / Жет караќшы («Семь разбойников») — мыслилось как семерка преследователей, кружащих ночь за ночью вокруг коновязи, пытаясь настичь и похитить священных коней.

Эта астрономическая модель имела первостепенное практическое и сакральное значение:

- Практически: Полярная звезда служила абсолютным навигационным ориентиром в бескрайних ночных переходах по пустыням и степям;

- Сакрально: Вход в войлочную юрту кочевника всегда ориентировался строго на юг либо восток, так что задняя, самая почетная стена шатра (т р / т р) оказывалась обращенной на север — под незримое покровительство неподвижной Небесной Оси.

Светилья: Солнце (\*K n\*) и Луна (\*Ay\*)

Дневное светило — Солнце (K n) — почиталось как зримое око Тенгри, источник живительного тепла, созидającego растительный и животный мир. Как мы видели из свидетельств Сыма Цяня об императорах хунну, утренний поклон солнцу был первым священным долгом правителя.

Ночное светило — Луна (Ay) — мыслилось как хранительница времени, сокровенных циклов женского плодородия и ритмов кочевания. Фазы луны определяли сроки созыва курултаев, заключения мирных договоров и перекочевков на новые пастбища.

Эпический образ Девяти Небес: якутский архаический пласт

Уникальный архаический пласт представлений о многоярусности видимого и невидимого неба сохранился на северо-восточной периферии тюркского мира — в якутском героическом эпосе Олонхо («Ньургун Боотур Стремительный», зафиксированном П. А. Ойунским):

1. Y h   Дойду (Верхний Мир):

Небо в Олонхо делится на девять концентрических ярусов (халлаан). Каждый ярус обладает собственной плотностью, цветом и населен благими духами — божествами Айыы.

2. Y r n Айыы Тойон (Белый Творец-Господин):

На самом высшем, девятом ярусе, в ослепительном молочно-белом сиянии восседает верховный демиург — Белый Творец Юрюнг Айыы Тойон. Он невидим для смертных глаз, пребывает в абсолютном покое и гармонии, не вмешиваясь в повседневную суету, но поддерживая само бытие мироздания.

3. Белый конь как символ Небесного Света:

В жертву Юрюнг Айыы Тойону и светлым духам Айыы никогда не приносили кровных жертв с насилием. Единственным истинным даром Небу являлся обряд Ысыах — кропление перебродившим кобыльим молоком (кумысом) в сторону восхода солнца и посвящение Небу живого белого скакуна (ытык ат), на которого после обряда никто не смел садиться верхом.

Этот северо-восточный реликт сохранил то же глубинное понимание, что и орхонские стелы: верховное Небо — это сфера белого света, созидания и жизни, абсолютно противоположная мраку, скверне и распаду.

Региональные рефлексy: казахский и башкирский космос

В живой этнографической памяти казахов и башкир различие между материальным небом и Создателем сохранялось с безупречной ясностью вплоть до Новейшего времени.

Казахская дихотомия: «Аспан» и «Т n r»

В казахском языке видимое физическое небо обозначается словом Аспан (восходящим к древнеиранскому  sm n через шелкопутные контакты) либо автохтонным термином К к (лазурный свод, зенит).

При этом Всевышний Творец именуется исключительно Тәңір (или народным Құдай). В казахской речи невозможно услышать оборот: «Пошел дождь из Тенгри» или «На Тенгри набежали тучи». Дождь идет с неба (аспаннан / көктен жаңбыр жауды), тучи заволакивают небосвод (аспанды бұлт торлады). Но когда человеку требуется восстановить попорченную правду или воззвать к высшей совести, он говорит:

> «Тәңір көріп тұр!» — «Тенгри видит все содеянное!»

> «Тәңірге тапсырдым» — «Вверяю суд Небесному Владыке».

Видимое небо — это место действия атмосферных явлений; Тенгри — духовный Гарант мирового равновесия.

Башкирские параллели: «Күктәге Тәңре» и обряд «Теләк»

В башкирской традиции, детально документированной Ф. Г. Хисамитдиновой и Р. Г. Кузеевым, слово Күк означает физическую высь, лазурь, небосвод. В обрядовой практике моления на шиханах старейшины обращались к Богу формулой:

> «И, Күктәге Оло Тәңре!» — «О, пребывающий в Небесах Великий Тенгри!»

Священный купол неба признается престолом и обиталищем Творца, но не Самим Творцом. Небосвод — это священный шатер, раскинутый над человеческим родом, внутри которого горит огонь жизни.

Историографическая полемика: космотеизм или чистое трансцендентное Первоначало?

В западной тюркологии XX века возникла острая полемика между двумя школами:

- Концепция космотеизма Жана-Поля Ру:

Французский исследователь Жан-Поль Ру в труде «Религия тюрков и монголов» (1984 г.) утверждал, что для архаического сознания кочевника не существовало разделения на дух и материю. Небо, по Ру, было «живым организмом», а Тенгри являлся не трансцендентным духом за пределами космоса, а одушевленной космической целостностью. Лишь под воздействием мировых религий тюрки якобы начали отделять Бога от физического купола.

- Позиция С. Г. Кляшторного и советской школы:

Сергей Григорьевич Кляшторный убедительно возражал концепции Ру, опираясь на синтаксический анализ древнетюркских эпитафий. В надписях Кюль-тегина и Бильге-кагана Небо выступает как субъект воли: оно «дарует силу» (küç bertük üçün), «ведает сроками времени» (Öd Teңri yasar), «карает предателей» и «гневается». Неодушевленная или чисто натурфилософская стихия не может обладать гневом, справедливостью и нравственным выбором. Уже в VIII веке образ Тенгри обладал чертами высочайшей духовной разумности.

Синтез этих подходов приводит к выводу: древнетюркское мировоззрение представляло собой органический панэнтеизм. Небо физическое являлось видимым покровом, телом и явлением (теофанией) невидимого Тенгри. Кочевник благоговел перед лазурным куполом именно потому, что через него открывался непостижимый Свет Творца.

Метафизическое обобщение: ступени созерцания Небесного Света

Онтологическая архитектура тюркской традиции раскрывается не в механических схемах, а в строгой восходящей иерархии созерцания. В ней нет разрыва между физическим миром и духом, но есть ясная градация бытийной глубины.

Начальной ступенью выступает видимый атмосферный свод — Көк / Аспан. Это зримый покров вселенной, сменяемость света и тьмы, движение облаков и ветров, животворящая влага весенних дождей, пробуждающая степной ландшафт. Дляномада эта лазурная чаша священна уже потому, что она поддерживает дыхание биосферы, являясь непосредственным источником земной жизни.

Второй ступенью становится сакральная геометрия светил — небесная ось мира. В неподвижном сиянии Алтын Казыка (Полярной звезды) кочевник прозревает вечный центр вращения мироздания. Звезды вокруг него — не хаотичные искры, а табуны небесных коней

и стражи космического равновесия. На этом уровне Небо предстает как совершенный ритм, дарующий ориентиры пути, смену календарных сезонов и меру пространства.

Наконец, предельной и всеобъемлющей вершиной созерцания является Тенгри как надмирное, трансцендентное Первоначало. Пребывая над сотворенным куполом, Он наполняет его Своим незримым присутствием. Тенгри — не физическое вещество неба, но Источник самого Бытия, Держатель высшего нравственного порядка (Törö), Дарователь животворящей благодати (Qut) и нелюбимый Владыка священного времени (Öd). Мир предстает как живой шатер, в котором физическая лазурь служит зримой завесой предвечной Тайны.

Экзистенциальный горизонт: взгляд в зенит и судьба современного духа

Различение видимого небосвода и трансцендентного Тенгри перестает быть фактом академической археологии, когда мы обращаемся к трагедии человека современной эпохи.

Современная цивилизация оказалась пленницей плоской горизонтали. Человек замкнут в геометрии искусственных помещений, автомобильных магистралей и мерцающих экранов; его зрение отучено от простора, а сознание лишено переживания вертикали. В этой сугубо горизонтальной суете неизбежно рождается экзистенциальная слепота: забывая о Небе над головой, человек теряет подлинный масштаб собственного бытия и воображает себя единоличным хозяином мира.

Взгляд в зенит, сохраненный тюркской традицией, совершает онтологический переворот в душе. Предстоя перед открытым простором, человек внезапно осознает, что над его тревогами и страстями раскинут вечный купол Правды. Принцип совести перестает быть абстрактным правилом: степное сознание живет знанием того, что всякое земное дело совершается перед всевидящим оком Создателя («Тәңір көріп тұр!»), от которого невозможно утаить кривду.

Из этого благоговения перед лазурной высью рождается и подлинное экологическое сознание. Небо — не бездонный резервуар для промышленных выбросов, а священный покров жизни. Попраение чистоты воздуха и разрушение климатического баланса в оптике традиции есть святотатственное восстание против Тёрё — грех, за которым неотвратимо следует отнятие небесной благодати. Восстановить живую связь с Небом — значит вернуть человеку его первозданное достоинство: предстоять миру свободно, твердо и с чистым сердцем.

Источниковедческая база и литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. — Фрунзе: Илим, 1972. — 170 с.
3. Гаркавец А. Н. Кыпчакское письменное наследие. Т. I: Каталог и тексты памятников. — Алматы: Дешт-и-Кыпчак, 2002. — 1084 с.
4. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
5. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 214 с.
6. Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
7. Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. — Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1978. — 264 с.
8. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
9. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер. З.-А. М. Ауэзовой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.

10. Ойунский П. А. Ньургун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос Олонхо. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — 440 с.

11. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991. — 320 с.

12. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.

13. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — К.: София, 1998. — 384 с.

14. Clauson, Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 1039 p.

15. Kuun, Géza. Codex Cumanicus, Bibliothecae ad Templum Divi Marci Venetiarum. — Budapest: Editio Scient. Hung., 1880. — 395 p.

16. Radloff, W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. — St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895. — 460 S.

17. Roux, Jean-Paul. La religion des Turcs et des Mongols. — Paris: Payot, 1984. — 324 p.

Мост в бездну: Клятва на источнике и гнев поруганной тверди

Но что происходит, когда человек опускает глаза с лазурного зенита на землю под копытами коня?

Если Небо — это всевидящий Творец, бесстрастно следящий за соблюдением вечной Правды, то что представляет собой Бурая Твердь, принимающая этот небесный свет?

В тюркском сознании земля никогда не была мертвой почвой или покорной грядой холмов. Она была вторым лицом великой космической драмы — живым, ранимым и грозным божеством \*Ыдук Йер-Суб (İduq Yêr-Sub)\*. Древний воин знал: можно укрыться от стрелы в глубоком овраге, но невозможно спастись от проклятия оскверненной реки или вспоротой целины.

Почему за брошенную в родник золу или обнаженное в воде лезвие закон степи карал немедленной смертью? Какую тайну хранил священный массив Отюкен, удерживавший саму ось каганата? И какая расплата ждет цивилизацию, дерзнувшую превратить живое тело Земли в разменную монету хищничества?

Ответ скрыт в следующей главе — «Священная Земля-Вода: одухотворенный мир и благоговение перед жизнью».

\* \* \*

• Найди свой «Железный Кол» (Темір Қазық): как номады находили путь по Полярной звезде, так и ты найди в душе неподвижную ось правды, вокруг которой вращается твоя жизнь.

• Живи по космическим часам: уважай смену времён года, встречай восход солнца и провожай закат луны. Человек, живущий в ритме неба, не знает душевного истощения.

• Учись у ночного неба тишине: когда в сердце поднимается тревога, выйди под звёзды. Их спокойный, вечный свет вернёт тебе внутреннюю тишину и ясность ума.

## Глава 10. Священная земля-вода: одухотворенный мир и благоговение перед жизнью



*«Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...»  
(Памятник в честь Тоньюкука, строка 38, ок. 726 г.)*

Табу на острие клинка: Смертный грех перед живой степью

Знойный полдень в глубине Джунгарской равнины. Изможденный многодневным переходом всадник спешивается у крошечного родника. Губы потрескались в кровь, конь хрипит от жажды.

Воин падает на колени, но прежде чем припасть к студеной влаге, он делает то, что поразило бы любого чужеземца: осторожно расстегивает пояс и откладывает боевой нож далеко в траву. Он никогда не коснется чистой проточной воды лезвием клинка. Он не посмеет вылить в ручей грязную муть или бросить в него пепел очага.

Закон кочевников был беспощаден: воин, осквернивший родник или без нужды ранивший лезвием дерн пастбища, объявлялся отверженным. В суровых сводах Великой Ясы и древнего обычая за это полагалась смерть без пролития крови.

Для европейца или жителя оседлых империй земля была всего лишь грязью, ресурсом, который нужно перекопать, поделить заборами и продать. Но для тюрка бурая твердь и текущие по ней реки были священным двуединым божеством — \*Ыдук Йер-Суб (İduq Yêr-Sub)\*. Живым, одухотворенным телом планеты, способным как даровать триумф, так и уничтожить целые армии.

Почему степные каганы считали Землю и Воду полноправными участниками исторических битв, и какой священный закон Отыюкена навеки связал судьбу народа с верностью родной земле?

Земля не как ресурс, а как живое тело бытия

В религиозно-философской мысли тюркских народов пространственный универсум никогда не воспринимался как нейтральная материальная протяженность, геометрическая пустота или сырьевой склад, предназначенный для хищнического исчерпания. Наряду с верховным Небом-Тенгри фундаментальной сакральной силой мироздания выступала \*Священная Земля-Вода (İduq Yêr-Sub)\*.

В оседло-земледельческих цивилизациях древности и средневековья земля неизбежно приватизировалась, дробилась на межи, распахивалась плугом и подвергалась кардинальной геометрической трансформации. Для кочевника-скотовода степной ландшафт оставался целостным, первозданным телом планеты.

Земля мыслилась не как неодушевленный объект права собственности, а как одушевленная, благодатная лоно-мать — Жер-Ана / Ер-Инэ, чьи травы вскармливают скот, чьи родники поят людей и чьи недра хранят покой предков. Нарушение целостности этого тела, бес-

смысленное осквернение источников или разрушение пастбищ расценивалось традицией не просто как хозяйственный ущерб, а как тягчайшее космическое преступление против сакрального порядка.

Эпиграфический статус \*İduq Yēr-Sub\* в древнетюркских памятниках

В монументальных надписях Второго Тюркского каганата категория Земли-Воды занимает совершенно особое место. Она фигурирует не как пассивная территория государства, а как полноправный субъект сакральной воли, участвующий в решении исторических судеб эля.

Соборная триада спасения

В строке 38 памятника мудрому советнику каганата Тоньюкуку победа тюркского войска над превосходящими силами коалиции врагов прямо приписывается совокупному действию трех высших сил:



*«Teŋri, Umay, İduq Yēr-Sub basa bērti erinç...»*

(«Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...».)

> «Teŋri, Umay, İduq Yēr-Sub basa bērti erinç...»

> («Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...».)

Здесь İduq Yēr-Sub поставлена в один ряд с Творцом-Тенгри и богиней плодородия Умай. Это не метафора патриотизма, а признание того, что сама земля, ее горы, ущелья, переправы и реки обладают собственной метафизической субъектностью. Земля защищает тех, кто живет по закону предков (tögö), и губит тех, кто нарушает клятвы.

Заповедный массив Отюкен: географическое сердце эля

В памятниках Кюль-тегину (КТм 3–4) и Бильге-кагану (БКм 4) формулируется главный геополитический и духовный завет древнетюркской государственности:

> «Ötükän yış olursar, beŋgü il tuta olurtaçisen... Ötükän yerdä yİduq yoq ermiş...»

> («Если ты пребываешь в священных лесистых горах Отюкен, ты будешь вечно держать государство... В земле Отюкен нет скверны, в ней пребывает благодать...».)

Слово yış в древнетюркском языке означает высокогорную лесистую местность, горную чернь с реликтовыми кедровыми и лиственными лесами Хангайского хребта. Отюкен мыслился не просто как удобное естественное укрепление; это была пуповина мира, сакральный центр каганата, где связь между Небом и Землей была наиболее прямой и чистой. Уход кагана из Отюкена на равнины Китая или в далекие чужие оазисы воспринимался как духовная измена корням, влекущая неминуемый распад государства.

Внешние синхронные свидетельства: византийский взгляд

Византийский историк и дипломат Менандр Протектор, описывая посольство Земарха ко двору тюркского кагана Истеми (Дизавула) в 568 году в предгорьях Тянь-Шаня, сохранил поразительное свидетельство о религиозной практике тюрков:

> «Они благоговейно чтут огонь, поют хвалу воде и земле, но поклоняются и называют Богом единственно Творца Неба и Земли, принося Ему в жертву лошадей, волов и овец».

Менандр зафиксировал точнейшую теологическую иерархию, полностью совпадающую с данными орхонских памятников:

- Верховный Творец — Тенгри — почитается абсолютным владыкой бытия;
- Земля, Вода и Огонь почитаются как священные, первозданные стихии тварного космоса, через которые проявляется божественная жизнь.

Этимология сакральности: корень \*İduq\*

Слово İduq в древнетюркском лексиконе (ДТС, с. 203) представляет собой одну из важнейших религиозно-правовых категорий.

Глагольная основа ĩd- означает «посылать, отпускать, освобождать». Буквально ĩduq — это то, что отпущено на волю Бога, изъято из мирского, утилитарного оборота и посвящено высшим силам:

1. İduq mal (посвященный скот):

Животное (чаще всего белый конь или бык), посвященное Тенгри или духам гор, метилось особым знаком. На нем запрещалось возить грузы, его шерсть не стригли, его молоко не доили для продажи, и его категорически запрещалось забивать на мясо. Оно свободно паслось до естественной смерти.

2. İduq Yêr-Sub (священная земля и вода):

Определенные урочища, истоки рек, рощи и горные вершины признавались заповедными зонами. В них запрещалась охота в период размножения зверей, запрещалась рубка живых деревьев, запрещалось осквернение почвы нечистотами. Понятие ĩduq служило фундаментом для древнейшей системы заповедников и природоохранных зон Евразии.

Эпическая вершина биоцентризма: башкирский «Урал-батыр»

Выдающимся памятником степной экологической философии является древнейший башкирский кубаир «Урал-батыр», истоки которого восходят к эпохе бронзы и раннего железа.

Сюжетная кульминация эпоса строится вокруг поиска батыром источника бессмертия — Йәншишмэ (Живой воды). Пройдя сквозь нечеловеческие испытания, одолев демонические силы подводного и подземного миров (дэвов и змея Кахкаху), Урал-батыр добывает кувшин с живой водой. Однако вместо того, чтобы выпить ее самому и обрести личное эгоистическое бессмертие, герой совершает беспрецедентный поступок:

- > \*«Если я один буду жить вечно — какая польза миру?
- > Пусть вечно живет Земля, пусть вечно цветут травы,
- > Пусть вечно текут чистые реки для людей и зверей!..»\*

Урал-батыр набирает в рот живую воду и кропит ею окружающие горы, иссохшие долины и степи. Земля оживает, покрывается вечной зеленью, а сам батыр принимает смертный удел. После физической кончины его могучее тело превращается в Уральский горный хребет, реки становятся его жилами, а сердце — жемчужным озером.

В эпосе выражен предельный закон кочевого биоцентризма: жизнь целого биогеоценоза неизмеримо выше жизни отдельной человеческой особи. Человек призван служить хранителям природы, а не ее тираном.

Региональные этнографические комплексы: запреты и обряды

В традиционной культуре казахов и башкир экологическая этика была оформлена в строжайшую систему поведенческих табу (тыйым) и обрядовых практик.

Казахский свод экологических табу

В казахском обычном праве и бытовом воспитании существовал нерушимый кодекс бережного отношения к ландшафту:

1. Кулыт истоков («Бұлақ көрсең — көзін аш»):

Народная мудрость «Увидишь родник — расчисти его исток» требовала от каждого путника ухода за источниками. Замутнение питьевого ключа, стирка белья или мытье посуды непосредственно в источнике считались тяжелым грехом (обал / кие). Воду черпали посудой и отходили на расстояние.

2. Запрет на ранение почвы («Жерді орынсыз қазба»):

Запрещалось бесцельно ковырять землю ножом, копьём или палкой. Считалось, что бессмысленное ранение дерна приносит несчастье скоту. Земля воспринималась как живая кожа, которую нельзя резать без крайней необходимости.

### 3. Концепт «Кие» (сакральное возмездие природы):

Казахский концепт кие обозначает имманентную святость определенных птиц (лебедь — акку, филин — үкі) и животных. Убийство лебедя считалось неминуемой причиной гибели рода охотника. Природа обладала правом на самозащиту.

#### Башкирский обряд Грачиной каши («Карғатуй»)

Ежегодный весенний праздник пробуждения Земли-Воды — Карғатуй — проводился башкирами на священных холмах и полянах.

Женщины, старики и дети выходили на природу, варили в огромных котлах обрядовую кашу из злаков и после совместной трапезы раскладывали остатки каши на камнях и ветвях деревьев, угощая первых прилетевших перелетных птиц — грачей:

> «Ашығыз тәмле булһын, ергә йәм килһен, һыуға йән килһен!»

> («Да будет сладка ваша пища, да придет на землю краса, да оживут чистые воды!»).

Птицы осмыслились как живые посланники Неба к Земле, знаменующие победу тепла над зимним оцепенением. Обряд восстанавливал круговорот благодати между небом, земной почвой, птицами и человеком.

#### Историографический анализ: от покорения к диалогу с биосферой

В исторической науке феномен кочевого природопользования получил глубокое освещение:

#### • Концепция экологического гомеостаза (Л. Н. Гумилев):

Лев Николаевич Гумилев в труде «Древние тюрки» и «Этногенез и биосфера Земли» подчеркивал, что кочевые сообщества Великой Степи находились в состоянии поразительного динамического равновесия со своим вмещающим ландшафтом. Сезонная смена пастбищ (зимовка — қыстау, весеннее пастбище — көктеу, летовище — жайлау, осеннее — күзеу) была выстроена таким образом, чтобы травяной покров успевал полностью восстановиться. Кочевник не истощал степь, он двигался вместе с ритмами ее дыхания.

#### • Мифологический статус Йер-Суб (С. Г. Кляшторный):

С. Г. Кляшторный доказал, что İduq Yêr-Sub в пантеоне Тюркского каганата представляла собой не просто географическое понятие, а самостоятельное верховное божество земно-водного плодородия, защитницу родины и хранительницу границ отечества.

#### Метафизическое обобщение: соборный континуум Неба, Человека и Земли

В степной теологии отношения между тремя главными началами бытия образуют не механическую схему, а неразрывный, трепетный жизненный континуум.

На горнем полюсе пребывает Көк Тенгри — верховный Отец, непостижимый Свет и созидательный Дух. От Него исходит предвечный Закон (Tögö), животворящая благодать власти и рода (Qut), а также мера качественного времени (Öd). Но этот небесный импульс не зависает в пустоте. На дольном полюсе ему навстречу раскрывается Ыдук Йер-Суб — священная Мать, живое тело Земли и текучих Вод. Земля дарует смертному человеку его телесный состав, питает сочными травами табуны, утоляет жажду хрустальными истоками рек и принимает в конце пути бранные кости в свое материнское лоно.

Между этими двумя космическими полюсами помещен \*Киши оглы (Kişi oğlu) — сын человеческий. Его положение уникально: он не является самовластным тираном природы, но и не низведен до уровня бессловесного животного. Человек поставлен в средоточие мира как сознательный медиатор и хранитель равновесия. Его долг перед Небом — жить в чистоте помыслов и незапятнанной чести (ağı bolmaq\*); его долг перед Землей — не причинять ей бессмысленной боли, оберегать ее заповедные урочища и передать цветущий ландшафт потомкам. Равновесие мира держится на том, насколько прямо человек держит эту ось совести.

### Экзистенциальный манифест: священная Земля-Вода и спасение жизни

В XXI столетии, когда планета сотрясается от последствий слепого промышленного хищничества — когда реки превращаются в сточные канавы, плодородные степи обращаются в безжизненную пыль, а океаны задыхаются от полимерного тлена, — древний тюркский завет *İduq Yêr-Sub* звучит не как наивный фольклор, а как строгий онтологический манифест.

Главная болезнь современной цивилизации заключается в гордыне хищнического антропоцентризма. Человек вообразил себя единоличным хозяином вселенной, для которого природа — лишь инертное сырье для биржевых спекуляций и технологического передела. В противоположность этому безумию тюркская традиция напоминает: Земля и Воды обладают собственной, изначальной сакральностью. Они священны сами по себе, независимо от человеческой корысти. Всякая цивилизация, строящая свое временное процветание на поругании почвы и отравлении источников, подрывает ствол собственного бытия и неизбежно низвергается в небытие по непреложному закону вселенского суда.

Возрождение категории \*Ыдук (*İduq*)\* — абсолютной священной заповедности — становится категорическим императивом для выживания человечества. Как древний номад запрещал себе обнажать лезвие ножа у истока ключа и не смел перепахивать ковыльную целину, так и современный мир обязан изъять из зоны рыночной эксплуатации легкие планеты, горные хребты и океанские глубины. Ступая по земле, человеку надлежит помнить: он идет не по мертвой грязи, а по праху отцов и по живому телу Великой Матери, дарующей хлеб и дыхание. Истинная зрелость духа измеряется не тоннами извлеченной руды, а способностью благоговейно хранить земную чистоту.

### Источниковедческая база и литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Византийские историки: Дексипп, Ивист, Менандр / Пер. С. Дестуниса. — СПб., 1860. — 504 с.
3. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967. — 504 с.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Гидрометеиздат, 1990. — 528 с.
5. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
6. Зиманов С. З. Древний мир права казахов. В 10 томах. — Алматы: Жеті Жарғы, 2001–2009.
7. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 214 с.
8. Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. — М.: Наука, 1981. — С. 117–138.
9. Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. — Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1978. — 264 с.
10. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
11. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 112 с.
12. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991. — 320 с.
13. Урал-батыр: Башкирский народный эпос / Пер. А. Х. Хакимова. — Уфа: Башкнигоиздат, 1977. — 176 с.
14. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.
15. Clauson, Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 1039 p.

16. Roux, Jean-Paul. La religion des Turcs et des Mongols. — Paris: Payot, 1984. — 324 p.  
Мост в бездну: Брошенная колыбель и зов Небесной Матери

Но когда буря стихает, а воин возвращается из похода в полумрак родного шатра, сакральная география великих просторов сжимается до одной-единственной точки.

До деревянной колыбели, подвешенной к своду юрты.

Земля-Вода вскармливает степь, но кто вдыхает душу в хрупкое тело новорожденного младенца? Кто незримо стоит у изголовья роженицы в часы смертных мук, когда жизнь балансирует над пропастью небытия? И к кому обращались могучие батыры, когда в бреду после смертельных ран шептали забытое имя, защищавшее их в детстве?

На гранитных стелах каганатов рядом с грозным Отцом-Тенгри высечено женское имя, излучающее золотой свет материнского покров — \*Умай (Umay)\*.

Какую тайну хранит эта древняя защитница колыбели? Почему без нее распадается связь между поколениями, а род лишается благодати продолжения жизни?

Об этом — в следующей главе: «Умай: женская ипостась божественного, хранительница очага и мать колыбели».

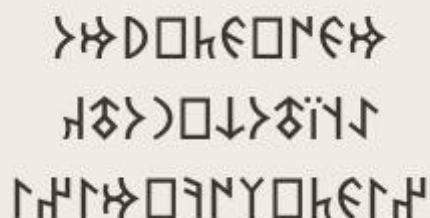
\* \* \*

- Почитай Землю-Воду (Йер-Суб) как живую мать: никогда не бросай мусор в реку, не ломай ветвей без нужды и не оскверняй родников. Земля помнит доброту и щедро отвечает любовью.

- Соблюдай закон меры: бери от природы ровно столько, сколько необходимо для жизни. Алчность — это восстание против космического порядка, ведущее к саморазрушению.

- Очищай истоки: если видишь засорённый родник — расчисти его русло. В народе говорят: «Увидишь родник — открой ему взор». В этом — живое служение миру.

## Глава 11. Умай: материнское начало, защита колыбели и очага



*«Благодаря благодати [кут] моей матери-катун, подобной богине Умай, мой младший брат Кюль-тегин получил взрослое мужское имя...»*

*(Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 31, 732 г.)*

Дыхание в темноте юрты: Золотые крылья над смертным одром

Полночь в кочевой ставке. За войлочными стенами завывает ледяной буран, сдирающий верхушки сугробов. Внутри юрты, у затухающих углей очага, молодая мать в бессилии прижимает к груди горящего в лихорадке первенца. Дыхание младенца становится прерывистым, нитевидным, готовым оборваться в любую секунду.

В эту страшную минуту степная женщина не кричит и не рвет на себе волосы. Она знает: прямо сейчас на пороге шатра сгущается тень небытия.

Мать достает из ларца полированный амулет из рога горного козла и треугольный кожаный оберег. Обмакнув палец в белое топленое масло, она чертит священный знак на деревянной дуге бесика (колыбели) и тихо, словно боясь спугнуть легчайшее дуновение, шепчет древнейшую формулу спасения: «Это не моя рука — это рука Матери Умай...»

И в этот миг холод отступает. Воздух в шатре теплеет, будто его коснулись невидимые золотые крылья.

Кто эта великая богиня, чье имя каганы высекали на граните рядом с грозным Владыкой Тенгри? Почему в мире бесстрашных воинов и суровых законов именно женское материнское начало почиталось как единственный щит, спасающий жизнь от гибели?

Женское начало в степном универсуме: преодоление ложного патриархализма

В историографии кочевых обществ Евразии долгое время господствовал односторонний стереотип: кочевая степь воспринималась исключительно как суровый, замкнутый мир воинов-всадников, где безраздельно властвовал патриархальный закон меча, а женщине отводилась сугубо служебная роль хранительницы очага и продолжательницы рода.

Однако анализ древнетюркского пантеона полностью разрушает эту схему.

На высшей ступени сакральной иерархии Второго Тюркского каганата, непосредственно рядом с верховным Творцом-Тенгри, зафиксировано персонифицированное женское божество высшего ранга — богиня \*Умай (Umay)\*.

Традиция кочевников не знала презрения к женскому началу. Если Небо выступало источником закона, космического времени и военной силы (küç), то Умай являлась подательницей самой витальной субстанции бытия — плодоносящего материнского лона, защиты новорожденных, здоровья детей, домашнего мира и сакрального продолжения рода. Без женской благодати Умай мужчина не мог обрести силу батыра, а каган не имел права править народом.

Эпиграфический статус Умай в рунических памятниках VIII века

Древнейшие достоверные свидетельства о богине Умай запечатлены на мраморных стенах каганата, что свидетельствует о ее высоком государственном статусе.

Царица-катун и небесная богиня: формула равенства

В строке 31 Большой надписи в честь Кюль-тегина его царственный брат Бильге-каган произносит глубокие слова:

> «Umay teg ögüm qatun qutıŋa inim Köl Tégin er at boldı...»

> («Благодаря благодати [кут] моей матери-катун, подобной богине Умай, мой младший брат Кюль-тегин обрел взрослое мужское имя...»).

Этот пассаж раскрывает фундаментальную теологическую концепцию:

1. Катун как земное воплощение богини:

Мать правящих каганов — катун (царица) — уподобляется самой богине Умай. Ее власть в ставке кочевников не была номинальной; она обладала собственным сакральным покровом — Qatun Qutı (женской благодатью Неба).

2. Обретение богатырского имени:

В традиции номадов наречение взрослым мужским именем (er at) знаменовало переход юноши в статус полноправного воина эля. Этот переход был невозможен без благословения матери и заступничества Умай. Именно женская сила охраняла дыхание ребенка в опасные годы младенчества, позволяя ему возрасти до богатырского подвига.

Умай на полях сражений: спасение государства

В надписи мудрого советника Тоньюкука (строка 38) образ Умай выходит далеко за пределы сугубо детской люльки:



«Teŋri, Umay, iduq Yēr-Sub basa bērti erinç...»

(«Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...».)

> «Teŋri, Umay, iduq Yēr-Sub basa bērti erinç...»

> («Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...».)

Здесь Умай выступает небесной соратницей эля в решающий момент битвы. Она оберегает жизнь воинов, отводит смертоносные стрелы и защищает родовое древо народа от истребления.

Филологический анализ: материнское чрево и разум

Словарь великого караханидского энциклопедиста XI века Махмуда аль-Кашгари («Диван лугат ат-турк») сохранил важнейшую дефиницию термина:

> «Umay: Детское место (послед, плацента), выходящее вслед за рождением младенца. Тюрки говорят: "Umayqa tapınsa, oğul bulur" — "Если воздать почтение Умай, родится сын". Женщины обращаются к ней с мольбой о благополучном разрешении от бремени и здоровье потомства».

Филологические исследования Дж. Клаусона и В. М. Наделяева вскрывают глубинную семантическую связь:

• Корень \uma-\* в алтайских языках связан со значениями «надеяться, уповать, опекать, защищать от холода и тьмы»;

- В древнетюркском языке корень Ög поразительно соединяет два значения:

ög — это «мать» (ögüm — моя мать);

öglük — это «разум, мудрость, рассудок, память» (öglük — разумный, сознательный; ögrän — учиться, познавать).

В миропонимании степи сознание, разум и мудрость передаются человеку не через абстрактное теоретизирование, а через тепло материнской груди, колыбельные напевы и благословение Умай. Мать — это первый учитель рассудка.

Эпический образ: дева-лебедь Хумай на Южном Урале

В башкирском кубаире «Урал-батыр» и продолжающем его эпосе «Акбузат» богиня Умай предстает в величественном образе Хумай (Һумай) — небесной птицы-девы, дочери владыки небесного мира Самрау и Солнца.

1. Образ девы-лебедя:

Хумай способна сбрасывать лебединое оперение и представлять перед батыром в образе прекрасной златокудрой девы. Этот мотив восходит к древнейшим сако-скифским и гуннским представлениям о лебедь как священной солярной птице Неба.

2. Вручение богатырских регалий:

Именно Хумай избирает Урал-батыра за его честность и чистоту помыслов. Она вручает ему волшебного крылатого коня — тулпара Акбузата, булатный меч, сокрушающий скалы, и открывает тайну источника бессмертия. Без любви и мудрости Хумай батыр оставался бы просто могучим воином; через союз с ней он становится спасителем человеческого рода.

3. Родоначалница племен:

От союза батыра и Хумай рождаются богатыри Идель, Яик, Нугуш, давшие имена великим рекам Южного Урала. Культ женщины в эпосе предстает как животворящий исток самой национальной истории.

Этнографическая непрерывность: культ колыбели и повивальный чин

В живом быту казахов, башкир, алтайцев, тувинцев и хакасов образ Умай сохранил удивительную монолитность сквозь века.

Казахский чин «Ұмай Ана» и сакральность люльки

В казахской традиционной семье богиня почиталась под именем Ұмай Ана — добрая, лучезарная седовласая мать-заступница:

1. Повивальная формула («Кіндік шеше»):

Когда повивальная бабка (кіндік шеше) принимала новорожденного и перерезала пуповину, а затем укладывала младенца спать или гладила его при недомогании, она обязательно произносила древнейшую формулу отречения от своего эго:

> «Менің қолым емес, Ұмай Ананың қолы!»

> («Не моя брэнная рука врачует, но святая рука Матери Умай!»).

2. Улыбка спящего младенца:

Если грудной ребенок во сне вздрагивал или плакал, мать говорила: «Умай Ана отошла от колыбели»; если же малыш во сне улыбался и двигал ручками, в ауле говорили: «Ұмай Ана ойнатып жатыр» — «Это Мать Умай играет с младенцем, смешит его и охраняет от дурного глаза».

3. Чин укладывания в люльку («Бесікке салу»):

Колыбель (бесік) у кочевников почиталась святыней рода. Ее окуривали дымом священной арчи (адыраспан), к дуге привязывали коготь беркута или перья филина, а под подушку клали серебряные украшения как солярный знак чистоты Умай. Пустую люльку строго запрещалось качать: это считалось дурным предзнаменованием, призывающим пустоту и беду.

Башкирский обряд возвращения благодати («Кот койоу»)

В традиционном башкирском быту, подробно изученном Ф. Г. Хисамитдиновой, существовал архаический обряд Кот койоу (отливание / возвращение кута):

Если ребенок сильно испугался, терял сон или чахнул, считалось, что от страха его нежная душа-благодать (кот) выскочила из тела и спряталась в углу шатра или у очага.

Пожилая знахарка (котсо) с молитвами к Небу и Матери Умай плавил в ковше свинец или олово и выливали его в чашу с родниковой водой над головой ребенка. По застывшей форме металла определяли причину испуга, а воду брызгали на лицо дитяти со словами:

> «Котом, кайт! Инэм Май кулы менэн кайтар!»

> («Вернись, благодатная сила кут! Вернись рукою Матери Май!»).

Ребенок возвращался под благодатный покров божества, обретая мир и здоровье.

Историографическая дискуссия: домашний дух или великая богиня?

В тюркологии XX века возник принципиальный спор относительно масштаба фигуры Умай:

- Редукционистская гипотеза Л. П. Потапова:

Леонид Павлович Потапов на основе алтайских и тувинских шаманистских записей XIX–XX веков пытался доказать, что Умай изначально была лишь мелким семейным духом-покровителем рожениц и деревянных куколок-оберегов, а в каганате ее культ был искусственно возвышен правящей элитой.

- Опровержение С. Г. Кляшторного:

С. Г. Кляшторный убедительно показал историческую некорректность сведения великого божества к позднейшим пережиткам эпохи упадка. В официальных памятниках VIII века Умай упомянута рядом с Тенгри и Йер-Суб. Никакой второстепенный дух или «семейный амулет» не мог быть высечен на триумфальных монументах великой империи. Умай являлась общеимперским божеством плодородия и высшей женской ипостасью мира, чей культ лишь в поздние века при распаде государственности сузился до границ семейной юрты.

Метафизическое значение: великая гармония начал

Теологический статус Умай утверждает глубочайшую истину степной философии: мироздание держится не на подавлении или слепой конкуренции противоположностей, а на их священном, благословенном созвучии.

В духовном космосе Евразии мужское начало, воплощенное в Тенгри, олицетворяет горный свет, справедливость, непогрешимый закон Тёрё, воинскую доблесть и распределение сроков времени. Это вертикаль порядка и долга. Женское же начало, персонифицированное в Умай, представляет собой животворящее лоно бытия, благословение деторождения, ласку материнского крова и охрану колыбели. Закон, лишенный милосердия и тепла, вырождается в безжалостную тиранию; милосердие, лишенное закона и твердой правды, распадается в бесформенный хаос. Лишь в неразрывном союзе Тенгри и Умай достигается подлинный лад вселенского правления.

Отсюда берет начало и сакральный матрицентризм кочевого очага. В то время как мужской долг обращен вовне — на охрану пастбищ, защиту границ эля и несение воинской службы, — внутреннее пространство юрты безраздельно освящено благодатью Умай. Мать выступает жрицей очага и первородительницей рода. В традиционном обычном праве степи нанесение оскорбления матери, поправление ее благословения или насилие над женщиной квалифицировалось как духовное самоубийство семьи, влекущее необратимое осквернение крови и утрату родовой благодати.

Экзистенциальный горизонт: материнское лоно бытия и современная тревога

Образ Матери Умай звучит спасительным предостережением для человечества XXI столетия, разорванного духовными кризисами, одиночеством и деструктивной борьбой полов.

Современный мир переживает глубочайшую трагедию отчуждения. Институт семьи сотрясается эгоизмом, а отношения между мужчиной и женщиной низводятся до уровня рыночных контрактов и взаимных претензий. В этой расколотовой реальности образ Умай возвращает культуре память об изначальной соборности любви, взаимного благоговения и разде-

ленной священной ответственности за продолжение жизни. Мужчина и женщина предстают не враждующими конкурентами, а равночестными хранителями вселенского ковчега бытия.

Не менее пронзителен степной завет защиты колыбели. В техногенную эпоху младенец с первых дней жизни оказывается беззащитен перед шумом информационной агрессии и холодом урбанистической среды. Древний культ колыбели, осененной невидимыми крыльями Умай, напоминает: начало человеческого пути требует тишины, благоговейного тепла и безусловной материнской любви. Истинная человечность не возникает сама по себе — она выпестовывается у колыбели под тихий напев колыбельной песни. Воспитание чистого душой потомства есть не приватное бытовое занятие, а высочайшее космическое служение, без которого бессмысленны любые технологические и политические триумфы.

Источниковедческая база и литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов (казахов) // Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. — С. 480–497.
3. Диваев А. А. Обряд качания люльки у киргизов // Этнографическое обозрение. — М., 1907. — № 1–2.
4. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
5. Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. — М.: Наука, 1981. — С. 117–138.
6. Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
7. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
8. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 112 с.
9. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер. З.-А. М. Ауэзовой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.
10. Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. — М.: Наука, 1973. — С. 265–286.
11. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991. — 320 с.
12. Урал-батыр: Башкирский народный эпос / Пер. А. Х. Хакимова. — Уфа: Башкнигоиздат, 1977. — 176 с.
13. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.
14. Clauson, Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 1039 p.
15. Roux, Jean-Paul. La religion des Turcs et des Mongols. — Paris: Payot, 1984. — 324 p.

Мост в бездну: Шепот в сумерках и армия мертвых предков

Но материнская колыбель — лишь начало человеческого пути. Рано или поздно огонь в очаге угасает, волосы батыра белеют, и наступает час, когда воин сам должен сделать последний вздох и отправиться по тропе Млечного Пути.

Куда уходит его дыхание? Исчезает ли человек в холодной могильной яме, или его дух продолжает незримо стоять за плечами сыновей?

В бескрайней степи нет кладбищ в европейском понимании. Здесь каждый курган — это сторожевая башня вечности, а каменные изваяния балбалов смотрят на восток неслепыми гра-

нитными глазами. Когда конная лава с криком «Аруақ!» бросается на вражеские пики, каждый воин твердо знает: впереди него летит невидимая конница его предков.

Что такое культ \*Аруахов (Агуақ)\*? Почему предать память отцов до седьмого колена считалось худшим позором, стирающим имя человека из Книги Бытия? И как зов ушедших поколений спасал народ в моменты смертельных исторических катастроф?

Об этом — в следующей главе: «Култ предков (Аруақ): родовая память, каменные балбалы и завет отцов».

\* \* \*

- Береги колыбель и матерей: образ Матери Умай напоминает, что жизнь начинается с нежности и тепла. Почитай мать, оберегай беременную женщину и согревай любовью дитя.

- Храни мир в семье: женщина — душа шанырака. Если в доме звучит ласковое слово и царит покой, благодать Умай освятит потомство здоровьем и радостью.

- Будь проводником милосердия: когда ты защищаешь слабого или помогаешь больному ребёнку, рука Умай незримо действует через твоё сердце.

## Глава 12. Предки и память рода: зов аруахов, тризна и завет отцов

ᠠᠷᠤᠠᠬᠤᠨᠠᠷᠤᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ  
ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠᠷᠤᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ  
ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠᠷᠤᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ

*«Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Воссев, они держали и устраивали государство и законы тюркского народа...»*

*(Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 1, 732 г.)*

Кровь на лицах и гранитные чаши: Тризна, разорвавшая века  
Лето 731 года. Урочище Кошо-Цайдам на реке Орхон.

Воздух дрожит от дикого, нечеловеческого воя сотен глоток, перемежающегося с ржанием коней и глухими ударами бубнов. Вокруг свежего кургана на бешеной скорости несутся всадники, объезжая могилу по кругу семь раз. Внезапно они выхватывают из ножен кривые кинжалы и с размаху полосуют собственные лица — так, чтобы кровь смешивалась со слезами и крупными каплями падала в иссохшую степную пыль.

Так хоронили великого Кюль-тегина.

В этой свирепой погребальной драме не было ни капли отчаяния. Это не был вопль побежденных смертью. Это был священный обряд перехода: плоть героя погибала, но его дух — \*Аруах (Aruaq)\* — в этот самый миг становился бессмертным титаном, заступающим на вечную стражу эля.

За спинами плакальщиков мастера-камнетесы уже вбивали в землю длинную вереницу каменных столбов — балбалов. Каждый камень — это душа поверженного в бою противника, навеки обязанная служить духу тюркского батыра по ту сторону бытия.

Почему древний степняк боялся забвения предков больше, чем острия вражеского копья? Что за тайная сила связывала семь колен рода, превращая память об отцах в нерушимую крепость духа?

Степная память: мост между сущим и ушедшим

Культ предков является стеновым хребтом социальной структуры, правосознания и религиозной этики кочевых народов Евразии. В мировоззренииномада грань между видимым миром живых (Орто Дойду / Жалган дүние) и сокровенным миром ушедших отцов (Келмеске кеткендер) никогда не была глухой непроницаемой стеной.

Уход человека из земной жизни не означал его растворения в небытии или бесследного исчезновения. Покинув плотскую оболочку, благородный муж, батыр, мудрый бий или многодетная мать переходили в высшее состояние духовных хранителей рода — \*Аруаков (Аруак / Арбак / Ата-баба)\*.

Предок продолжал незримо присутствовать в жизни своего кочевья: он ободрял воинов в яростных схватках, оберегал табуны от зимнего джута, благословлял колыбель новорожденного и жестоко наказывал потомков за забвение закона чести (намыс) и поправление обычая отцов

(төрө). Вся жизнь степного общества была пронизана предстоянием перед безмолвным судом предков.

Эпиграфическая генеалогия каганов: отчет перед «Еёüm арам»

В орхонских и енисейских памятниках культ предков образует легитимирующий фундамент государственности. Вся Большая надпись Кюль-тегина и стела Бильге-кагана выстроены как строгий и благоговейный отчет правящего владыки перед духами отцов-основателей эля:

> «Kişi oylınta üze еёüm арам Bumın qaγan, İstemi qaγan olurmış...»

> («Над сынами человеческими воссели мои предки [деды и отцы: еёüm арам] Бумын-каган и Истеми-каган; воссев, они устроили государство и законы тюркского народа...»).

Парная формула Еёüm арам (мои деды и отцы) обозначает сакральную генеалогическую вертикаль. Власть кагана признавалась народом легитимной не в силу произвола или богатства, а постольку, поскольку он продолжал дело Бумына и Истеми, сохраняя установленные ими законы Тёрё.

Поминальный комплекс в урочище Кошо-Цайдам (Монголия), исследованный экспедициями Н. М. Ядринцева, В. В. Радлова и современных археологов, представлял собой грандиозный архитектурный ансамбль:

- Окруженный рвом глинобитный храм (барк), внутри которого стояли портретные мраморные изваяния самого Кюль-тегина и его супруги;
- Огромная резная черепаха, несущая гранитную стелу с руническим текстом;
- Длинная вереница вертикально врытых необработанных камней — \*балбалов (balbal)\*, тянувшаяся на восток на сотни метров.

В строке 25 той же надписи читаем:

> «Baza qaγanıγ balbal tikdim...» — «Я поставил предводителя враждебных племен Баз-кагана балбалом [поминальным стражем]».

Балбал в древнетюркском погребальном ритуале символизировал поверженного в честном бою врага, чья жизненная сила в загробном мире подчинялась духу павшего витязя, служа свидетельством его воинской доблести (erdäm).

Синхронные описания тризны и погребального ритуала

В китайской династийной хронике «Чжоу шу» (гл. 50) сохранилось детальное описание тюркского похоронного чина середины VI века:

> \*«Поставив тело умершего в шатре, сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец перед шатром. Затем верхом на конях семь раз объезжают вокруг шатра и перед каждым кругом надрезают ножом свои лица, плача и причитая так, что кровь и слезы текут вместе. Совершив это семь раз, останавливаются...»

> В назначенный день берут коня, на котором ездил покойный, и его личные вещи и сжигают их вместе с ним на костре; пепел же собирают и хоронят в кургане... На могиле ставят камень с высеченным на нем описанием его подвигов и числом убитых им врагов...»\*.

Византийский историк Менаандр Протектор описывает аналогичный ритуал траура, свидетелем которого стали послы империи во главе с Валентином при дворе тюркского царевича Турксанфа в 576 году: византийцев обязали сойти с коней и надрезать себе щеки в знак скорби по умершему кагану Истеми.

В этом ритуале кровь, текущая из надрезанных щек воинов, знаменовала предельную меру скорби: с потерей великого отца род плачет не просто водой слез, но самой субстанцией жизни — кровью. Сожжение личного скакуна обеспечивало батыру верного спутника для перехода через небесные пространства.

Эпический размах: поминки хана Кокетея в «Манасе»

Выдающимся памятником степной похоронной памяти является эпизод «Көкөтөйдүн ашы» (Великая тризна по хану Кокетею) в кыргызском эпосе «Манас» (записанном В. В. Радловым и Ч. Ч. Валихановым):

1. Сакральный смысл степного Аша:

Поминальная тризна (Аш) у кочевников никогда не была унылым отпеванием. Это было соборное торжество жизни, торжество преодоления смерти через сплочение всех родов и племен. На поминальный пир Кокетея собираются десятки тысяч всадников со всех концов Евразии.

2. Ритуал кормления предков («Жыт чыгаруу»):

Прежде чем гости прикасались к пище, в огромных казанах вытапливали конский жир и жарили обрядовые хлебцы. Считалось, что бестелесные духи Аруаков не вкушают материальной плоти мяса; они насыщаются тончайшим ароматом, горячим запахом кипящего жира (иіс / жыт). Благодарный дух, насытившись, ниспосылает на пирующих благословение (бата).

3. Космические состязания ради славы умершего:

Центром тризны становилась грандиозная скачка на длинные дистанции — Чоң Байге — и богатырские поединки на пиках (эр-сайыш). Победа батыра на поминальных играх посвящалась духу усопшего хана, вознося его славу до самого Неба.

Родовая вертикаль памяти: казахское и башкирское Шежере семи колен

В живой этнографической практике казахов и башкир культ предков институционализировался в священный закон \*Шежіре / Шәжәрә (родословия семи колен — Жеті ата / Ете быуын)\*.

Закон семи колен как этический и генетический барьер

Каждый мальчик в степи обязан был с раннего детства твердо знать имена своих прямых предков по мужской линии до седьмого колена:

1. Бала (сын);
2. Әке (отец);
3. Ата (дед);
4. Арғы ата (прадед);
5. Баба (прапрадед);
6. Түп ата (родоначальник ветви);
7. Тек (исток, корень рода).

Человек, не знавший своих семи предков, именовался презрительным словом мәңгүрт / жетесіз (лишенный корней, беспамятный раб).

Знание семи колен выполняло две жизненно важные функции:

- Генетическая чистота: До седьмого колена внутри одного рода категорически запрещались браки. Нарушение этого правила рассматривалось как тягчайший грех кровосмешения (қан бұзу), навлекающий проклятие Аруаков и вырождение потомства.

- Социальная солидарность: Всякий сородич в пределах семи колен признавался братом, обязанным защищать честь родича, делить с ним скот при джуте и нести солидарную ответственность перед судом биев.

Аруаки как заступники и боевой клич «Ураан»

В народном сознании казахов Аруак — это не грозное привидение, а любящий и справедливый защитник.

В момент смертельной опасности, перед лицом вражеской конницы, воин бросался в атаку не с абстрактным криком, а с родовым кличем — \*Ураном (Ұран), выкрикивая имя прославленного предка: «Алаш!», «Абылай!», «Қабанбай!», «Бөгенбай!»\*. Верили, что в миг выкрика урана дух предка встает за правым плечом батыра, придавая его копыю сокрушающую мощь.

По четвергам и пятницам в казахских и башкирских аулах совершался обряд Жеті шелпек: хозяйка выпекала в раскаленном масле семь тонких лепешек, и собравшиеся старейшины поминали имена усопших отцов. Запах масла шел к небу, а память скрепляла связь поколений.

Историографическая оценка: культ отцов и степная демократия

Феномен культа предков вызвал глубокое осмысление в академической мысли:

- Позиция Чокана Валиханова:

В фундаментальном исследовании «Следы шаманства у киргизов» (1861 г.) Валиханов писал:

«Почитание предков (аруахов) у казахов развито в высшей степени. Аруах — это совесть народа. Степной кочевник может нарушить приказ чиновника или судьи, но он никогда не посмеет солгать, если его заставят поклясться могилой предка или призвать в свидетели имя своего отца. Культ аруахов воспитывал в народе чувство рыцарской чести и бесстрашия перед лицом смерти».

- Исследования С. Г. Кляшторного и Р. Г. Кузеева:

С. Г. Кляшторный показал, что возведение монументальных поминальных комплексов в каганате было формой общественного договора: каган служил народу, а народ навечно закреплял его подвиг в граните.

Раиль Гумерович Кузеев в труде «Происхождение башкирского народа» доказал, что башкирские родовые шежере и тамги на скалах являлись не просто семейными списками, а публично-правовыми документами, удостоверявшими вечные права рода на свои кочевья, реки и шиханы.

Метафизическое ядро: горизонты родового бессмертия

Анализ эпиграфики, шежере и обрядовой практики вскрывает уникальную тюркскую философию бессмертия. Здесь человек никогда не мыслит себя изолированной монадой, брошенной в холодную пустоту космоса.

Бытие раскрывается как живой, пульсирующий поток поколений. В высшем измерении пребывают Келмеске кеткендер — мир вечных духов предков (Аруактар). Они перешагнули черту бренности, став бесплотными стражами чести, заступниками перед Небом и незримыми судьями живой совести. В земном срединном измерении — Жалган дүние — разворачивается текущий век живых сородичей. Это круг семи колен (Жеті ата), поле ежедневного нравственного выбора, сохранения огня очага и претворения закона Тёрё. Наконец, третий горизонт устремлен в грядущее — Келешек, к еще не рожденным потомкам, ради благословения которых сегодня бережется родная земля и чистота имени.

Смертный человек в этой традиции выступает живым священным мостом времен. Его индивидуальная биологическая краткость преодолевается включенностью в бессмертное русло рода. За спиной каждого степняка незримо стоят века памяти и подвигов его отцов; перед его взором простирается ответственность за судьбу сыновей и внуков. Физическое тело неизбежно растворится в бурой земле (уауіз уер), но доброе имя (жақсы ат) и мужественный подвиг (erdäm) побеждают тление. Предок жив, пока звучит его имя в памяти живых; единственной же подлинной смертью признавалось забвение.

Экзистенциальный горизонт: родовая память против исторического беспамятства

В XXI столетии, когда цивилизация охвачена пандемией социальной атомизации, кризисом личной идентичности и циничным разрывом связей между поколениями, степная интуиция Аруаков несет непреходящую целительную силу.

Современный человек, оторванный от родовых корней и лишенный памяти о предках, легко превращается в беззащитный, манипулируемый объект отчуждения — в того самого исторического беспамятного раба (мәңгүрт), о котором с болью предупреждали степные мудрецы. Возвращение к глубине шежере возвращает личности утраченную онтологическую опору: человек вновь обретает внутренний стержень, понимая, что за ним стоят поколения мужественных людей, преодолевших холод, голод, войны и лишения ради того, чтобы сегодня жизнь продолжалась.

Память об отцах воздвигает несокрушимый барьер против нравственного падения. Всякий раз, совершая поступок, человек традиции соизмеряет его с невидимым присутствием

предков: «Не устыдятся ли меня мои отцы? Смогу ли я передать детям незапятнанную честь?». Эта внутренняя совестливость сильнее внешних надзирателей и полицейских запретов. Она побеждает и экзистенциальный ужас перед небытием: жизнь, прожитая в правде и верности роду, не исчезает в черной дыре времени, но вливается в вечную соборную память народа под лазурным куполом Неба.

Источниковедческая база и литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. — М.: Наука, 1968. — С. 19–192.
3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 382 с.
4. Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. — С. 480–497.
5. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
6. Зиманов С. З. Древний мир права казахов. В 10 томах. — Алматы: Жеті Жарғы, 2001–2009.
7. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 214 с.
8. Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
9. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. — М.: Наука, 1997. — 303 с.
10. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. — М.: Наука, 1974. — 572 с.
11. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
12. Манас: Киргизский героический эпос. В 4 книгах / Под ред. А. С. Мирбадалевой. — М.: Наука, 1984–1995.
13. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. V: Наречие дико-каменных киргизов. — СПб., 1885. — 599 с.
14. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.
15. Roux, Jean-Paul. La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux. — Paris: Maisonneuve et Larose, 1963. — 216 p.

Мост в бездну: Пламя на горном пике и тайные врата природы

Но где обитали аруахи, покинувшие землю, и где живой человек мог переступить незримую черту между мирами?

Не в каменных коробках храмов и не под золотыми сводами соборов. Кочевник презирал рукотворные стены: они казались ему тюрьмой, отсекающей свет Тенгри.

Истинным храмом Степи были заоблачные гранитные вершины, вековые лиственницы и бурлящие минеральные ключи — арасаны. Но главным алтарем, перед которым склонял голову непокорный владыка полумира, было священное Пламя. Огонь костра и очага — яростный, пожирающий скверну, не терпящий фальши и грязи.

Почему перед тем, как предстать перед лицом кагана, чужеземные послы и правители должны были пройти сквозь узкий коридор ревущего огня? Какая тайна скрыта в каменных пирамидах-обо на гибельных горных перевалах? И как природа Степи становилась единым живым собором под открытым небом?

Об этом — в следующей главе: «Святыни Степи: священные горы, целебные воды и дух огня».

\* \* \*

Анализ эпиграфики, шежере и обрядовой практики вскрывает уникальную тюркскую философию бессмертия. Здесь человек никогда не мыслит себя изолированной монадой, брошенной в холодную пустоту космоса.

Бытие раскрывается как живой, пульсирующий поток поколений. В высшем измерении пребывают Келмеске кеткендер — мир вечных духов предков (Аруактар). Они перешагнули черту бренности, став бесплотными стражами чести, заступниками перед Небом и незримыми судьями живой совести. В земном срединном измерении — Жалган дүние — разворачивается текущий век живых сородичей. Это круг семи колен (Жеті ата), поле ежедневного нравственного выбора, сохранения огня очага и претворения закона Тёрё. Наконец, третий горизонт устремлен в грядущее — Келешек, к еще не рожденным потомкам, ради благословения которых сегодня бережется родная земля и чистота имени.

Смертный человек в этой традиции выступает живым священным мостом времен. Его индивидуальная биологическая краткость преодолевается включенностью в бессмертное русло рода. За спиной каждого степняка незримо стоят века памяти и подвигов его отцов; перед его взором простирается ответственность за судьбу сыновей и внуков. Физическое тело неизбежно растворится в бурой земле (уауіз уер), но доброе имя (жақсы ат) и мужественный подвиг (erdäm) побеждают тление. Предок жив, пока звучит его имя в памяти живых; единственной же подлинной смертью признавалось забвение.

Современный человек, оторванный от родовых корней и лишенный памяти о предках, легко превращается в незащитный, манипулируемый объект отчуждения — в того самого исторического беспамятного раба (мәнгүрт), о котором с болью предупреждали степные мудрецы. Возвращение к глубине шежере возвращает личности утраченную онтологическую опору: человек вновь обретает внутренний стержень, понимая, что за ним стоят поколения мужественных людей, преодолевших холод, голод, войны и лишения ради того, чтобы сегодня жизнь продолжалась.

Память об отцах воздвигает несокрушимый барьер против нравственного падения. Всякий раз, совершая поступок, человек традиции соизмеряет его с невидимым присутствием предков: «Не устыдятся ли меня мои отцы? Смогу ли я передать детям незапятнанную честь?». Эта внутренняя совесть сильнее внешних надзирателей и полицейских запретов. Она побеждает и экзистенциальный ужас перед небытием: жизнь, прожитая в правде и верности роду, не исчезает в черной дыре времени, но вливается в вечную родовую память народа под лазурным куполом Неба.

Где именно совершались великие моления? Какова была сакральная топография степных святилищ — горных вершин, перевалов с каменными насыпями Обо (Ova / Obo), священных водных источников и жертвенных костров? Почему огонь почитался как очистительная стихия, отгоняющая скверну, и почему перед очагом юрты кочевник преклонял колени так же благоговейно, как перед престолом правителя?

\* \* \*

- Помни зов Аруахов: души праведных предков не умерли, они пребывают в свете и молятся за нас. Вспоминай их с благодарностью, рассказывай детям об их честной жизни.

- Не позорь своё родовое древо: совершая любой поступок, спроси себя: «Одобрили бы это мои деды? Не покраснели бы они за меня?». Это лучший предохранитель совести.

- Посещай могилы отцов: приди к вечному кургану или надгробному камню, поклонись земле, поправь оградку и помолчи. В этой тишине ты обретёшь нерушимую духовную силу.

## Глава 13. Святыни степи: священные горы, целебные воды и дух огня



*«Волхвы зажгли ветви ладана и кедра и заставили послов пройти между двумя высокими огнями. Тюрки свято верят, что огонь очищает все вещи и что пламя уничтожает любые злые умыслы и скверну...»*

*(Менандр Протектор, «История», посольство Земарха к тюркскому кагану Дизавулу, 568 г.)*

Стена пламени у подножия Тянь-Шаня: Чистилище перед троном

Август 568 года. Долина у подножия покрытых вечными снегами пиков Тянь-Шаня.

Византийский посол Земарх, представляющий императора Юстина II, замирает в суеверном ужасе. Прямо перед ним, между двумя длинными рядами сложенных кедровых бревен, бушует сплошная стена ревущего пламени. Жар опаляет брови, в воздухе стоит густой, дурманящий запах горячей смолы и ладана. Степные жрецы в белых войлочных шапках, выкрикивая гортанные заклинания, берут онемевших от страха римлян за плечи и толкают их прямо в огненный коридор.

Для византийцев это выглядело как дикая пытка или варварская казнь. Но для тюрков это было священным порогом.

Ни один человек — будь он хоть посланником всемогущего Рима — не имел права ступить на святую землю кагана с нечистым сердцем, с черными мыслями или скрытым ядом. Огонь должен был выжечь скверну дотла. Только очистившись пламенем, смертный мог предстать перед лицом правителя, восседающего на золотом троне под открытым небом.

У кочевников не было каменных базилик и золоченых куполов. Но вся их земля — от неприступных гранитных вершин до бьющих из камня целебных ключей — была единым живым святилищем.

Какую тайну хранил этот гигантский собор без единого кирпича, и почему даже каменные идолы рушились перед величием горных алтарей Степи?

Храм без стен: пространственная литургия природы

В кочевой цивилизации Евразии феномен храма никогда не был связан с возведением замкнутых каменных зданий, базилик или искусственных капищ. Степь не знала тесных интерьеров, отделявших молящегося человека от дыхания внешнего мира.

Местом богопочитания, диалога с Создателем и встречи со священным служила сама первозданная земля под открытым куполом Неба.

Сакральными центрами степного космоса выступали естественные природные вертикали и геоморфологические узлы:

- Величественные горные вершины — мировая ось (Axis Mundi), соединяющая три яруса бытия;

- Первородные пещеры — хтонические лоны возрождения предков;
- Вековые священные деревья и рощи — медиаторы жизненной силы;
- Бьющие из глубин земли целебные минеральные ключи — \*арасаны (arasan)\*;
- Ритуальные насыпи на перевалах — \*оба (ova / oboo)\*;
- Живой огонь домашнего очага — \*От-Ана (Ot-Ana)\* — земное отражение небесного соляного огня.

Горные вершины как мировая ось: от Бодэншана и Отыюкена до Улытау и Торатау

Гора в мировоззрении тюрков почиталась не просто как возвышенность рельефа, а как престол Неба на Земле, ближайшая точка соприкосновения человеческого духа с божественным светом.

Хангайская святыня Бодэншан и пещера Ашина

В китайских династийных хрониках «Чжоу шу» (гл. 50) и «Суй шу» (гл. 84) зафиксирован строгий государственный распорядок религиозных молений тюркских каганов VI века:

> «Ежегодно верховный правитель во главе старейшин и знатных родов приносит жертвы в пещере предков на Алтае... А в середине пятого месяца [в день летнего солнцестояния] знатные тюрки собираются у реки и молятся верховному Богу Неба. На священной горе Бодэншан [Богдо-ула / массив Отыюкен] обитает верховный дух земли; народ чтит эту гору с великим трепетом; на ней строго возбраняется рубить живые деревья и охотиться на зверей».

В этом сообщении зафиксирован совершенный пространственный дуализм:

- \*Пещера предков (üjür):\* Материнское, сокровенное начало, где, согласно династийному мифу, волчица вскормила первопредка рода Ашина. Это место памяти о хтоническом зарождении племени.

- Вершина горы Бодэншан: Мужская соляная вертикаль, где приносились всенародные бескровные жертвы Небу и Священной Земле-Воде. Запрет рубки леса и охоты на горе подтверждает статус *ıdıq* — полной заповедности святилища.

Казахстанская сакральная вертикаль: гора Улытау

В самом географическом сердце Казахской степи, в Сарыарке, высится горный массив Улытау («Великие горы»).

На протяжении многих веков Улытау являлся сакральной столицей степной демократии:

- Именно к вершинам Улытау сходились представители всех казахских родов для созыва великих курултаев;

- На плоских гранитных плитах у подножия гор приносилась всенародная присяга новым избранникам правителям, которых поднимали к Небу на белой кошме;

- Здесь высекались на скалах родовые гербы-тамги (таңба), закреплявшие братский союз племен;

- В урочищах Улытау были воздвигнуты мавзолеи хана Джучи (старшего сына Чингис-хана) и легендарного праотца казахов Алаша-хана.

Гора Улытау функционировала как символ политического и духовного единства народа.

Башкирские святыне шиханы: феномен Торатау

На Южном Урале аналогом священных горных алтарей выступали уникальные коралловые рифовые останцы древнего океана — башкирские шиханы (Торатау, Юрактау, Куштау).

Одиночный шихан Торатау почитался башкирским племенем юрматы как сакральный центр земли. Согласно полевым исследованиям С. И. Руденко и Р. Г. Кузеева:

- На плоской вершине Торатау в день весеннего равноденствия старейшины родов совершали соборный обряд Телэк — воздевали руки к Небу с мольбой о ниспослании дождя и мира;

- На священной горе категорически запрещалось вести хозяйственные работы, добывать камень железом или осквернять почву нечистотами;

- Шихан воспринимался как живая коновязь земли, удерживающая космическое равновесие всего Уральского края.

Деревья-медиаторы: дуб дагестанских гуннов и Бай-Терек

Дерево в тюркской космологии почиталось как земной образ Мирового Древа (Бай-Терек / Бәйтерек), чьи корни уходят в нижний мир, ствол держит человеческий мир, а крона упирается в лазурь Неба.

В армянской хронике епископа Мовсеса Каганкатвази «История страны Алуанк» (VII в.) сохранилось бесценное свидетельство о культе священного дерева у прикаспийских гуннов (савиров) Дагестана:

> «Они посвящали деревья своим божествам; среди них высился исполинский вековой дуб, почитавшийся спасителем страны и подателем жизни. К этому священному дереву вожди приводили отборных коней: окропив ствол жертвенной кровью, голову и кожу коня вывешивали на ветвях, обращаясь с мольбой к Небу и владыке грома Тенгри-хану...».

В этом обряде дерево выступало космической лестницей: повешенная на верхних ветвях шкура жертвенного белого коня символически возносилась к небесным чертогам. Дерево являлось естественным алтарем, связывающим смертного человека с беспредельным Небом.

Каменные насыпи на перевалах: традиция «Оба»

Каждый путник, пересекавший горные хребты Алтая, Тянь-Шаня, Саян или Тарбагатая, встречал на седловинах перевалов пирамидальные конические насыпи из диких камней — \*Оба (Ova / Oboo / Обаа)\*.

Култ Оба представляет собой древнейшую общекочевую практику почитания духов перевалов и границ:

1. Камень как личная лепта:

Всякий всадник, поднимаясь на трудный перевал, обязан был спешиться, поднять с дороги камень и положить его на вершину насыпи. Этот жест знаменовал очищение от тягот пути и благодарность священной горе за безопасный переход.

2. Запрет пустоты:

Пройти мимо Оба, не положив камня или не повязав на растущую рядом березу или лиственницу белую матерчатую ленту (ялама / чалама), считалось дерзким святотатством, навлекающим камнепад или внезапную бурю.

3. Соборность памятника:

Оба росла десятилетиями и веками усилиями тысяч безвестных путников, превращаясь в грандиозный коллективный монумент благоговения перед мощью горного перевала.

Сакральная гидрология: целебные ключи Арасаны

Водные источники в засушливых степях и полупустынях Евразии почитались величайшим даром Матери-Земли:

1. \*Концепт «Арасан» (Arasan):\*

Горячие и холодные радоновые, серные и минеральные источники, бьющие в ущельях Тянь-Шаня, Алтая и Джунгарии, именовались арасанами (др.-тюрк. arasan — священная исцеляющая влага).

2. Этика святого источника:

Возле арасанов запрещалось громко кричать, сквернословить, стирать одежду или сбрасывать отходы. Воду черпали чистой посудой с благоговейным шепотом: «Дертке дауа, жанга шипа болсын!» («Да будет исцелением для тела и отрадой для души!»). Родник признавался священным роддомом Земли-Воды (İduq Yêr-Sub).

Метафизика Огня: очищение скверны и культ От-Ана

Среди всех стихий тварного космоса особое место занимал \*Огонь (Ot)\*. Огонь мыслился как земная частица животворящего солнечного света, сошедшая на землю для согревания юрты и защиты рода от тьмы и скверны.

Дипломатический обряд очищения между двух огней

Свидетельства византийца Менандра Протектора (568 г.) и францисканского монаха Гильома де Рубрука (1253 г.) фиксируют нерушимость обряда огневого очищения на протяжении семи столетий:

- Ни один чужеземный посол, купец или знатный гость не имел права приблизиться к шатру кагана или хана без предварительного прохождения между двумя высокими ритуальными кострами;
- Сквозь огонь проносили все дипломатические дары, оружие и одежду;
- Считалось, что чистый огонь выжигает любые яды, уничтожает злые замыслы, зависть и колдовство, позволяя человеку предстать пред правителем с чистым сердцем.

Культ очага: От-Ана в юрте

В традиционном казахском и башкирском быту очаг юрты являлся сакральным сердцем дома:

1. Персонификация «От-Ана» (Мать-Огонь):

Огонь очага воспринимался как живое, одушевленное женское божество, оберегающее семью.

2. Строжайшие табу очага:

- Категорически запрещалось плевать в огонь: считалось, что плюнувший в огонь навлекает язвы на свои губы и слепоту на глаза;
- Запрещалось лить на огонь сырую грязную воду или бросать в него мусор, кости и тухлятину;
- Запрещалось перешагивать через очаг или тыкать в пламя лезвием ножа;
- Огонь гасили, лишь благоговейно присыпая угли чистой золой.

3. Обряд приобщения невестки («Отқа май құю»):

Когда молодая невестка впервые переступала порог дома мужа, старейшие матери рода подвели ее к очагу. Невестка благоговейно опускалась на колени и лила в огонь растопленный бараний жир. Пламя с гулом взметалось вверх, и женщины восклицали:

> «От-Ана, жарылқа! Шаңырағың биік болсын, босағаң берік болсын!»

> («Мать-Огонь, благослови! Да будет высок твой шанырак, да будет крепким твой порог!»).

Через огонь невестка принималась в священную родовую общину предков мужа.

Историографический анализ: от анимизма к космическому храму

В мировой культурологии феномен степных святилищ получил фундаментальное теоретическое обоснование:

- Концепция иерофании ландшафта Мирчи Элиаде:

Мирча Элиаде в труде «Священное и мирское» показал, что для традиционного человека сакральное пространство не конструируется искусственно, а «открывается» в природе. Гора, священное дерево или источник священные не по причине их утилитарной пользы, а потому, что они являются точками прорыва трансцендентного в материальный мир.

- Археологические исследования С. Г. Кляшторного и А. Х. Маргулана:

Академик Алькей Маргулан на материалах святилищ Центрального Казахстана доказал, что наскальные рисунки урочища Тамгалы и мегалитические комплексы Бегазы-Дандыбая представляют собой грандиозные древнейшие обсерватории и соборные храмы под открытым небом, где ритуал был синхронизирован с движением звезд и солнца.

Онтологическая соборность ландшафта: архитектоника природных святилищ

Сакральная география степи выстраивалась не как искусственная постройка из мертвого камня, а как живой, пульсирующий организм открытого мира. Храмомномада была сама земля под сводом небес, где каждый локус обладал своей уникальной онтологической функцией.

На высшей вертикали пребывают священные горы и шиханы — древний Бодэншан, священный Отыкен, Улытау и Торатау. Вершина горы — это место предельного истончения гра-

ницы между дольным и горным мирами, алтарь соборного предстояния народа перед Единым Небом-Тенгри. Сюда не приходят ради мелких корыстных просьб; здесь правители и старейшины родов совершали бескровную молитву о мире для всей земли, испрашивая благословение дождя и крепость народного единства.

На срединных путях кочевий сакральным центром становились перевалы, каменные насыпи Оба и вековые одинокие деревья — степные Байтереки. Это локусы духовной медиации и памяти пути, где путник останавливал бег коня, чтобы сотворить тихую молитву благодарения, оставить белый камень на кургане и вновь ощутить себя странником в беспредельной вселенной.

Наконец, в глубине повседневного бытия сакральное пространство свертывалось в круг священного очага юрты и прохладу живого родника (Арасана). Очаг, одушевленный присутствием Матери-Огня (От-Ана), выступал не просто источником тепла, но неугасимым сердцем рода, соединяющим ушедших предков с новорожденными младенцами. Родник же возвращал телу чистоту первозданной влаги Земли-Воды. Так великий простор Степи оказывался пронизан невидимой сетью святости — от заоблачной гранитной вершины до уголька в домашней золе.

Экзистенциальный горизонт: храм под открытым небом и спасение священных гор

Философия степных природных святилищ звучит сегодня как мощный духовный щит против разрушительного наступления потребительской цивилизации, превращающей планету в бездушный карьер.

В начале XXI столетия народное движение в Башкортостане за спасение священных шиханов Торатау и Куштау от уничтожения сырьевыми монополиями продемонстрировало несокрушимую жизненность древней традиции. Когда тысячи людей вышли на защиту древних гор, ими двигал не холодный экономический расчет, а священный голос предков: гора — не известняк для химических заводов, а святыня отцов, растоптать которую означает лишиться чести и навлечь проклятие на своих детей. Защита ландшафта стала актом духовного самосохранения народа.

Природный храм степи не знает конфессионального эгоизма, кастовых барьеров и коммерческой корысти. Его невозможно приватизировать, купить за деньги или запереть на замок. Поднявшись на горную вершину или опустившись на колени перед чистым родником, каждый человек — нищий пастух или могущественный владыка — предстает пред мирозданием в своей изначальной наготе и простоте, как свободное дитя вечного Неба и священной Земли.

Не менее насущен и степной завет священного очага для современного дома. В эпоху фастфуда, одиночества у холодных экранов и распада семейных уз традиция напоминает: совместная трапеза у огня, уважение к хлебу и благословение старших превращают жилище в крепость любви и мира. Возродить святость своего очага и научиться благоговеть перед нетронутой природой — значит вернуть себе утраченную родину духа.

Источниковедческая база и литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
3. Византийские историки: Дексипп, Ивист, Менандр / Пер. С. Дестуниса. — СПб., 1860. — 504 с.
4. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
5. Зиманов С. З. Древний мир права казахов. В 10 томах. — Алматы: Жеті Жарғы, 2001–2009.

6. Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
7. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М.: Наука, 1974. — 572 с.
8. Маргулан А. Х. Сочинения в 14 томах. Т. 1: Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. — Алматы: Дайк-Пресс, 1998. — 400 с.
9. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
10. Мовсес Каганкатвацци. История страны Алуанк / Пер. Ш. В. Смбатяна. — Ереван: Матенадаран, 1984. — 258 с.
11. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Карпини Дж. дель. История монголов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. — М.: Географгиз, 1957. — С. 84–194.
12. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 394 с.
13. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.
14. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. Н. К. Гарбовского. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.
15. Clauson, Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 1039 p.

Мост в бездну: Ствол Бай-Терека и три бездны мироздания

Но горы, реки и жертвенные костры были лишь видимыми ориентирами на карте куда более грандиозного пространства.

Когда степной мудрец закрывал глаза, перед его внутренним взором разворачивалась колоссальная вертикаль Вселенной, где наш земной мир — лишь узкая полоса зыбкого равновесия.

Вверх, сквозь ярусы сверкающего лазурного света, уходили девять небес, населенных светлыми духами и увенчанных чертогом Тенгри. Вниз, под слой земли и черных вод, разверзались холодные бездны Эрлика — подземное царство теней, судилища и возмездия. А связывало эти три мира исполинское космическое древо — Бай-Терек, чьи корни уходят в преисподнюю, а крона подпирает небесный купол.

Как удерживалось равновесие между этими тремя царствами? Почему человек Срединного мира был призван стать стражем космического баланса, предотвращающим вторжение тьмы? И кто на самом деле владыка подземного мира — безжалостный демон или справедливый судья?

Об этом — в следующей главе: «Строение мира: три царства вселенной и Мировое Древо».

\* \* \*

Сакральная география степи выстраивалась не как искусственная постройка из мертвого камня, а как живой, пульсирующий организм открытого мира. Храмомномада была сама земля под сводом небес, где каждый локус обладал своей уникальной онтологической функцией.

На высшей вертикали пребывают священные горы и шиханы — древний Бодэншан, священный Отюкен, Улытау и Торатау. Вершина горы — это место предельного истончения границы между дольным и горным мирами, священное место всенародного предстояния перед Единым Небом-Тенгри. Сюда не приходят ради мелких корыстных просьб; здесь правители и старейшины родов совершали бескровную молитву о мире для всей земли, испрашивая благословение дождя и крепость народного единства.

На срединных путях кочевий сакральным центром становились перевалы, каменные насыпи Оба и вековые одинокие деревья — степные Байтереки. Это локусы духовной медиации и памяти пути, где путник останавливал бег коня, чтобы сотворить тихую молитву благо-

дарения, оставить белый камень на кургане и вновь ощутить себя странником в беспредельной вселенной.

Наконец, в глубине повседневного бытия сакральное пространство свертывалось в круг священного очага юрты и прохладу живого родника (Арасана). Очаг, одушевленный присутствием Матери-Огня (От-Ана), выступал не просто источником тепла, но неугасимым сердцем рода, соединяющим ушедших предков с новорожденными младенцами. Родник же возвращал телу чистоту первозданной влаги Земли-Воды. Так великий простор Степи оказывался пронизан невидимой сетью святости — от заоблачной гранитной вершины до уголька в домашней золе.

Философия степных природных святилищ звучит сегодня как мощный духовный щит против разрушительного наступления потребительской цивилизации, превращающей планету в бездушный карьер.

Природный храм степи не знает конфессионального эгоизма, кастовых барьеров и коммерческой корысти. Его невозможно приватизировать, купить за деньги или запереть на замок. Поднявшись на горную вершину или опустившись на колени перед чистым родником, каждый человек — нищий пастух или могущественный владыка — предстает пред мирозданием в своей изначальной наготе и простоте, как свободное дитя вечного Неба и священной Земли.

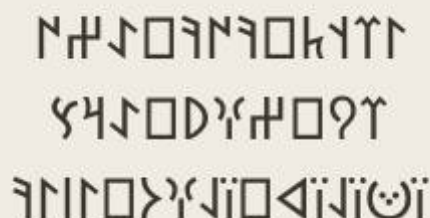
\* \* \*

- Относись к священным местам с благоговением: вершины гор, вековые деревья и чистые источники — это природные алтари Творца. Приходи туда без шума, с чистыми мыслями и открытым сердцем.

- Почитай священный огонь (От): огонь — земное око солнца. Не оскверняй пламя злобой и бранью, пусть твой очаг будет символом тепла и гостеприимства.

- Ищи святость в простоте: тебе не нужны золотые капища. Истинный храм окружает тебя повсюду — в шелесте трав, в синеве неба и в чистоте ключевой воды.

## Глава 14. Стрoение мира: три царства вселенной и мировое древо



*«Үс дойду... Үөһээ Дойду — үрүҥ айыылар уйалара; Орто Дойду — киһи-аймах олоҕо; Аллараа Дойду — хараҥа абааһылар сирдэрэ... А пронизывает все три мира великое древо Аал Луук Мас: корнями оно держит нижнюю преисподнюю, мощным стволом подпирает Средний мир, а вершиной уходит в зенит Верхнего Неба...»*

*(Якутский героический эпос Олонхо, «Ньургун Боотур Стремительный», запись П. А. Ойунского)*

Падение в бездну корней: Смертная битва за ствол мира

Глухой удар железного клинка о ледяной панцирь чудовища. Громоподобный рык сотрясает земные недра.

В эпических сказаниях номадов богатырь спускается на черном коне в расщелину земли не ради золота и не ради праздного любопытства. Он идет туда, где стынут мертвые подземные воды, потому что из нижнего мира хлынула тьма: подземные чудовища подгрызают корни великого древа Бай-Терек, и если падет хотя бы одна ветвь — Срединный мир людей рухнет в тартарары, а небесный купол расколется на куски.

Человек современной эпохи привык думать о мире плоско: для него есть только поверхность асфальта, этажи бетона и спутники на орбите. Но степной всадник всегда ощущал себя стоящим на тонком, дрожащем мосту над гигантской бездной.

Сверху — девять ярусов пылающего небесного света, откуда нисходит благодать Кут. Снизу — черные глубины подземного судьи Эрлика, где карается всякая неправда. А прямо посередине — человек, которому вверен священный дозор: удерживать космический баланс ценой собственной жизни.

Как была устроена эта грандиозная трехмерная вселенная, и почему образ Мирового Древа стал для кочевников символом несокрушимого бессмертия?

Архитектоника степного космоса: гармония трех сфер

Космологическая картина мира тюркских народов Евразии представляет собой строгую, кристально ясную и соподчиненную систему бытия. Пространственный универсум здесь никогда не мыслился как хаотическое скопление стихийных сил или бесформенная бездна.

В основе традиционной космологии лежит трехчастная вертикальная модель Вселенной, органично пронизанная стержнем \*Мирового Древа (Бай-Терек / Бэйттерек / Аал Луук Мас)\*:

1. \*Верхний мир (Үөһээ Дойду / Жоғарғы дүние):\* Царство непреходящего небесного света, обитель Творца-Тенгри, богини Умай и светлых созидательных духов;

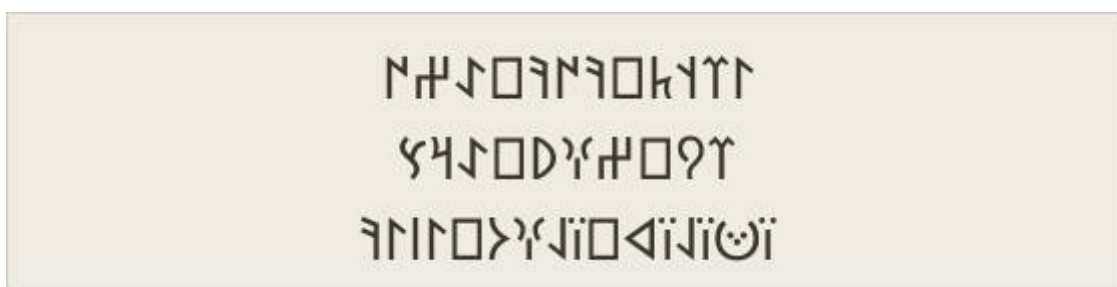
2. \*Срединный мир (Орто Дойду / Орта дүние / Жалған дүние):\* Земное подсолнечное пространство, где живут «сыны человеческие» (kişi oylı\*), пасутся табуны, цветут степные травы и возводятся родовые очаги;

3. \*Нижний мир (Аллараа Дойду / Төмөнгү дүние / Тамаг):\* Хтоническая сфера недр, подземных вод, холода и завершения земных сроков жизни, находящаяся под надзоромлады смерти Эрлика.

В историографии XIX–XX веков эта космология нередко подвергалась искусственной вульгаризации: исследователи либо механически накладывали на нее христианско-исламскую оппозицию «Рай vs Ад», либо сводили образ Эрлика к карикатурному черту поздних шаманских сказок. Однако подлинные древнейшие источники — от руники Орхона и гадательной книги «Irk Bitig» до эпических поэм Олонхо и «Урал-батыр» — раскрывают совершенно иную, глубоко философскую картину космического равновесия.

Эпиграфический зачин: бинарно-тернарная формула Орхона

В первой строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.) запечатлена исходная космогоническая матрица традиции:



*«Üze kök teŋri, asra yaγız yer qılınuqda, ekin ara kişi oγlı qılınmış...»*

(«Когдаверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Буряя Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие...»).

> «Üze kök teŋri, asra yaγız yer qılınuqda, ekin ara kişi oγlı qılınmış...»

> («Когдаверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Буряя Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие...»).

В этом предельно сжатом руническом манифесте сформулирован онтологический статус человека:

- Небо (Kök Teŋri) и Земля (Yaγız Yer) образуют первичные полярности космоса — духовную высь и материальную опору;

- Человечество (kişi oγlı) помещено ровно между ними (ekin ara) не случайно. Человек — это срединное мыслящее звено вселенной, призванное соединять правду Неба с плодородием Земли.

Эпическая полнота трех миров: якутское Олонхо

Наиболее детальное и грандиозное поэтическое описание трехъярусного космоса сохранилось в якутском эпосе Олонхо («Ньургун Боотур Стремительный»), зафиксировавшем архаический общекочевой пласт I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.:

Yөһээ Дойду (Верхний Светлый Мир)

Верхний мир состоит из девяти концентрических небесных ярусов. Это пространство вечного белого сияния, где не бывает ни зимы, ни засухи, ни тления.

- На вершине девятого яруса восседает благой демиург Юрюнг Айыы Тойон;

- Там обитают светлые божества Айыы, являющиеся родоначальниками людей и покровителями плодородия;

- Из Верхнего мира на землю нисходит благодать жизни — небесный \*Кут (Qut / Сүр)\*, воплощающийся в душах новорожденных детей и приплоде жеребят.

Орто Дойду (Срединный Мир людей)

Средний мир — это наша солнечная Земля, сотворенная прекрасной, изобильной, но хрупкой и уязвимой.

- Жители Среднего мира именуются поэтической формулой: «аймах-айыы, люди с поводами за спиной» — существа, наделенные свободной волей и разумом, обязанные сами выбирать между добром и злом;

- Жизнь человека протекает в непрестанном труде и борьбе за сохранение очага, уход за скотом и защиту слабых;

- Средний мир открыт влияниям сверху и снизу: благодать Неба питает его, но снизу поднимаются хтонические силы распада.

Аллараа Дойду (Нижний Мир недр)

Нижний мир — это подземная ледяная или смоляная бездна, лишенная солнечного тепла.

- Там обитают свирепые одноглазые демоны \*абаасы (abaahī)\*, олицетворяющие энтропию, слепую ярость разрушения, эпидемии и физическую гибель;

- Прорыв абаасы в Срединный мир вызывает войны, бедствия и раздоры;

- Защитником людей выступает небесный богатырь — Ньургун Боотур, спускающийся из Верхнего мира, чтобы сокрушить демонов и восстановить погрязший мировой порядок.

Ось мироздания: феномен Мирового Древа (Бай-Терек и Аал Луук Мас)

Все три яруса мироздания не изолированы друг от друга: их пронизывает, соединяет и удерживает единая органическая ось — Мировое Древо.

1. Аал Луук Мас (Великое Исполинское Древо Олонхо):

Корни этого священного дерева уходят в самые глубокие бездны преисподней, связывая и сковывая силы хаоса. Его могучий ствол вздымается сквозь весь Срединный мир, служа космической опорой человечеству. Вершина и ветви Аал Луук Мас упираются в лазурные чертоги девятого неба, где из листьев сочится целебная животворная роса — сок жизни (илгэ), питающий землю.

2. Бәйтерек в казахской мифопоэтике:

В казахской традиции Мировое Древо предстает как исполинский тополь Бәйтерек («Мать-Древо»), растущий на краю света у подножия священной горы.

- В пышной кроне Бәйтерека вьет гнездо сказочная солнечная птица \*Самрук (Самұрык)\*, откладывающая золотое яйцо — дневное солнце;

- В корнях дерева, в темных водах подземного океана, живет гигантский дракон Айдахар, который каждый вечер стремится проглотить солнце, повергая мир во мрак;

- Каждое утро птица Самрук возрождает светило вновь, знаменуя вечную победу жизни и света над распадом. Батыр Ер-Тостик, совершая путешествие сквозь чрево нижнего мира, спасает птенцов Самрук, убивает дракона и на крыльях великой птицы возносится обратно в мир живых людей.

Эволюция образа владыки недр: от Эрлика-судьи к демону

Одной из самых захватывающих проблем тюркской теологии является фигура правителя нижнего яруса — \*Эрлика (Erlig qan)\*.

1. Архаический пласт: Эрлик как справедливый судья загробного мира:

В древнетюркских текстах (рунической книге притч «Irk Bitig» IX в., манихейских и уйгурских фрагментах) имя Эрлик происходит от основы erlik (мужество, зрелость, достоинство) и соотносится с понятием неумолимого закона смерти. Эрлик — это не «абсолютное зло», не христианский сатана. Он — грозный и беспристрастный судья, хранитель законов подземного мира, принимающий души умерших и отмеряющий им воздаяние за земные грехи. Смерть в этой оптике — не трагедия, а естественный космический предел («Kışi oylı qor ölgeli tögümüş» — «Сыны человеческие все рождены, чтобы умереть»).

2. Позднейшая фольклорная демонизация:

Лишь в XVIII–XIX веках под воздействием внешних дуалистических влияний в шаманском фольклоре Саяно-Алтая образ Эрлика приобрел черты уродливого противника демиурга Ульгения, строящего козни и насылающего нечисть. В изначальной же традиционной системе Эрлик являлся законным правителем нижнего царства, признающим верховенство Неба-Тенгри.

Башкирская кубаирная космология: три мира «Урал-батыра»

В башкирском эпосе «Урал-батыр» архитектоника трех миров предстает в строгом эпическом противостоянии:

- Высший небесный чертог: Царство птичьего владыки Самрау, где царит мир, бессмертие и солярный свет. Самрау воплощает высшую справедливость, но не вмешивается прямо в земные битвы;

- Срединный мир Урала: Земля людей, за свободу и чистоту которой сражается Урал-батыр, очищая ее от насилия и зла;

- Подземно-подводное царство Шульгена: Мрачные озерные пучины и бездны, куда заточен падший брат батыра — Шульген, объединившийся с чудовищными дэвами и змеями. Вода в эпосе выступает диалектической стихией: животворная чистая проточная вода (Йәншишмә) несет жизнь, тогда как стоячая озерная глубь Шульгена олицетворяет хаос и смерть.

Историографический анализ: архетип мирового дерева

В академическом религиоведении трехчастная модель космоса получила глубокое осмысление:

- Концепция Мирчи Элиаде:

В классическом труде «Шаманизм: архаические техники экстаза» Элиаде выделил алтайско-тюркскую вертикальную модель как совершенный мировой образец космологической целостности. Мировое дерево выполняет функцию оси соединения: через ствол дерева шаман или батыр совершает экстатическое путешествие на небеса за благословением либо спускается в преисподнюю для спасения похищенной души сородича.

- Исследования И. В. Пухова и С. Г. Кляшторного:

Иннокентий Васильевич Пухов доказал, что якутское Олонхо сохранило в изоляции бассейна Лены древнейшие черты общекочевого эпоса хуннской и тюркской эпохи, избежав позднейших искажений.

С. Г. Кляшторный подтвердил, что трехчастная космология была общепринятым каноническим мировоззрением древнетюркских элей.

Метафизическое ядро: этическая миссия человека в Срединном мире

Метафизическое обобщение: созвучие трех сфер и назначение человека

Из трехъярусного строения космоса вырастает глубочайшая религиозно-философская концепция предназначения человека. Вселенная предстает не нагромождением случайных элементов, а живым Древом Бытия, где каждая сфера исполняет свое непреложное призвание.

В высшем ярусе — Верхнем Море света и непреходящей гармонии — пребывает предвечный Тенгри в союзе с жизнедательной Умай. Это неиссякаемый Источник космического Закона (Tögö), духовной благодати (Qut) и высшего смысла существования. На противоположном полюсе простирается Нижний Мир — холодные недра, поглощающие плотский тлен, обитель неизбежного физического предела. Традиция не демонизирует нижнюю глубину как абсолютное метафизическое зло: корни Мирового Древа должны уходить в темную толщу земли, чтобы крона могла цвести в лазури. Нижний мир — это необходимый закон круговорота материи и предел бренности.

Но сердцевиной этой космической драмы является \*Срединный Мир (Орта дүние), доверенный человеку (Kişi öyli). Человек выступает здесь живым священным катехоном — удерживающим стражем вселенского лада. Земной мир держится на его плечах. Если люди предаются корысти, предадут данное слово (ант\*), проливают невинную кровь и разрушают священную

Землю-Воду, невидимая грань между ярусами истончается — и энтропия нижнего хаоса захлестывает степи и города. И напротив, праведная жизнь по совести, верность памяти отцов и чистота помыслов низводят благодать Верхнего Мира на землю, утверждая торжество жизни.

Экзистенциальный горизонт: Байтерек и преодоление одномерности бытия

В XXI столетии, отмеченном духовной дезориентацией, утратой метафизических ориентиров и страхом перед историческим небытием, архитектура Трех Миров предлагает человеку спасительную вертикальную систему координат.

Человек эпохи позднего модерна оказался заперт в душной, одномерной горизонтальности бытия и бесконечного потребления. Он забыл о чистом Небе над головой и одновременно пытается спрятаться от неизбежной мысли о смерти, вытесняя память о конечности земного срока в иллюзорный мир развлечений. Тюркская модель мира взламывает эту одномерную ловушку. Она возвращает сознанию мужественную полноту: человек осознает себя стоящим между вечностью созидающего Духа и тайной физического конца.

Образ Мирового Древа Байтерек учит глубочайшей экологии духа. Невозможно спасти ветви, уничтожая ствол; нельзя отравить корни, не обрекая на гибель всю крону. Забота о природе, чистота помыслов, справедливость в обществе и верность долгу образуют неразрывный союз. Мужественное знание того, что земной век краток и отмерен волей Неба, избавляет личность от мелочного страха и малодушия: человек призван жить по правде не ради посмертных наград или из панического страха наказания, а потому, что только достойная жизнь оставляет незапятнанный свет в памяти Срединного мира.

Источниковедческая база и литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
3. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 214 с.
4. Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. — М.: Наука, 1981. — С. 117–138.
5. Маадай-Кара: Алтайский героический эпос / Пер. А. Плисецкого. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. — 474 с.
6. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
7. Ойунский П. А. Ньургун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос Олонхо. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — 440 с.
8. Потапов Л. П. Очерки культа животных у алтайцев // Советская этнография. — 1935. — № 4–5.
9. Пухов И. В. Якутский героический эпос Олонхо: Публикация, перевод, теория, типология. — Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. — 212 с.
10. Радлов В. В., Малов С. Е. Сутра Золотого Блеска (Алтун Ярук). — СПб.: Изд-во Имп. АН, 1913–1917. — 722 с.
11. Урал-батыр: Башкирский народный эпос / Пер. А. Х. Хакимова. — Уфа: Башкнигоиздат, 1977. — 176 с.
12. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 452 с.
13. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — К.: София, 1998. — 384 с.
14. Clauson, Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 1039 p.
15. Roux, Jean-Paul. La religion des Turcs et des Mongols. — Paris: Payot, 1984. — 324 p.

Мост в бездну: Закон, перед которым трепещут владыки

Но даже исполинское Древо Бай-Терек и неподвижный Железный Кол Полярной звезды не устояли бы перед энтропией хаоса, если бы за ними не стояло Нечто высшее.

Какая скрытая сила связывает воедино созвездия в вышине, корни в преисподней и поступки смертных людей? Что удерживает небесный купол от падения на бурю землю?

Древнетюркские каганы знали ответ, высекая его на граните священным словом — \*Төрө (Törö)\*.

Это не просто свод человеческих обычаев или указ временного правителя. Это верховный Космический Закон Вселенной. Закон, которому подчиняется сам каган. В тот миг, когда владыка ставит свой каприз выше Төрө, Небо отворачивается от него, благодать покидает шатер, а народ восстает, чтобы смести тирана.

Почему в Степи говорили: «Государство может погибнуть, но Закон не погибнет никогда»? Как древнетюркская формула сдержек и противовесов опередила европейские конституции на целое тысячелетие?

Об этом — в кульминационной главе Второй Книги: «Вселенский закон Төрө: Небо, государь и народ».

\* \* \*

- Помни о трёх мирах: твоё тело живёт в Срединном мире, корни твоих сил уходят в земную глубь, а взор и дух устремлены к Верхнему Небесному миру Тенгри.

- Будь Мировым Древом (Байтерек): пускай корни глубоко в родную почву и традиции, а крону раскрывай навстречу солнцу и высшему свету познания.

- Храни гармонию уровней: не погружайся целиком в материальную суету, но и не улетай в бесплодные иллюзии. Истинный путь номада — твердо стоять на земле, глядя в Небо.

## Глава 15. Вселенский закон тёрё: небо, государь и народ

ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ  
ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ  
ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ

*«Они держали и устраивали государство [эль] и законы [тёрё] тюркского народа... Ради тюркского народа я не спал ночей и не сидел [без дела] днем... Я поднял истощенный народ, нагой народ снабдил одеждой, бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным!»*

*(Памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, 732–735 гг.)*

Суд на белом войлоке: Заговор против самовластья

Холодное утро на берегу реки Орхон. Ставка кагана окружена сотнями молчаливых всадников. Никто не обнажает мечей, но тяжелое молчание давит сильнее грохота битвы.

Перед шатром расстелена широкая белая кошма. На нее восходит правитель. Старейшины родов и заслуженные батыры подходят к нему вплотную. В руках акакала — не золотой кубок и не драгоценный халат, а шелковый шнур и простая деревянная дощечка с вырезанными древними чертами.

Правителю затягивают на шее шелковую петлю — до тех пор, пока он не начинает задыхаться и терять сознание. В полубреду его резко встряхивают и кричат прямо в лицо: «Сколько лет ты обязуешься служить народу по Правде Тёрё?!»

Это не средневековый переворот и не бунт черни. Это священный тюркский ритуал коронации.

Если каган хотя бы раз возомнит себя деспотом, если он нарушит вечный Закон и прольет кровь родичей ради своей прихоти — Небо отнимет у него Кут, а народ снимет его с престола без малейшей пощады.

В Степи не было абсолютных монархов западного или восточного образца. Был только один абсолютный суверен — космический Закон \*Тёрё (Tögö)\*, перед которым правитель был лишь первым слугой, обязанным трудиться «до черного пота и красной крови».

Как работала эта железная система священных сдержек и противовесов, и почему древний принцип «Государство может пасть, но Закон не погибнет» актуален для нас сегодня как никогда?

Венчание теологии: власть не как произвол, а как космическое служение

Завершающая глава Второй Книги («Небо и мир») подводит теологический, онтологический и космологический фундамент под социальное и государственное бытие кочевых народов Евразии.

В историософии Нового времени в отношении восточных кочевых империй долгое время господствовал миф о «дикой азиатской деспотии». Утверждалось, будто степная держава держалась исключительно на грубом насилии конной орды, слепом терроре предводителей и полном беспорядке рядовых кочевников перед лицом самовластного хана.

Однако прямое обращение к эпиграфическим источникам Второго Тюркского каганата, уйгурским и караханидским манускриптам, памятникам права дунайских болгар и обычному праву казахов и башкир открывает диаметрально противоположную реальность.

Власть в тюркской традиции никогда не была произволом тирана. Она мыслилась как строжайшее литургическое и правовое служение, неразрывно включенное в сакральную триаду:

> ТЕНГРИ (НЕБО) — КАГАН (ПРАВИТЕЛЬ) — ЭЛЬ (НАРОД).

Высшей ценностью, регулирующей эту триаду и стоящей неизмеримо выше любого смертного владыки, являлся Вселенский Космический Закон — \*Tēpē (Törö / Törü)\*.

Эпиграфический статус Тёрё: завет отцов-основателей

В первой же строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.) учреждение государственности формулируется через неразрывную связь двух понятий — El (государство, союз свободных племен) и Tögö (закон, космический порядок):

> «...Olurupan türk bodunıñ ilin törösın tuta bērmış, ite bērmış...»

> («...Воссев на престол, они держали и устраивали государство [эль] и закон [тёрё] тюркского народа...»).

В этой формуле глагол tuta bērmış означает «держат, сохраняют в руках, береж от распада», а глагол ite bērmış — «устраивать, приводить в согласие, гармонизировать».

Понятие Тёрё в мировоззрении номада не было простым административным указом правителя. Это священный уклад, дарованный самим Небом при сотворении мира. Задача кагана заключалась не в том, чтобы изобретать законы по своему капризу, а в том, чтобы быть верным стражем Тёрё, следить за его неукоснительным соблюдением всеми родами и сословиями.

Власть как непрестанный труд и попечение

В строках эпитафии Бильге-кагана находит выражение беспрецедентный для древнего мира манифест ответственности власти перед народом:

> «Türk bodun üçün tün udımadım, күntüz olurmadım...»

> («Ради тюркского народа я не спал ночей и не сидел без дела днем...»).

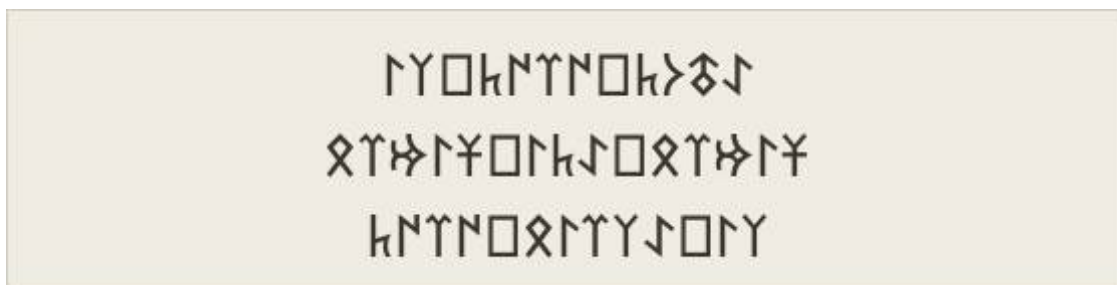
Правитель отчитывается перед высшим Небом и перед собранием соплеменников не величием дворцов, не золотой добычей и не числом невольников. Единственным критерием оправдания каганской власти признается реальное благополучие простых людей:

- Поднятие упавшего духом народа (toruı bodunıñ semirttim);
- Защита нагих и бедных (yalaı bodunıñ tonluı, çıyañ bodunıñ bay qıldım);
- Сохранение мира и умножение потомства.

Если правитель допускал обнищание народа, несправедливый суд или втягивал страну в авантюрные разорительные войны, Небо отзывало свой мандат.

Кара Неба за отступление от Тёрё

В Малой надписи Кюль-тегина (КТм 9–10) прямо указывается первопричина исторических трагедий:



«Törösın içün#iñ bodunıñ... Teñri yarlıqaduğın üçün...»

(«Народ, утративший свой Закон [төрө], пренебрегший заветом отцов, Небо повергло в ничтожество; правителей лишило каганатов, а государство отдало в чужие руки...».)

> «Törösın içyın#ış bodunıy... Tengri yarlıqaduqın ücün...»

> («Народ, утративший свой Закон [төрө], пренебрегший заветом отцов, Небо повергло в ничтожество; правителей лишило каганатов, а государство отдало в чужие руки...»).

Катастрофа утраты независимости и попадания под полувековое иго Танской империи (630–680 гг.) осмысливается тюркскими мудрецами не просто как военное поражение, а как прямое следствие морального распада элиты, предавшей Төрө ради китайского шелка, титулов и роскоши. Небо покарало народ за измену правде.

Философия Справедливости в «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни (1069 г.)

Выдающимся памятником средневековой тюркской философии права является дидактическая поэма Юсуфа Хасс Хаджиба Баласагуни «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание»):

Центральный философский конфликт поэмы раскрывается через диалог двух главных персонажей:

- Кюнтогды-каган («Восходящее Солнце»): Олицетворяет Справедливость и Закон (Törö / Kөnilik);

- Айтолды-визирь («Полная Луна»): Олицетворяет Власть, Счастье и Благодать (Qut).

Баласагуни формулирует непреложный закон:

> \*«Törö birle el bek, qutı artar künde,

> Törö bussa begler, yiter qut bu künde...»\*

> \* («Законом крепка держава, и благодать [кут] ее возрастает с каждым днем;

> Но если правители разрушат Закон [төрө], в тот же день благодать покинет их...»)\*.

Справедливый Закон уподобляется солнцу: подобно тому, как солнечный луч одинаково согревает и вельможу, и нищего пастуха, не делая различий между сословиями, так и Төрө должно быть абсолютно беспристрастным. Власть (Кут) слепа, переменчива и капризна, как фазы луны; устойчивость и бессмертие государству дает только непоколебимый Закон Төрө.

Степной правовой афоризм: «El qalur, törö qalmaz»

Среди кочевых народов Центральной Азии на протяжении тысячелетий бытовала нерушимая пословица:

> «El qalur, törö qalmaz» / «Ел қалар, төрө қалмас»

> («Государство может пасть, но Закон нерушим»).

Этот афоризм фиксирует высшую форму степного конституционализма:

- Ханства, империи, правящие династии и государственные границы бренны. Они возникают, достигают зенита и исчезают в песках истории под воздействием смены эпох;

- Но моральный закон справедливости, родовая честь, верность данному слову и обычай предков пребывают вечно. Народ, потерявший правителя, способен воссоздать государство заново, если он сохранил верность Төрө; но народ, утративший Төрө, обречен на окончательное историческое небытие.

Региональная институционализация: суд биев и башкирский Йыйын

В эпоху Нового времени институты степной демократии и верховенства Төрө воплотились в уникальных формах самоуправления казахов и башкир.

Казахский суд биев и свод «Жеті Жарғы» (XVII–XVIII вв.)

В обычном праве казахов, кодифицированном при хане Тауке при участии великих биев трех жузов — Толе би, Казыбек би и Айтеке би, власть хана была строго ограничена институтом судебной власти:

1. Бий как голос совести и Төрө:

Бием невозможно было стать по наследству или по назначению хана. Статус бия даровался народом исключительно за безупречную честность, глубокое знание законов предков и ораторский дар.

## 2. Приоритет суда над ханской волей:

Если хан совершал несправедливость, потерпевший обращался к бию. В казахском праве существовало нерушимое правило: «Ханда қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары бар» («У хана может быть ум сорока мужей, но у бия — совесть сорока поколений»). Решение бия, скрепленное клятвой перед Небом, было обязательно для исполнения ханом.

## 3. Бескровное правосудие:

Степной суд не знал тюрем и калечащих наказаний. Главным принципом было возмещение ущерба, примирение враждующих родов через выплату виры (құн) и восстановление родового согласия.

Башкирский народный сход «Йыйын» и защита вотчинного права

В общественном строе башкир верховным органом власти являлся Йыйын — соборный съезд старейшин и свободных общинников:

- Решения о границах родовых земель, распределении пастбищ, союзах с соседями и избрании предводителей принимались исключительно соборным консенсусом;

- Ханские наместники или царские воеводы не имели права вмешиваться во внутреннее устройство башкирской общины;

- Закон предков (Түрә) гарантировал святость вотчинного права на землю: земля принадлежала роду на вечные времена, и отнять ее силой считалось тягчайшим преступлением против воли Неба.

Историографический спор: авторитаризм или военная демократия?

В исторической науке природа власти кочевых каганов породила глубокую дискуссию:

- Позиция академика В. В. Бартольда:

Василий Владимирович Бартольд показал, что тюркский каганат представлял собой сложную конфедерацию родов и племен, объединенных на принципах военной демократии. Власть кагана держалась не на бюрократическом аппарате, а на авторитете воинской славы и способности сохранять мир между родами.

- Труды С. Г. Кляшторного:

Сергей Григорьевич Кляшторный детально исследовал социально-правовую терминологию рунических стел. Он доказал, что формула «Teŋridä bolmıŋ» («рожденный/утвержденный в Небе») налагала на кагана не абсолютную власть, а абсолютную подотчетность Небу. Каган не обожествлялся; он признавался смертным наместником Неба, чья жизнь и власть находились в руках Тенгри до тех пор, пока он верно служил элю.

Сакральная триада бытия: метафизика степного правления

Венчающий вывод всей теологии и космологии Второй Книги кристаллизуется в нерушимую сакральную триаду степной государственности, где власть, закон и соборный народ образуют единое метафизическое целое.

На высшей ступени этой онтологической иерархии пребывает Тенгри — верховный Творец, мерило истины и нелицеприятный Судия. От Него исходит предвечный, объективный Закон мироздания — \*Тёрё (Törö), и даруется животворящая благодать власти — Кут (Qut)\*. Закон Тёрё не изобретается капризом правителя; он предвечен, как само вращение небесного купола, и объективен, как смена времен года.

В средоточии земного бытия поставлен Каган / Хан — не самовластный деспот, но смертный служитель и блюститель Тёрё, пастырь своего народа. Его предназначение исключительно жертвенно: хранить единство державы, вершить неподкупный суд биев, защищать вдов и сирот, обогащать неимущих и сберегать пастбища от разорения. Власть дана кагану не как личное достояние, а как испытание совести: пока он правит по правде, Небо удерживает над ним благодать Кут; как только он впадает в корысть и гордыню, Небо отзывает Свой мандат, обращая вчерашнего владыку в прах.

Основой же земного мира выступает Эль / Бодун — соборный народ, союз свободных родов и общин. Долг народа перед Тёрё — хранить верность клятве (ант), проявлять доблесть в ратном труде и беречь честь своих отцов. Эль свободен и непобедим ровно постольку, поскольку пребывает внутри священного закона. Если государь попирает Тёрё, Эль имеет сакральное право и обязанность восстановить поруганную справедливость, избрав нового предводителя, угодного Небу. Это была совершенная, опередившая века модель сакрального правового государства, в которой правде подчинялись и пастух, и венценосец.

Экзистенциальный манифест: величие Закона перед вызовами истории

Древняя философия Тёрё формулирует кардинальные выводы для политической мысли современности, блуждающей между авторитаризмом и анархией.

Степной завет «Ил кетсе де, төрө қалсын» — «Держава может пасть, но Закон нерушим» — утверждает абсолютный примат непреложного Права над сиюминутной политической конъюнктурой. Никакие соображения государственной целесообразности, партийные амбиции или произвол правящих элит не могут стоять выше высшей Справедливости и достоинства человека. Государство, разрушающее закон ради удержания власти узкой клики, неизбежно обрекает себя на крах: лишаясь правды, оно лишается небесного благословения.

Не менее высок нравственный императив служения. Слова надписи в честь Кюль-тегина — «Ради своего тюркского народа я не спал ночей и не отдыхал днем, проливал красную кровь и трудился до черного пота, нагой народ одел, бедный народ сделал богатым» — должны быть высечены на совести каждого современного государственного деятеля. Власть — не кормушка для личного обогащения, а тяжелейшее духовное бремя. Истинный лидер измеряется не блеском своей свиты, а благосостоянием самых незащищенных слоев общества.

Наконец, принцип Тёрё утверждает соборную солидарность граждан. Судьба родины не может быть передоверена слепой воле одного правителя. Каждый сородич, каждый гражданин несет личную нравственную ответственность за судьбу своего народа. Гражданское безразличие, трусость и молчание перед лицом беззакония делают народ соучастником преступления. Быть верным Тёрё — значит обладать мужеством отстаивать правду, защищать родную землю и не склонять головы перед кривдой.

Источниковедческая база и литература

1. Акатай С. Древние культы и верования казахов. — Алматы: КазНИИКИ, 2011. — 320 с.
2. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. — М.: Наука, 1968. — С. 19–192.
3. Бешевлиев В. Прабългарски епиграфски паметници. — София: Изд-во на ОФ, 1981. — 228 с.
4. Древнетюркский словарь (ДТС) / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
5. Зиманов С. З. Древний мир права казахов. В 10 томах. — Алматы: Жеті Жарғы, 2001–2009.
6. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 214 с.
7. Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
8. Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. — М.: Наука, 1971. — С. 121–146.
9. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. — М.: Наука, 1997. — 303 с.
10. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. — М.: Наука, 1974. — 572 с.

11. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.

12. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Пер. С. Н. Иванова. — М.: Наука, 1983. — 560 с.

13. Clauson, Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 1039 p.

14. Roux, Jean-Paul. La religion des Turcs et des Mongols. — Paris: Payot, 1984. — 324 p.

Финал Книги II и мост к Книге III: Рождение Человека Степи

Мы завершили путь исследования Второй Книги — от семантики Неба-Тенгри и сакральной чистоты Земли-Воды до материнского покрова Умай, памяти Аруаков, природных святынь, трех ярусов вселенной и Вселенского Закона Тёрё.

Теологический и космологический фундамент заложен. Но космос мертв без того, кто способен вместить его в своем сердце.

В этот сотворенный мир вступает главное действующее лицо — сам Человек.

Кто он — степной путник под бездонным куполом? Из каких невидимых космических токов соткано его естество? Что такое \*Кут (Qut) — искра небесной благодати, покидающая подлецов и хранящая праведников? Почему дыхание Тын (Tyn) считалось священным даром, а потеря чести Намыс (Namysh)\* означала мгновенную смерть духа задолго до физической кончины?

Как безжалостная степь ковала личность, способную улыбаться в лицо смерти и ценить свободу дороже золота?

Приготовьтесь заглянуть в тайники человеческого сердца. Начинается Книга III: «Человек, душа и жизненная сила (Тюркская антропология)», и ее первая тайна — загадка небесного семени Кут.

\* \* \*

Венчающий вывод всей теологии и космологии Второй Книги кристаллизуется в нерушимую сакральную триаду степной государственности, где власть, закон и единый народ образуют священное нерушимое целое.

На высшей ступени этой онтологической иерархии пребывает Тенгри — верховный Творец, мерило истины и нелицеприятный Судия. От Него исходит предвечный, объективный Закон мироздания — Тёрё (Tögö), и даруется животворящая благодать власти — Кут (Qut). Закон Тёрё не изобретается капризом правителя; он предвечен, как само вращение небесного купола, и объективен, как смена времен года.

В средоточии земного бытия поставлен Каган / Хан — не самовластный деспот, но смертный служитель и блюститель Тёрё, пастырь своего народа. Его предназначение исключительно жертвенно: хранить единство державы, вершить неподкупный суд биев, защищать вдов и сирот, обогащать неимущих и сберегать пастбища от разорения. Власть дана кагану не как личное достояние, а как испытание совести: пока он правит по правде, Небо удерживает над ним благодать Кут; как только он впадает в корысть и гордыню, Небо отзывает Свой мандат, обращая вчерашнего владыку в прах.

Основой же земного мира выступает Эль / Бодун — единый народ, союз свободных родов и общин. Долг народа перед Тёрё — хранить верность клятве (ант), проявлять доблесть в ратном труде и беречь честь своих отцов. Эль свободен и непобедим ровно постольку, поскольку пребывает внутри священного закона. Если государь попирает Тёрё, Эль имеет сакральное право и обязанность восстановить поруганную справедливость, избрав нового предводителя, угодного Небу. Это была совершенная, опередившая века модель сакрального правового государства, в которой правде подчинялись и пастух, и венценосец.

Древняя философия Тёрё формулирует кардинальные выводы для политической мысли современности, блуждающей между авторитаризмом и анархией.

Степной завет «Ил кетсе де, төрө калсын» — «Держава может пасть, но Закон нерушим» — утверждает абсолютный примат непреложного Права над сиюминутной политической конъюнктурой. Никакие соображения государственной целесообразности, партийные амбиции или произвол правящих элит не могут стоять выше высшей Справедливости и достоинства человека. Государство, разрушающее закон ради удержания власти узкой клики, неизбежно обрекает себя на крах: лишаясь правды, оно лишается небесного благословения.

Не менее высок нравственный императив служения. Слова надписи в честь Кюль-тегина — «Ради своего тюркского народа я не спал ночей и не отдыхал днем, проливал красную кровь и трудился до черного пота, нагой народ одел, бедный народ сделал богатым» — должны быть высечены на совести каждого современного государственного деятеля. Власть — не кормушка для личного обогащения, а тяжелейшее духовное бремя. Истинный лидер измеряется не блеском своей свиты, а благосостоянием самых незащищенных слоев общества.

Наконец, принцип Төрө утверждает нерушимую солидарность соплеменников. Судьба родины не может быть передоверена слепой воле одного правителя. Каждый сородич, каждый гражданин несет личную нравственную ответственность за судьбу своего народа. Гражданское безразличие, трусость и молчание перед лицом беззакония делают народ соучастником преступления. Быть верным Төрө — значит обладать мужеством отстаивать правду, защищать родную землю и не склонять головы перед кривдой.

Так завершается осмысление великого космического круга: от предвечного сияния Неба-Тенгри и сакральной чистоты Земли-Воды до материнского покрова Умай, немеркнувшей памяти предков и Вселенского Закона Төрө. Великий космос сотворен и приведен в равновесие. Теперь в это одухотворенное пространство мироздания входит сам Человек — сын Неба и Земли, призванный нести в своей груди огонь совести, дыхание жизни и таинство священного Кута.

\* \* \*

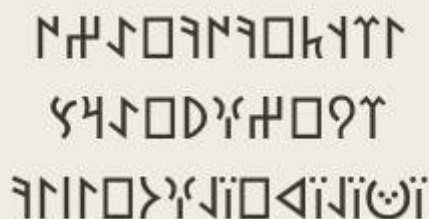
- Помни закон Төрө: Закон выше любого смертного властителя. Справедливость и правда — основа мира, без них государство превращается в разбойничий стан.

- Власть есть служение: если тебе доверено руководить людьми или семьей, помни, что ты — слуга Закона, а не капризный господин. Твоя обязанность — защищать и кормить слабых.

- Не преступай предела: всякое беззаконие, совершённое ради корысти, разрушает благодать (Кут) и возвращается бедой на голову нарушителя.

## Книга III. Человек в мироздании: антропология

### Глава 16. Человек меж небом и землей: призвание и место во вселенной



*«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие...»*

*(Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 1, 732 г.)*

На лезвии между безднами: Смертный, удерживающий космос

Песчаная буря в сердце Гоби. Небо и земля смешиваются в ревущей желтой мгле, где невозможно отличить верх от низа. Ветер валит с ног даже верблюда, мелкие камни секут кожу до крови.

Одинокий путник падает ничком, укрываясь полами овчинного тулупа. Вокруг него — ярость взбесившихся стихий, готовых стереть в пыль все живое. Но в его груди нет животного паралича.

Он помнит первую строфу, высеченную предками на священном орхонском граните: когда вверху возникло Синее Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие.

Не ради того, чтобы ползать по земле запуганными червями. И не для того, чтобы возомнить себя самозваными богами. Человек был поставлен ровно посередине — между двумя безднами (ekin ara) — как единственный страж, удерживающий небосвод от падения, а землю от хаоса.

Если дрогнет человек, если он забудет честь и закон предков — рухнет само мироздание.

Какое великое и опасное призвание возложило Небо на хрупкие плечи смертного всадника? И почему в степной мудрости человек никогда не считался рабом судьбы?

Врата степной антропологии: преодоление двух иллюзий

Завершив во второй книге исследование теологии Неба-Тенгри, сакральной чистоты Земли-Воды, материнского покрова Умай, памяти предков и Вселенского Закона Тёрё, мы вступаем в пространство тюркской антропологии.

Каково подлинное место человека в открытом степном космосе? Кем он мыслил себя под бескрайним шатром лазурного зенита?

В новоевропейской философии и публицистике степной человек на протяжении столетий оценивался сквозь призму двух взаимоисключающих искажений:

1. Редукция к слепому фатализму: Представление о кочевнике как о пассивной песчинке в бескрайней степи, полностью раздавленной стихиями природы и безропотно подчиняющейся жестокому року;

2. Модернизаторская романтизация: Неотенгрианский миф конца XX века, изображающий древнего номада как «абсолютно свободного титана», стоящего вне законов, родового долга и священных табу.

Обе эти конструкции рассыпаются при первом же обращении к синхронным памятникам тюркской традиции.

Древнетюркская мысль строилась не вокруг изолированного эгоцентрического индивида и не на трагической ближневосточной концепции «грехопадения плоти». В ее центре стояло строго определенное, ответственное и почетное онтологическое положение: человек как срединное мыслящее звено Вселенной, помещенное между Небом и Землей для поддержания мирового порядка.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.